

БЕЖЕИ

ЗАБЫТЫЙ ЛЕГИОН

Мастерский дебют, который ни в коем случае нельзя пропустить!

Джеймс Роллинс

Бен Кейн
Забытый легион
Серия «The Big Book.
Исторический роман»
Серия «Забытый легион», книга 1

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67257761

Бен Кейн Забытый легион:
ISBN 978-5-389-20977-0

Аннотация

Ромул и Фабиола – близнецы, родившиеся в рабстве, и с детства им предначертана незавидная судьба. В тринадцать лет хозяин продает Ромула в школу гладиаторов, Фабиолу же – в Лупанарий, публичный дом, где она попадет на глаза одному из самых влиятельных мужчин Рима.

Тарквиний – этрусский воин и прорицатель, враг Рима, волею судеб обреченный сражаться за Республику в Забытом легионе. Бренн – галл, семью которого убили римляне. Движимый ненавистью, не сломленный, он становится одним из самых грозных и непобедимых гладиаторов своего времени – и наставником мальчика-раба Ромула, который день и ночь мечтает лишь о побеге и мести.

Жизни этих четверых тесно сплетаются в эпическом романе Бена Кейна «Забывтый легион», первом из одноименной трилогии, захватывающем события, которые начинаются в Древнем Риме периода Республики, раздираемом коррупцией, насилием и политикой, и приводят героев к самым дальним рубежам известного мира.

Содержание

Пролог	10
Глава I	13
Глава II	34
Глава III	51
Глава IV	86
Глава V	117
Глава VI	165
Конец ознакомительного фрагмента.	196

Бен Кейн

Забывтый легион

Ben Kane

THE FORGOTTEN LEGION

Copyright © Ben Kane, 2008

First published as THE FORGOTTEN LEGION in 2008
by Preface, an imprint of Cornerstone.

Cornerstone is part of the Penguin Random House group of
companies.

All rights reserved

Перевод с английского Андрея Гришина

Оформление обложки Егора Саламашенко

Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

Карты выполнены Юлией Каташинской

the big book.
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Серия «The Big Book. Исторический роман»

© А. В. Гришин, перевод, 2008

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

К. В. и Р. Ф. Г. с благодарностью

*Красс на Евфрате орлов, и сына, и войско
утратил,*

И наконец воспринял сам он печальную смерть.

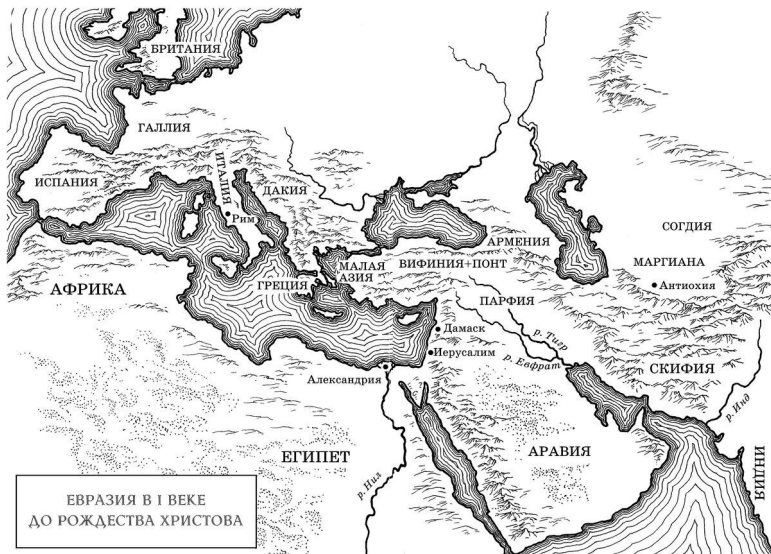
«Что ликовать вам, парфяне? — сказала

богиня. – Знамена

Вы нам вернете, и Красс Цезарем будет
отмщен!»

Овидий. Фасты

(Перевод Ф. Петровского)

Плиний Старший рассказывает в «Естественной истории», что римляне, уцелевшие после битвы при Каррах в 53 г. до н. э., отправили в Маргиану.

Эти земли, располагавшиеся на территории современного Туркменистана, отстоят на полторы с лишним тысячи

миль от места, где этих людей взяли в плен. За всю историю Рима мало кто из его граждан забирался так далеко на восток, как эти десять тысяч легионеров, присланных охранять границу империи.

Но их история на этом не заканчивается.

В 36 г. до н. э. китайский историк Бань Гу писал, что пехотинцы войска Чжичжи, хуннского князя, владельца крепости на Великом шелковом пути (современный г. Тараз в Казахстане), сражались строем, «подобным рыбьей чешуе». В китайской литературе этот термин больше не встречается; многие историки склоняются к мнению, что он обозначает стену щитов. В те времена такую тактику использовали только римляне и македонцы. Однако из-под власти наследников Александра Великого, Селевкидов, эти земли ушли более чем за сто лет до описываемых событий. Интересно также, что эта битва состоялась спустя всего 17 лет после сражения при Каррах и менее чем за пятьсот миль от границ Маргианы.

Восточнее, в Китае, расположено современное поселение Личан. Происхождение его названия точно не установлено, но ученые считают, что оно было основано между 79 г. до н. э. и 5 г. н. э. под названием Ли-чжень, означающим на древнекитайском языке «Рим». Необыкновенно большое количество его теперешних жителей имеют типично европейскую внешность — светлые волосы, носы с горбинкой и зеленые глаза. В настоящее время в местном университете

идет изучение проб ДНК, которое поможет установить, являются ли эти люди потомками десяти тысяч римлян, двинувшихся в свое время от Карр на восток и дальше – в историю.

Воинов забытого легиона.

Пролог

Рим, 70 г. до н. э.

Шел гора ундецима – одиннадцатый час, – и широко раскинувшийся город утопал в алом свете заката. Легкий бриз всколыхнул воздух меж тесно прижавшимися друг к другу зданиями, принося облегчение жителям, страдавшим от душной летней жары. Люди вышли из домов и квартир, чтобы, закончив дневные дела, поболтать возле лавок или выпить стоя в открытых уличных тавернах. Торговцы, пронзительно крича наперебой, зазывали прохожих, у порогов под бдительными взглядами матерей играли дети. Откуда-то из центра, от Форума, доносились ритмичные звуки храмового пения.

Это был мирный, спокойный час, но в переулках и маленьких двориках тени уже удлиннились. Высокие каменные колонны и статуи богов закрывали и рассеивали свет солнца, отчего улицы постепенно обретали серый, а затем и темно-серый цвет, утрачивая дневное дружелюбие. Дольше всех купались в лучах заката семь холмов, образующих сердце Рима, а потом на столицу опускалась тьма.

Несмотря на время, Римский форум был заполнен наро-

дом. На расположенной между храмами и Сенатом базилике – гигантском крытом рынке – толпились лавочники, прощатели, юристы и писцы, предлагавшие свои товары или услуги. Было уже поздно, но все равно кто-нибудь желал написать завещание, узнать свою судьбу, вчинить врагу судебный иск. Расхаживали разносчики, пытаясь продать фруктовый сок, уже давно нагревшийся на жаре. Политики, допоздна засидевшиеся в Сенате, спешили наружу, неохотно оставившись и вступая в разговор, только если ускользнуть от назойливого собеседника было вовсе невозможно. Рабы, увлеченные играми на расчерченных для этой цели ступенях, завидев своих хозяев, поспешно вскакивали на ноги. Страшась ударов кнута по обожженным на солнце плечам и спинам, они подхватывали носилки и уносили их прочь.

На ступенях храма осталась лишь горстка нищих, привыкших ко всему и никогда не терявших надежды на подавание. Среди них были увечные, но не утратившие гордости ветераны легионов – непобедимой армии, принесшей республике богатство и всемирную славу. Они донашивали остатки форменной одежды – кольчуги, в которых ржавчины было уже больше, чем железа, и коричневые военные туники, не разваливавшиеся на клочки лишь благодаря множеству заплат. За медную монетку они могли развлечь вас военными рассказами о пролитой крови, отрубленных руках и ногах, друзьях, похороненных в чужой земле.

Все во славу Рима.

На Бычьем форуме, где, несмотря на быстро спускавшуюся темноту, все еще торговали скотом, тоже кипела жизнь. Нераспроданные животные ревели от жажды и духоты; овцы и козы, напуганные запахом крови из близлежащей мясной лавки, сбивались в кучи. Их хозяева – небогатые окрестные крестьяне – готовились отогнать животных на ночной выпас за городские стены.

Признаков надвигающейся ночи не замечали и на Овощном форуме – вокруг прилавков со снедью толкались покупатели, аромат свежих дынь, слив и персиков смешивался с запахом восточных пряностей, свежей рыбы и не раскупленного за день хлеба. Пытаясь распродать фрукты и овощи, торговцы предлагали скидку каждому, с кем встречались взглядом. Болтали между собой плебейки, закончившие делать покупки и спешившие в храм, чтобы вознести короткую молитву. Рабы, посланные за продуктами для организованного в последнюю минуту пиршества, ворчали в спускавшихся сумерках.

Но те, кого ночь застигла вдали от этих многолюдных мест, спешили поскорее укрыться за надежными стенами своих домов. Ни один здравомыслящий римлянин не хотел оказаться на улице после захода солнца, особенно в мрачных переулках, разделявших инсуле – тесные многоквартирные дома, где обитало большинство граждан. Темные ночные улицы населяли лишь воры и убийцы.

Глава I

Тарквиний

Северная Италия, 70 г. до н. э.

Ворон вспрыгнул на головудохлого ягненка и устоялся на Тарквиния. Птицу и человека разделяли добрых пятьдесят шагов. Ворон насмешливо каркнул и ударил мощным клювом в открытый глаз. Ягненок пал не более трех дней назад, но горные волки успели почти дочиста обглодать хрупкие кости.

Тарквиний наклонился, поднял камушек и вложил его в пращу. Худой и светловолосый, он носил свободную тунику до середины бедер, перехваченную на талии, и был обут в крепкие сандалии.

– Пожалей птицу. Не он же зарезал ягненка. – Олиний Эзар снял поношенную кожаную шапку и расправил приямившийся верх. – Ворон лишь доедает остатки.

– Не нравится мне, что он глаза клюет. – Готовясь метнуть камень, Тарквиний начал медленно раскручивать кожаный ремень.

Олиний молчал. Прикрыв рукой глаза от солнца, он долго разглядывал облака и канюка, парившего на раскинутых

крыльях в потоках теплого воздуха. Держа камень в руке, Тарквиний терпеливо наблюдал за стариком. С тех пор как несколько лет назад прорицатель взял его в ученики, молодой этруск научился обращать внимание на все, что тот говорил и делал.

Наконец Олиний пожал костлявыми плечами под грубым шерстяным плащом:

– Сегодня не самый лучший день для убийства священной птицы.

– Почему же? Что нынче за день? – Тарквиний со вздохом опустил пращу.

– Валяй, мальчик. – Улыбка Олиния привела Тарквиния в бешенство. – Поступай как знаешь. – Он указал рукой в сторону ворона. – Это твой путь, и только твой.

– Я не мальчик. – Тарквиний нахмурился и выкинул камушек. – Мне двадцать пять!

Он нахмурился было, затем пронзительно свистнул и взмахнул рукой. Лежавший рядом с ним черно-белый пес сорвался с места и, описывая широкую дугу, побежал вверх по крутому склону в сторону кучки овец и коз, щипавших в отдалении короткую траву. Животные заметили его и стали взбираться еще выше по склону.

Ворон закончил трапезу и сорвался с места, громко хлопая крыльями.

Тарквиний злобно проводил его глазами:

– Вот проклятая птица! Почему ее нельзя убить?

– Под нашими ногами то, что осталось от храма Тинии – могущественнейшего из наших богов... – Для пущего эффекта Олиний сделал паузу.

Тарквиний глянул под ноги и заметил красную глиняную плитку, выступавшую из земли.

– И канюков над нами ровно двенадцать.

Глаза Тарквиния обшарили небо, пересчитывая птиц.

– Почему ты всегда говоришь загадками?

Олиний постучал по расколотой плите своим литуусом – коротким посохом, загнутым на конце.

– Сегодня такое случается уже не впервые.

– Я знаю, что двенадцать для нашего народа – священное число, – сказал Тарквиний, глядя на пса, послушно сгонявшего стадо в их сторону, – но при чем здесь ворон?

– За это утро ягненок был двенадцатым.

Тарквиний быстро подсчитал в уме.

– Но ведь про того, что в канаве, я тебе не говорил, – удивленно заметил он.

– И ворону захотелось поестъ как раз на том месте, где раньше приносились жертвы, – загадочно добавил гарүспик¹. – Лучше оставить его в покое, не находишь?

Тарквиний помрачнел, расстроенный тем, что не смог первым заметить канюков и связать их количество с этим местом. Он был слишком занят мыслями о волках, убивав-

¹ *Гарүспик* – в Этрурии и Древнем Риме жрец, гадавший по внутренностям жертвенных животных и толковавший явления природы.

ших скотину.

Пора было идти на охоту, завалить нескольких из них. Руф Целий, его строгий и очень вспыльчивый хозяин, терпел эти экскурсии лишь потому, что мог потом расспросить Тарквиния об Олинии и своих стадах. Вряд ли аристократа обрадовало бы известие о продолжающихся потерях скота, и Тарквиний страшился возвращения в латифундию – огромное поместье Целия, обосновавшееся у подножия горы.

– Как ты узнал про ягненка в канаве?

– Чему я столько лет учил тебя? Все замечать! – Олиний повернулся и обвел взглядом то, чего здесь давно уже не было. – Вон там располагался центр могущественного города Фалерии. До его священной границы, которую Таркун, основатель Этрурии, провел бронзовым плугом, отсюда чуть больше мили. Четыреста лет назад на том месте, где мы стоим, было полным-полно этрусков, живших самой обычной жизнью.

Тарквиний попытался представить себе все, о чем ему так много раз рассказывал гаруспик: величественные здания и храмы, опекаемые девственными весталками, широкие улицы, замощенные плитами застывшей лавы. Он представил орущую толпу, наблюдавшую за кулачным боем, скачками и гладиаторскими боями. Благородных граждан, чествующих венками победителей соревнований и сидящих во главе стола на пирах в больших праздничных залах...

Его взор прояснился. От Фалерий, одной из жемчужин

Этрурии, осталось несколько поваленных колонн и несметное множество осколков черепицы. От безвозвратно погибшего города его мысли в который раз обратились к дому. За годы общения с гаруспиком он понял, что история его народа была преисполнена боли.

– Получается, что они и жизнь нашу присвоили? – Тарквиний зло сплюнул. – Римская цивилизация все переняла у этрусков.

– Вплоть до трубных сигналов, возвещающих начало церемоний и боевых маневров, – с кривой улыбкой добавил Олиний. – Они забрали все, но сначала уничтожили нас.

– Шлюхины дети! Кто дал им такое право?

– Так было предопределено небесами, Тарквиний. Ты сам об этом знаешь. – Олиний внимательно посмотрел на молодого человека и перевел взгляд на вид, открывавшийся с горы на юго-восток. Озеро у подножия горы так сверкало, отражая солнечные лучи, что глазам было больно на него смотреть.

– Мы с тобой в остановившемся сердце древней Этрурии, – улыбнулся он. – У наших ног Вадимонское озеро, под нашими ногами – фундаменты священного города.

– Мы едва ли не последние чистокровные этруски на земле, – с горечью сказал Тарквиний.

После того как римляне завоевали их земли, покорили и ассимилировали их народ, лишь немногие этрусские семьи продолжали заключать браки только со своими соплеменни-

ками. Его семья была как раз из таких. И из поколения в поколение древние тайны и ритуалы передавались от одного гаруспика к другому. Олиний был одним из звеньев этой длинной цепи, что протянулась далеко в прошлое – до дней славы и мощи этрусков.

– Такова уж наша судьба – оказаться покоренными, – ответил Олиний. – Не забывай, что на том месте, где много лет тому назад был заложен первый камень в фундаменте храма...

– ...в земле нашли кровотокающую голову.

– Мой предок, Кален Олиний Эзар, истолковал это знамение, предсказав, что один народ будет править всей Италией.

– И ошибся. Посмотри, что от нас теперь осталось! – выкрикнул Тарквиний. – Наша жизнь лишь немногим лучше рабской доли.

Этрусков, обладавших политической мощью или влиянием, практически не осталось, большинство были бедными крестьянами или же, как Тарквиний и его родня, трудились в больших поместьях.

– Кален был лучшим гаруспиком за всю нашу историю. Никто не умел предсказывать по печени так, как он! – Взволнованный Олиний рубанул воздух мозолистой рукой. – Он знал то, что этруски все это время не могли или не хотели понять. Наши города никогда не заключали союзов между собой, и вот Рим поднялся настолько, что разгромил нас поодиночке. И пускай на это потребовалось более ста пятиде-

сяти лет, но предсказание Калена в точности сбылось.

– Он имел в виду тех, кто нас завоевал.

Олиний кивнул.

– Проклятые римляне! – Тарквиний швырнул камень в ту сторону, откуда уже давно улетел ворон.

Он догадывался, что гаруспик восхищается его силой и ловкостью, хотя и не показывает вида. Камень полетел так быстро, что мог бы убить и человека, оказавшегося на его пути.

– С этим даже мне тяжело смириться, – вздохнул Олиний.

– Особенно с тем, как они нами помыкают. – Молодой этруск жадно глотнул воды из кожаного бурдючка и передал его своему учителю. – Далеко отсюда до пещеры?

– Недалеко... – Гаруспик надолго приник к воде. – Но сегодня неподходящий день.

– И ради этого ты тащил меня сюда? Я думал, ты покажешь мне печень и меч.

– Я так и хотел, – мягко ответил Олиний. Он поднялся на ноги и начал спускаться, хмыкая всякий раз, когда опирался на литуус. – Однако знамения на сегодняшний день плохие, и будет лучше, если ты вернешься в латифундию.

Прошло восемь лет с тех пор, как молодой этруск впервые услышал про гладиус – короткий меч Тарквина, последнего этрусского царя в Риме, и про бронзовую печень, одну из тех немногих, с помощью которых предсказатели судьбы обучались своему искусству. Тарквинию до ужаса хотелось

увидеть древнюю реликвию. Олиний очень часто упоминал о ней на уроках. Но он знал, что лучше согласиться со старым гаруспиком. Несколько дней не имеют значения. Он поправил мешок на спине и проверил, все ли козы и овцы спустились вниз.

– Мне все равно придется туда подняться. Взять лук и несколько дней выслеживать волков. – Тарквиний попытался придать голосу безразличный тон. – Пусть это серое отродье не считает, что может оставаться безнаказанным.

Олиний лишь хмыкнул в ответ.

Разочарованный, Тарквиний поднял глаза к небу. Не увидеть ему бронзовой печени, пока гаруспик не сочтет, что знамения благоприятны для таких дел. Свистом подозревая собаку, он пошел по узкой тропке вслед за Олинием.

Гаруспика Тарквиний оставил спать в маленькой хижине, находившейся на середине горного склона. Собака свернулась у ног старика. В очаге уютно потрескивали поленья: кости Олиния мерзли даже в ласковую летнюю ночь.

Молодой человек шел хорошо знакомой дорогой мимо обширных полей, оливковых рощ и виноградников, окружавших громадную виллу Целия. Когда он наконец добрался до крепкой известняковой ограды, та еще не успела остыть от дневного солнца.

Лачуги рабов и почти столь же простые жалкие домишки, в которых жили наемные работники, располагались позади

главных строений. По пути Тарквиний не встретил ни души – работники вставали затемно, ложились после заката, а потому приходили и уходили в густой полутьме.

Тарквиний остановился у входа во дворик, взгляделся во тьму, но так ничего и не увидел.

Тишину тут же нарушил мужской голос:

– Где тебя носило весь день?

– Кто здесь? – прошипел Тарквиний.

– Твое счастье, что надсмотрщик спит. А не то получил бы палок!

Испуг сразу прошел.

– Олиний рассказывал мне о наших предках, отец. Это гораздо важнее, чем ковыряться на полях.

– А смысл? – Из дверного проема показался приземистый полный мужчина, крепко державший обеими руками амфору. – С нами, этрусками, давно все кончено. Мясник Сулла делал все наверняка.

Тарквиний вздохнул. Этот спор продолжался уже давно. Около двух десятков лет назад многие из оставшихся этрусских семей и кланов, почувствовав возможность обрести хоть какой-то шанс на независимость, вступили в гражданскую войну на стороне Мария. Это была авантюра, заранее обреченная на провал, и тысячи людей погибли напрасно.

– Марий проиграл, – прошептал Тарквиний, – и мы тоже, но это не значит, что о нашем прошлом можно забыть.

– Для нас это была последняя возможность возродиться

и вернуть былую славу!

– Ты опять пьян.

– По крайней мере, я выполнил всю дневную работу, – огрызнулся в ответ отец, – а ты без толку шатался где-то со старым придурком и слушал его бредовые рассказы.

Тарквиний понизил голос:

– Это не рассказы! Олиний учит меня тайным ритуалам и древним знаниям. Кто-то должен их помнить, иначе мы позабудем все!

– Делай что хочешь. Республику уже не остановить. – Сергей шумно отхлебнул вина. – Ничто не остановит эти сучьи легионы.

– Иди ложись.

– Даже наши боги покинули нас, – пробормотал он.

Тарквиний подтолкнул безвольное тело к маленькому сырому домику. Вино превратило некогда гордого воина в одинокого, замкнутого пьяницу. Всего несколько лет назад отец тайком учил его обращаться с оружием. Теперь Тарквиний владел гладиусом так же искусно, как этрусским боевым топором.

Сергей со стоном повалился на соломенный матрас, который делил с Фульвией, матерью Тарквиния, и тут же захрапел. Молодой человек лег у противоположной стены и прислушался к храпу. Он тревожился за отца: если тот будет и дальше пить так же, то долго не проживет.

Уснуть Тарквинию удалось не скоро, но приснившийся

ему сон был очень ярким.

Ему снилось, как Олиний приносил в жертву ягненка в какой-то незнакомой пещере. Старик разрезал животному брюхо, извлек внутренности и начал всматриваться в них. Тарквиний обвел взглядом темную пещеру, но не увидел и следа бронзовой печени или меча, о которых так часто говорил Олиний.

Гаруспик осмотрел кишки, и выражение его лица изменилось. Тарквиний окликнул его, но старик не отозвался. Казалось, учитель не замечал его присутствия; он со страхом смотрел на вход в пещеру.

Было трудно сказать, что именно его пугало. Гаруспик положил темно-красную печень на глыбу базальта и начал внимательно изучать ее. Старик по-прежнему то и дело оглядывался, но казалось, что его страх с каждым разом уменьшался. Прошла целая вечность, прежде чем Олиний довольно кивнул, сел на корточки, прижался спиной к стене и стал ждать.

Учитель был доволен, но Тарквиний внезапно ощутил страх, который все усиливался и наконец стал невыносимым.

Он побежал к устью пещеры.

Обведя взглядом склон холма, он увидел Целия, приближавшегося к пещере с десятью легионерами. Лица воинов были суровыми и мрачными, каждый держал в руке меч. Перед ними бежали огромные охотничьи собаки.

– Беги, Олиний! Беги! – крикнул Тарквиний.

Наконец провидец увидел его.

– Бежать? – Он невесело усмехнулся. – Чтобы свернуть себе шею?

– Солдаты хотят тебя убить! Их ведет Целий! Ты должен бежать! Немедленно!

Но во взгляде Олиния не было и тени страха.

– Пришел мой час, Тарквиний. Мне пора присоединиться к предкам. Ты – последний гаруспик.

– Я? – поразился Тарквиний. За все годы учебы ему и в голову не приходило, что в его лице старик готовил себе замену.

Олиний серьезно кивнул.

– Печень и меч?

– Они уже у тебя.

– Неправда! Ничего у меня нет! – Тарквиний отчаянно замахал руками.

Казалось, Олиний снова перестал его слышать. Он встал и пошел к людям, остановившимся у входа в пещеру.

Кто-то схватил Тарквиния за руку. Пещера медленно исчезла, и он очнулся ото сна. Молодому человеку очень хотелось знать, что случилось с Олинием, но он больше ничего не видел. Молодой этруск рывком сел. Рядом с ним стояла встревоженная мать.

– Тарквиний...

– Все в порядке, – пробормотал Тарквиний, сердце которого бешено колотилось. – Ложись спать, мама. Тебе нужно

отдохнуть.

– Меня разбудили твои крики, – укоризненно сказала Фульвия. – Отец тоже проснулся бы, если бы не напился.

У Тарквиния свело живот. Олиний часто предупреждал, что нельзя никому говорить о том, чему его учили.

– Что я говорил?

– Трудно понять. Что-то об Олинии и бронзовой печени. Последней из утраченных много лет назад. – Фульвия нахмурилась. – Значит, старый мошенник наложил лапы на одну из них?

– Ничего такого он не говорил, – успокоил ее Тарквиний. – Возвращайся в постель. Тебе вставать на рассвете.

Он помог Фульвии вернуться обратно, с грустью глядя на ее сутулую спину и поражаясь тому, сколько сил ей пришлось потратить, чтобы лечь на низкую койку. Долгие годы тяжелой работы изуродовали тело матери.

– Мой сильный, умный арун. – Фульвия обращалась к младшему сыну как к священнослужителю. – Тебе суждено величие. Я чувствую это кожей.

– Помолчи... – Тарквиний тревожно оглянулся по сторонам. Целий не любил старинных слов неримского происхождения. – Спи.

Но Фульвия не послушалась.

– Я знала это с тех пор, как увидела твою родинку. Такая же когда-то была у Тархуна. После этого тебя можно было назвать только Тарквинием.

Молодой человек невольно потерял красную треугольную родинку на шее. Он видел ее лишь изредка – в отражении воды. Но старый гаруспик часто говорил об этом знаке.

– Когда Олиний проявил к тебе интерес, я ничуть не удивилась. Он обучает тебя священным ритуалам, заставляет учиться языкам у чужестранных рабов. – Она напыжилась от гордости. – Я твердила об этом твоему отцу. Когда-то он меня слушал. Но после гибели твоего брата в бою с легионерами Суллы его интересует только одно – удастся ли добыть еще кувшин вина.

Тарквиний с грустью посмотрел на спавшего:

– Когда-то он гордился тем, что был воином расеннов. Так этруски называли сами себя.

– В глубине души он навсегда останется этруском, – прошептала мать. – Как и ты.

– У нас еще есть чем гордиться. – Он поцеловал Фульвию в лоб. Мать улыбнулась и закрыла усталые глаза.

«Мать, искусство гаруспиции еще живо. Этрусков не забудут», – подумал Тарквиний, но не произнес этого вслух.

Сергий ничего бы никому не сказал, но Фульвия любила посплетничать. Было жизненно важно, чтобы Целий не узнал о визитах Тарквиния к Олинию.

Тарквиний вернулся в постель. Лишь когда небо начало светлеть, он наконец уснул.

В последующие дни у него не было возможности ни при-

няться за борьбу с волками, ни навестить Олиния. Приближалась уборка урожая, самое жаркое время года. Нагрузка на рабов и издольщиков, вроде семьи Тарквиния, увеличилась вчетверо.

Руф Целий вернулся из Рима с важным поручением.

Большинство считало, что в эту поездку он отправился, чтобы добыть денег для подкрепления своего пошатнувшегося материального положения. Этот рыжий был типичным представителем римской аристократии, хорошо разбиравшейся в военном деле, но мало смыслившей в экономике. Десять лет назад, когда цена на зерно стала быстро снижаться из-за ввоза большого количества пшеницы с Сицилии и из Египта, Целий упустил время. Пока те из соседей, кто оказался попредприимчивей, переходили на выращивание в своих латифундиях более выгодных винограда и олив, упрямый отставной штабист продолжал цепляться за пшеницу. Не прошло и десяти лет, как некогда процветавшее имение оказалось на краю пропасти.

Вскоре из-за дешевизны привозного зерна по всей Италии разорились тысячи мелких фермеров (к которым принадлежала и семья Тарквиния). Крупные землевладельцы воспользовались этим, чтобы расширить свои имения. Недостаток рабочих рук стали возмещать за счет использования тысяч рабов – важнейших трофеев всех римских завоеваний.

Поскольку Сергей и его родные были гражданами Рима, им повезло: Целий заключил с ними контракт. За работу им

платили гроши, но все же платили. Другим повезло меньше: рабы вытеснили голодавших крестьян в неизмеримо разросшиеся города. В результате потребовалась пшеница для конгиариев – бесплатной раздачи зерна бедным.

Если Целий действительно ездил в столицу за займом, то он явно преуспел. Теперь владелец латифундии, каждое утро дававший задание рабам и работникам на заднем дворе своего дома, неизменно пребывал в хорошем настроении. Тарквиния отправили на уборку урожая, как случалось каждое лето уже восемь лет, которые семья Сергия прожила в имении Руфа.

За неделю с небольшим требовалось убрать урожай с огромных полей, засеянных овсом и пшеницей. Задача была тяжелая, работать приходилось от рассвета до заката. Спина Тарквиния приобрела цвет черного дерева, а длинные светлые волосы – к удовольствию некоторых рабынь – выгорели добела. Волосы хорошо закрывали родинку на шее.

Фульвия была слишком слаба для физической работы, а потому вместе с другими пожилыми женщинами привозила на поля еду и питье. Раньше Целий пытался заставлять мужчин работать весь день без перерыва, но два года назад выдалось очень жаркое лето, и многие теряли сознание от обезвоживания. Один даже умер. После этого землевладелец понял, что короткий дневной перерыв выгоднее потери рабочих рук.

Четвертый день выдался очень знойным. Когда вскоре по-

сле полудня Фульвия привезла воду, хлеб и овощи, ее встретили восторженными криками. Она поставила запряженную мулом тележку в тени дерева, и вокруг тут же собралась толпа.

– Я привезла кусок сыра, – прошептала Фульвия сыну, хлопав по лежавшему рядом с ней свертку в тряпке.

Тарквиний понимающе подмигнул.

На работниках были только набедренные повязки и сандалиии, серпы с короткими рукоятками заткнуты за выданные Целием кожаные пояса. Ноги рабов, чтобы они не пытались бежать, сковывали тяжелые железные цепи. Рабы всех крупных землевладельцев – в том числе и Целия – были уроженцами Средиземноморья. Иудеи, испанцы и греки трудились бок о бок с нубийцами и египтянами. Изголодавшимся людям было не до разговоров. Вскоре корзины с едой опустели; воробьям, с надеждой шнырявшим в пыли, крошек почти не осталось.

Греческий раб Маврос грустно доел остатки хлеба.

– Сейчас я все бы отдал за кусок мяса! Может быть, мы что-нибудь получим на виналию рустику².

– Как же, дождешься от Целия! Тем более сейчас, когда у него трудности с деньгами! – фыркнул надсмотрщик Декстер, коренастый отставной легионер с юга. – А вот Олиний ест вдоволь.

² *Виналия рустика* – праздник вина, отмечавшийся ежегодно 22 апреля и 19 августа. В это время в жертву Юпитеру приносили молодое вино.

Все с любопытством посмотрели на Тарквиния: его посещения старика секретом не были.

– Держу пари, что этот колдун все время кормит его ягнатиной! – сказал один.

– Так вот почему ты туда ходишь? – На смуглом лице Мавроса отразилась зависть.

– Не потому. А чтобы не слышать твоего нытья.

Громкий многоголосый хохот вспугнул целую стаю птиц. Надсмотрщик посмотрел на Тарквиния странным взглядом.

– Ты очень подолгу торчишь на горе. Что тебя туда тянет?

– Он убегает туда от этой проклятой жары! – ответил толстый раб Сулин.

Все дружно кивнули. Жара стояла невыносимая. Несрезанные колосья раскачивались, поджариваясь на солнце.

Тарквиний молчал, прислушиваясь к звону цикад.

– Так что? – Декстер рассеянно потер старый шрам.

– Что «что»? – притворился непонятливым Тарквиний. Внезапный интерес десятника встревожил его.

– Этот чокнутый колдун действительно каждый день ест мясо?

– Только если находит мертвого ягненка или козленка. – У Тарквиния потекли слюнки. Он много раз ел с Олинием жареное мясо. – Разве хозяин допустил бы что-то иное?

– Хозяин! – презрительно отмахнулся Декстер. – Целий понятия не имеет, сколько у него овец и коз. Он считает, что

десять ярок дают восемь ягнят в год.

– Разве это приплод? – насмешливо спросил Маврос.

– Кроме Олиния, никто не будет пасти стадо на вершине. – Сулин сделал знак против нечистой силы. – Вокруг этих мертвых городов бродит слишком много духов и диких зверей.

В глазах мужчин вспыхнул страх.

Ряды гробниц на кладбищах у руин Фалерий напоминали об истории этой местности, и мало кто из обитателей латифундии дерзал подходить к ним близко даже днем. Гора славилась своими грозами, стаями волков и ураганными ветрами; считалось, что в этом месте еще обитают этрусские боги.

– Именно поэтому Целий его и держит. – Тарквиний хотел сменить тему, кошмарный сон еще не изгладился из его памяти. – Этот участок почти закончен, – сказал он, показав на поле. – Мы могли бы заскирдовать его до заката.

Декстер удивился. Обычно после перерыва людей можно было заставить приняться за работу только с помощью угроз. Он выпил еще одну чашу воды.

– За работу, парни. Не заставляйте меня обращаться к подруге! – прорычал он, ткнув пальцем в плетку, висевшую на его поясе.

Работники поплелись по стерне, бросая на Тарквиния злобные взгляды. Но никто не посмел сопротивляться железной воле надсмотрщика. И его плетке. Декстера наняли, чтобы держать работников в узде, и он делал это рьяно.

Фульвия дождалась, когда остальные ушли подальше, а потом со смущенной улыбкой отдала сыну сверток.

– Спасибо, мама. – Он поцеловал ее в лоб.

– Да благословят тебя боги! – гордо ответила Фульвия.

– Декстер... – Как только мать повернула повозку, Тарквиний заторопился к тучному надсмотрщику. – Хочешь козьего сыра?

– Покажи-ка! – Декстер алчно протянул руки, попробовал кусочек и улыбнулся. – Передай Фульвии спасибо. Где она его взяла?

– Видать, знает, где взять. – Всем было известно, что те, кто работает на кухне, могут раздобыть такую еду, о которой другим остается только мечтать. – Я рассчитывал...

– Пораньше уйти с поля? – Декстер грубо захохотал. – Для этого куса сыра маловато! Если Целий увидит, что ты опять бездельничаешь, он мне яйца оторвет!

– Дело не в этом. – Тарквиний рисковал отведать плетки за дерзость, но выражение лица Декстера его встревожило. – Я надеялся, что ты расскажешь мне, не замышляет ли чего хозяин. Против Олиния.

Декстер прищурился.

Гаруспик давно жил на окраине имения; его терпели только благодаря тому, что он хорошо умел обращаться с животными и вел замкнутый образ жизни. Целию, как и большинству римлян, не нравились те, кто придерживался древних этрусских обычаев; Декстер мало уступал в подозрительно-

сти своему хозяину.

Тарквиний понял: надсмотрщик что-то знал.

Несколько мгновений оба молчали.

– Если принесешь мне мяса, я подумаю, – ответил наконец Декстер. – А теперь иди работать.

Тарквиний подчинился. Как только пшеница будет уложена в стога, он предложит поохотиться на волков. Целий знает, что этим летом хищники зарезали на склонах горы каждое десятое животное. Может быть, ради этого он освободит Тарквиния от работ в оливковой роще и на винограднике.

К тому же на вершине горы можно будет убить для Декстера ягненка. Конечно, никакой гарантии, что надсмотрщик выполнит обещание, не было, но как иначе узнать, что замышляет Целий? За долгие годы учебы у Тарквиния развилась интуиция. Сначала кошмарный сон, потом расспросы Декстера... Против гаруспика явно что-то замышляли.

– Веселее! – Декстер щелкнул плеткой. – Ты сам захотел пораньше вернуться к работе.

Тарквиний сжал левой рукой пучок колосьев, наклонился, срезал их серпом у самой земли, бросил пучок за спину и взялся за следующий. Люди справа и слева повторяли те же ритмичные движения, неуклонно продвигаясь вперед. Этруски убирали здесь урожай сотни лет, знание этого успокаивало Тарквиния. Он работал, представляя себе, как это делали его предки еще до прихода римлян.

Глава II

Вельвинна

Рим, 70 г. до н. э.

Неподалеку от Форума по пыльному переулку брели семь молодых аристократов. Дорогие белые тоги были залиты вином – результат долгой попойки. За день гуляки успели обойти половину кабаков, раскинувшихся на семи холмах. Мужчины разговаривали громко и дерзко, не обращая внимания на тех, кто мог их слышать. Рабы, вооруженные дубинками и ножами, шли позади с факелами в руках.

Толстый молодой человек, замыкавший шествие, споткнулся, упал на стену, выругался, согнулся пополам, и его начало тошнить чуть ли не на собственные сандалии.

– Поторапливайся! – со смехом сказал ему стройный, чисто выбритый мужчина с орлиным носом. – Мы побывали еще не во всех здешних питейных заведениях!

Наверху с грохотом открылись ставни.

– Блуй в другом месте, мерзавец!

Толстый вытер испачканные губы и всмотрелся в темноту.

– Я – всадник республики и имею право блевать где хочу!
А теперь заткнись, если не хочешь получить по морде!

Напуганный высоким положением говорившего и его телохранителями, домовладелец быстро исчез.

Пьяные громко расхохотались.

Ссориться с компанией «золотой молодежи» мог только глупец. Все граждане считались равными, но на самом деле Римом правила элита, состоявшая из сенаторов, всадников, или эквитов, и богатейших землевладельцев. Эти аристократические семьи составляли клику, пробиться в которую могли только люди, обладавшие огромным богатством. Судьбу республики решали несколько человек, принадлежавшие к этой небольшой группе.

Толстого вырвало снова.

– Проклятые плебеи, – сказал он, положив мясистую руку на плечо приятеля. – Не обращай внимания, дружище. Просто у меня с ногами плоховато.

– Плебс хорош в небольших количествах, – согласился тот. – За исключением армии и полевых работ.

Гуляки заулыбались, но плотный рыжий, возглавлявший группу, нетерпеливо сказал:

– Пошевеливайтесь, иначе мы никогда не доберемся до Лупанария!

Название самого знаменитого римского борделя заставило нобилей наострить уши. Его обитательницы славились на всю Италию. Встрепенулись даже самые пьяные.

– Что, Целий, не терпится? – с легкой досадой спросил худой.

– Это же лучший публичный дом в городе. Тебе давно следовало посетить его. – Целий алчно потер руки. – Нигде больше не найдешь столько красивых женщин!

– Кажется, туда только что доставили новую партию рабынь из Германии. – Толстый откашлялся. – Но сначала я хочу выпить!

– А потом в публичный дом! – хлопнул его по руке Целий.

– Если смогу до него добраться!

– И я тоже! – засмеялся самый старший из гуляк, которому было сорок пять. – А ты пойдешь? Или боишься жены? – спросил он предводителя.

Стройный добродушно улыбнулся. Он уже много раз слышал эту подначку. Друзья немного завидовали гордому имени его жены и подтрунивали над его супружеской верностью. Но реплики пьяных приятелей не могли его пронять. Все знали сдержанность этого молодого нобиля, и он не собирался портить это мнение о себе.

– Будь германские женщины действительно красивыми, я мог бы поддаться искушению. Но все они – конопатые ведьмы!

Остальные засмеялись, желая доставить удовольствие своему могущественному другу. Этот политик сумел пережить кровавые чистки Суллы, наследника первых диктаторов Рима Цинны и Мария. Несмотря на множество угроз, он отказывался разводиться с женой, дочерью врага Суллы. Родня и сторонники стройного несколько месяцев уго-

варивали Суллу, и наконец он отменил смертный приговор. Предсказание диктатора о том, что этот человек со временем подчинит себе римскую аристократию, было забыто, и теперь общественность считала честолюбивого всадника одним из самых многообещающих молодых римлян.

– Тогда трахни кого-нибудь из тамошних мальчиков, – бросил Целий. – А женщин оставь нам.

Нобиль потер орлиный нос:

– Я думал, все эти мальчики живут в твоём доме.

Целий сжал кулаки.

– Бросьте. Мы все здесь друзья, – серьёзно сказал обычно веселый коренастый Авфидий, славившийся добродушием.

Стройный, всегда остававшийся политиком, только пожал плечами:

– Я не собираюсь ни с кем ссориться.

– А ты, Целий? Мир?

Рыжий гневно закусил губу, но кивнул:

– Ладно.

Тон был неискренним, но Авфидий успокоился и повернулся к остальным:

– Где здесь ближайшая траттория?

– За Форумом. Позади храма Кастора. – Толстый всадник показал рукой вперед. – Следуйте за мной.

Спустя несколько минут они сидели за столом каменной таверны, пропахшей потом и дешевым вином. В кольцах торчали факелы, озарявшие закопченные стены и отбрасывав-

шие длинные танцующие тени. Здесь, по обыкновению, был большой зал на первом этаже, а в трех-четырех верхних этажах располагались квартиры, сдававшиеся внаем. В помещении звучали громкие голоса. Одни посетители играли в кости, другие мерились силой на деньги.

Несмотря на охрану, большинство вновь прибывших чувствовали себя неуютно. Здешняя обстановка им не нравилась. Многие посетители, не привыкшие общаться с аристократами, тоже смотрели на них с опаской.

– Ну, что уставились? – гаркнул Целий.

Сидевшие рядом быстро отвели глаза.

Целий грозно ухмыльнулся, кивнул, и за спинами любопытных граждан тут же возникли рослые рабы. Он кивнул еще раз, и телохранители вывели двоих мужчин наружу. Еще один раб остановился у входа. Когда за дверью послышались крики, друзья уведенных беспомощно застыли на месте. Даже дюжий привратник набрал воды в рот.

– Целий, так ты не обзаведешься друзьями, – сказал стройный.

– Кому нужен этот сброд?

– Не стоит бить плебеев без необходимости. – Он показал на дверь. – А когда такой необходимости нет, лучше мириться с их присутствием.

– Ты все знаешь лучше всех?

– Эти люди – не рабы.

– Всадники могут делать все, что им хочется.

– Можешь и дальше поступать так же – если тебе не нужна их поддержка в Сенате.

Целий скривил губы, но промолчал.

– Мы, всадники, самые могущественные люди в самой сильной стране мира. Плебс это хорошо усвоил. Уважение гораздо лучше помогает управлять, нежели страх.

Другие закивали, но рыжий нахмурился.

– А тут поблизости нет ничего получше? – слегка понизив голос, спросил Авфидий. – Это же настоящая дыра!

Многие повернулись к Целию, объявившему себя знатным борделей.

– Есть места, где конская моча и публика получше, чем здесь, но мы зашли сюда только по дороге в Лупанарий, – ответил Целий, довольный тем, что снова оказался в центре внимания. Он допил чашу. – Давайте посидим еще немного. А потом зададим жару светловолосым шлюхам!

Все кивнули, за исключением стройного.

– Лично я отсюда возвращаюсь домой.

– Что? Ты нас бросаешь? – Толстый всадник наполнил чашу приятеля и толкнул ее к нему, пролив вино.

– Мне нужно подготовиться к завтрашнему выступлению в Сенате.

– После ночи в седле гениальность потечет из тебя, словно моча! – Авфидий сделал неприличный жест, заставив всех расхохотаться.

– Друг мой, в следующем году я хочу стать квестором. Та-

кая должность с неба не падает. – В качестве младшего магистрата стройный получил бы возможность познакомиться со сложностями римского законодательства, а то и распоряжаться частью общественной казны. Это позволило бы ему накопить ценный политический опыт, без которого невозможно подняться на следующую ступеньку и стать претором.

– Во имя яиц Юпитера! Неужели тебе не хочется повеселиться? – насмешливо спросил Целий, знавший, что без сильной поддержки человека на такой пост не изберут.

– Этот человек прав, – признал Авфидий. – У магистратов редко бывают свободные вечера.

– Я знаю.

– Тогда оставайся с нами!

– Предпочитаю служить республике. А вы можете грешить хоть всю ночь.

– Ты тут не единственный, у кого есть общественные обязанности.

– Прошу прощения, – быстро произнес стройный. – Я никого не хотел обидеть.

– Серьезно? – Целий стиснул край стола так, что побелели костяшки. – Ты пока еще не квестор, а такой же всадник, как и мы! Наглый выскочка!

Стройный смерил его ледяным взглядом.

– Пойдем, Целий! – вмешался Авфидий. – Чем скорее шлюха охладит твою голову, тем лучше.

Рыжий заставил себя улыбнуться.

Но взгляд стройного остался каменным.

– Целию нужно охладить не голову, а яйца!

Большинство рассмеялось шутке.

Эквиты продолжали пить, но атмосфера товарищества уже рассеялась. Беседа увяла, однако это было заметно только тем, кто сидел за столом.

– Ну что, теперь в Лупанарий? – допив чашу, спросил Авфидий.

Ему ответили одобрительными возгласами.

Вслед за Целием компания вышла на пыльную, испещренную следами колес улицу. В нескольких шагах от двери неподвижно лежали два тела.

Целий пнул ближайшего ногой в живот:

– Вот тебе на память!

Стройный неодобрительно поджал губы.

Не успели они сделать несколько шагов, как Целий в полутьме столкнулся с девушкой. Та упала наземь, корзина с мясом и овощами отлетела в сторону.

Когда девушка поднялась, по светлому браслету на запястье Целий понял, что перед ним рабыня, и вlepил ей пощечину.

– Смотри, куда идешь, неуклюжая сука!

Девушка вскрикнула и снова упала в пыль. Ее поношенная туника задралась, обнажив красивые длинные ноги.

– Целий, она не сделала тебе ничего плохого, – помогая ей встать, сказал Авфидий.

Девушка была лет семнадцати, очень хорошенькая, темноволосая и голубоглазая. Смущенная присутствием нобилей, она благодарно кивнула.

– Прости, господин, – пробормотала она и хотела уйти.

Но Целию этого было мало. Заметив красоту рабыни, он разорвал ее легкую шерстяную тунику до талии и уставился на упругие обнаженные груди. Девушка вскрикнула от стыда и ужаса, но Целий, в котором закипела кровь, полностью сорвал платье с ее плеч.

Рабыня попыталась, но двое спутников Целия уже перекрыли ей путь к отступлению. Телохранители, понявшие, что их помощь не потребуется, отступили в тень. Помочь одинокой рабыне было некому. От заката до рассвета улицы Рима принадлежали преступникам. Только глупец выходил на улицу без охраны. Или раб, посланный с поручением.

– Господин, прошу тебя... – Голос девушки дрогнул. – Я не хотела ничего плохого...

Целий схватил ее за руку:

– Я мигом управлюсь.

Все одобрительно зашушукались. Молчали только стройный и Авфидий.

Девушка застонала от страха.

– Отпусти ее.

– Что ты сказал? – не веря своим ушам, переспросил Целий.

– Ты меня слышал.

– Чтоб мне гнить в Аиде! – Трясаясь от гнева, Целий сделал шаг вперед. – Проклятье, это всего лишь рабыня!

Стройный приподнял полу тоги и показал спрятанный под одеждой длинный кинжал.

– Меня от тебя тошнит. Делай, что я тебе сказал.

Целий бросил взгляд на телохранителей.

Внезапно рукоятка кинжала оказалась в ладони стройного.

– Я проткну тебе сердце раньше, чем они успеют подойти.

– Успокойся, дружище, – сказал встревоженный Авфидий. – Все в порядке.

Стройный улыбнулся:

– Это зависит от Целия.

Остальные молча следили за развитием ссоры, которая назревала уже несколько месяцев. Никто не хотел становиться на пути могущественного и честолюбивого карьериста.

Дрожавший от ярости Целий отпустил девушку.

Стройный привлек ее к себе.

– Желаю удачи в Лупанарии, – сказал он и властно показал в конец улицы.

– Сначала ему не понравилось, что двое простолюдинов получили по заслугам, а потом он помешал всаднику трахнуть рабыню, – проворчал себе под нос Целий. – Этот хрен стал слишком мягким. Или сошел с ума.

– Ни то ни другое, – покачал головой Авфидий. – Просто он слишком умен.

– И что дальше?

Вместо ответа Авфидий весело похлопал рыжего по спине:

– Пора выпить еще!

Целий позволил себя увести. Остальные безропотно пошли следом, радуясь, что ссора закончилась без крови.

Так бывало не всегда.

– Увидимся завтра в Сенате! – крикнул им вдогонку стройный.

Он стоял молча, прижимая к себе рабыню, пока группа не скрылась из виду. В тени ждали два личных телохранителя. Девушка тревожно смотрела на него, надеясь, что ее отпустят. Но когда нобиль посмотрел на нее, в его взгляде горела похоть. Стройный сжал ее руку и потащил в переулок.

Она заплакала от страха. Все было ясно. Один насильник сменил другого.

– Молчи, а то будет плохо.

Толстый всадник, облегчившийся в очередной раз, видел, как пара исчезла в темноте.

– Он все это затеял, чтобы заполучить ее себе, – пробормотал толстяк. – Нет, квестором он пробудет недолго.

– Скоро он станет консулом, – предрек Целий. Но о судьбе девушки рыжий не догадывался.

На протяжении нескольких веков Римом правили два избранных консула, которым помогали военные трибуны, судьи и Сенат. Эта система хорошо работала, если должност-

ные лица соблюдали закон. Два правителя выполняли свои обязанности в течение двенадцати месяцев. Считалось, что это древнее правило мешает отдельным личностям цепляться за власть. Но после гражданской войны, разыгравшейся тридцать лет назад, римская демократия пришла в упадок, и официальные посты переходили из рук в руки не чаще двенадцати раз за поколение. Честолюбивые аристократы, такие как Марий, Цинна и Сулла, положили начало традиции, заставляя ослабевший Сенат позволять им оставаться на посту консулов дольше положенного времени. Сейчас официальные государственные посты практически передавались по наследству, и самые богатые и могущественные роды Италии ревностно защищали такое положение. Посторонний человек мог стать консулом только при наличии невероятной энергии и других достоинств.

– Рано или поздно этот хрен все же оступится, – продолжал ворчать Целий. – Ошибаются все. – Рыжий все еще кипел от гнева, но понимал, что слишком пьян и в словесном поединке врагу проиграет. Он подхватил приятелей под руки и вразвалку побрел к Лупанарию.

Стройный решительно шагал в темноте, крепко держа девушку одной рукой. Переулок был завален мусором и битой глиняной посудой, выброшенной обитателями ближайших домов. Наконец, найдя подходящее место, он стащил с рабыни тунику и толкнул ее на землю. Она неловко упала, обнажив треугольник темных волос внизу живота. Приподняв

тогу, он ступней раздвинул ее бедра и опустился на колени. Девушка вскрикнула от ужаса. Нобиль рывком овладел ею и вздохнул от наслаждения.

Стройный яростно вонзался в нее. Жена давно болела и не могла удовлетворять его желания. Захваченный политической карьерой, он уже несколько месяцев обходился без секса.

Глаза девушки расширились от страха.

– Если согласишься на меня еще раз, я перережу тебе горло!

Она послушно зажмурилась и для верности зажала себе рот ладонью. Из закрытых глаз текли слезы. Такова была судьба рабыни.

Стройный сделал еще один рывок, кончил и испустил протяжный стон.

Но девушка не открыла глаза даже тогда, когда он встал и оправил тогу.

Он посмотрел сверху вниз и довольно улыбнулся. Лицо девушки, залитое слезами, распухло, но не утратило красоты. Теперь, когда похоть была удовлетворена, он мог вернуться домой. Нужно было закончить речь, которую он собирался произнести утром. Если эту речь хорошо примут, его шансы стать квестором сильно возрастут. Жрец Юпитера и трибун легиона – штабной офицер, – он стремился как можно скорее сделать карьеру аристократа – *cursus honorum*.

Он не сомневался, что отец гордился бы, если бы мог ви-

деть, до каких высот поднялся его единственный сын. Семья была патрицианской, но небогатой. Отец много лет упорно трудился в Сенате и за год до смерти стал претором, выше которого был только консул.

Сначала молодому человеку помогали родственные связи, открывавшие ему двери, которые в противном случае остались бы для него закрытыми. Он долго слушал беседы отца с политическими союзниками, следил за дебатами на Форуме, посещал пиры, и это тоже принесло свои плоды. Он стал прожженным политиком, а выгодный брак укрепил его положение в обществе. Одна из его теток вышла замуж за консула, но после того, как дядя умер в разгар гражданской войны, карьера молодого человека затормозилась.

Во время кровавого правления Суллы опасность грозила любому инакомыслящему. Сулла, первым из всех полководцев решившийся ввести солдат в Рим, казнил всех, кто мог встать на его пути. За это его прозвали «мясником».

Молодого человека спасли от смерти только ум и воля. Благодаря непрестанным усилиям он обзавелся множеством богатых и влиятельных друзей и теперь считался восходящей звездой римского политического небосклона. На него стали обращать внимание такие великие люди, как Катон и Помпей Великий. Марк Лициний Красс, один из наиболее заметных людей в Риме, оказывал ему большую финансовую помощь, но молодой политик нуждался и в поддержке менее известных личностей. А сейчас ему представилась хорошая

возможность показать, кто главный в компании.

Заставив Целия подчиниться, стройный усилил влияние и на друзей всадника. Для быстрого подъема по служебной лестнице ему требовались послушные союзники. Желających править в столице хватало, но консулами могли стать лишь немногие. Если он поведет игру правильно, то в один прекрасный день сможет стать одним из них...

Он вернулся к действительности.

– Ступай домой. Пока тебя не нашел кто-то менее милостивый.

На лице рабыни мелькнуло недоверие, но тут же исчезло.

– Спасибо, господин. – Она видела кинжал и знала, как легко он может пустить его в ход.

– Торопись, если не хочешь угодить в Тибр. – Мысль убить девушку не приходила ему в голову, стройный не был хладнокровным убийцей. Он повернулся и ушел.

Девушка ждала, пока все звуки не исчезли в ночи. Потом она запахнулась в рваную тунику и побежала по темным улицам к дому хозяина. За позднее возвращение и потерю корзины с едой Гемелл сделает с ней такое, что уже случившееся покажется ей цветочками. Но больше идти ей было некуда.

Девять месяцев спустя...

Гемелл открыл дверь без стука и вошел в маленькую комнату. С его лица катился пот. Купец посмотрел на младенца,

лежавшего на койке.

Вельвинна, кормившая другого близнеца, смотрела на хозяина со смесью страха и ненависти.

– Еще один лишний рот! Спасибо и на том, что это девчонка, – проворчал Гемелл. – Если мне повезет, она унаследует твою внешность. Тогда через несколько лет я смогу продать ее в публичный дом.

Он повернулся к Вельвинне. Лицо молодой матери сморщилось в предчувствии недоброго.

– Завтра вернешься на кухню. Двух дней отдыха более чем достаточно!

Вельвинне оставалось только подчиниться. Измученная тяжелой беременностью, она должна была разжигать очаг и мыть полы. Другие рабыни помогали ей всем, чем могли.

– Если будешь плохо работать, – пригрозил Гемелл, – я выброшу обоих твоих щенков на помойку.

Новорожденных выбрасывали на общественные помойки только самые бедные из граждан. Вельвинна крепко прижала ребенка к себе.

– Я буду хорошо работать, господин!

– Вот и отлично. – Гемелл наклонился и сжал ее грудь. – Я приду этой ночью, – буркнул он. – И пусть твое отродье только попробует пикнуть!

Молодая мать до крови закусил губу, пытаясь сдержаться.

Купец постоял на пороге, бросил на нее похотливый

взгляд и ушел.

Она посмотрела в лицо мальчику.

– Ешь, мой маленький Ромул, – прошептала Вельвинна.

У ее близнецов не будет ни золотых булл, ни торжественного наречения на девятый день жизни. Эти дети – не граждане, а такие же рабы, как она сама. Она не может дать мальчику ничего, кроме молока.

– Расти здоровым и сильным.

Чтобы в один прекрасный день ты мог убить Гемелла.

И стройного патриция.

Глава III

Олиний

Северная Италия, 70 г. до н. э.

День виналии рустики пришел и ушел, но Тарквинию так и не представилось возможности выбраться из латифундии и посетить Олиния. В обычное время он обрадовался бы пышному празднику урожая, продолжавшемуся несколько дней. Однако в этом году многое сложилось по-другому. Вина и еды было вдоволь, но Целий позаботился о том, чтобы праздник прошел скромно. Как и предсказывал Декстер, мяса работникам не досталось. Что-что, а возможности сэкономить лишний сестерций этот аристократ не упускал. Нетерпение Тарквиния росло. Ему отчаянно требовалось поговорить с гаруспиком о своем сне, который повторялся снова и снова. Но молодой человек не смел уйти без разрешения, потому что Декстер знал о его желании подняться на гору. Помимо всего прочего, в обязанности надсмотрщика входило наказание работников, нарушавших приказы Целия. Случалось, что после его побоев люди не выживали.

Как-то рано утром недели через две после разговора с Декстером молодого этруска вызвали в облицованную кам-

нем контору Целия. Тарквиний обрадовался. Наконец что-то начало меняться. Но находиться рядом с властным римлянином было страшновато. Почему-то владелец имения Тарквинию очень не нравился, а сон только подкреплял это чувство.

Целий изучал какой-то пергамент, лежавший на письменном столе, и долго не обращал на него внимания. Тарквиний ждал, с любопытством рассматривая убранство большой квадратной комнаты. По сторонам низкого алтаря находились статуи греческих богов. В нише стоял бюст какого-то мужчины с крючковатым носом и пронзительным взглядом, расположенный так, чтобы его видел каждый вошедший. На гвоздях висели мечи и щиты – военные трофеи Целия. Оружие, напоминавшее, что мир не ограничивается пределами латифундии, возбуждало воображение Тарквиния. Он многому научился у Олиния, но лишь в теории. А эти предметы были реальными.

Наконец аристократ посмотрел на него. Он не заметил интереса Тарквиния.

– За последнее время погибло слишком много скотины, – сказал он, постукивая по зубам указательным пальцем. – Даю тебе три дня. За это время добудешь полдюжины волчьих шкур. Я повешу их на стену.

– Шесть волков за три дня? – поразился Тарквиний.

«Почему именно сейчас? – подумал он. – О том, что волки сильно обнаглели, я сообщил Целию еще месяц назад».

– Верно. – Тон Целия был ледяным. – Может быть, пору-

читать это кому-нибудь другому? У меня полно лентяев, которые с радостью сбегут с уборки.

– Я справлюсь, господин, – быстро ответил Тарквиний. Это поручение позволяло ему добыть мясо для Декстера.

Целий махнул рукой, отпуская его.

Когда Тарквиний дошел до порога, рыжий заговорил снова:

– Не уложишься вовремя, прикажу распять тебя на кресте.

– Господин... – Ошеломленный этруск уставился на Целия. Угроза казалась искренней.

– Ты меня слышал, – добавил рыжий, глаза которого превратились в темные щелки.

Тарквиний кивнул и закрыл за собой дверь. Встревоженный загадочной репликой, он пошел домой, собрал кое-какие принадлежности и взял лук с колчаном стрел. Мысль о скорой встрече с Олинием грела ему душу. Широко улыбнувшись, он поцеловал мать и вышел из имения.

В рошицах на склонах холма суеилось множество рабов, собиравших урожай. Первые оливы привезли из Греции несколько веков назад. Зеленые оливки и их ценное масло были основной статьей дохода Рима.

«Почему же Целий не расширил посадки? Это помогло бы ему нажить немалое богатство», – в который раз подумал Тарквиний.

– Не забудь про уговор! – крикнул вилик, увидев Тарквиния. – Не то пошлю тебя работать на мельницу! – Молоть му-

ку было еще более изматывающим делом, чем жатва, обычно этим занимались провинившиеся. – Хорошо, что ты идешь наверх, – зловеще добавил он.

– Что ты имеешь в виду?

– Стариком интересуется Красс. Одни боги знают почему.

Не успел Тарквиний открыть рот, как надсмотрщик отвернулся и начал выкрикивать приказы.

Какое дело было до Олиния Марку Лицинию Крассу?

Этот несметно богатый аристократ годом ранее разбил Спартака, предводителя восстания рабов, которое чуть не сокрушило Рим. Однако все считали, что эту победу искусно приписал себе Помпей Великий, его главный соперник. Эта ложь позволила Помпею провести триумф, в то время как Красс был вынужден довольствоваться всего лишь пешим парадом. В последующие месяцы разгневанный Красс так и не смог восстановить свое политическое преимущество.

Но недавно ему удалось разделить консульство с Помпеем, и в ознаменование единения эта пара восстановила трибунат, отмененный Суллой. В нем должности могли занимать только плебеи. Трибуны имели право накладывать вето на решения Сената и созывать народные собрания для принятия собственных законов, а потому пользовались в Риме огромной популярностью. Реформа была умным шагом, но Красс воспользовался ею, чтобы вызвать у Сената недовольство Помпеем. Согласно закону, тридцатилетний Помпей был слишком молод для того, чтобы занимать пост

консула. Кроме того, он еще не был сенатором. Помпей тут же узнал о тактике Красса, и вскоре между ними произошла публичная ссора. Ожидалось, что они будут совместно трудиться на благо республики, однако соперничество консулов стало яростным, как никогда.

Тарквиний вздрогнул.

Причиной интереса Красса могло быть только одно: бронзовая печень. Меч Тарквина. Целий намеревался продать священные предметы человеку, который хотел... нет, отчаянно нуждался в знаках благоволения небес.

Время решало все. Тарквиний хотел перейти на бег, но вдруг услышал кислый голос:

– Опять сачкуешь? – С дерева на Тарквиния смотрел Маврос. Ноги смуглого раба были по-прежнему скованы. В одной руке он держал маленький острый нож для срезания оливок, другой держался за ствол. На спине болталась ивовая корзина. – А хозяин об этом знает?

– Он послал меня охотиться на волков. Велел убить шестерых за три дня. Не хочешь помочь?

При мысли о физической опасности смуглое лицо Мавроса посерело.

Тарквиний сделал вид, что натягивает тетиву и выпускает стрелу.

– Раз так, продолжай собирать оливки!

Вскоре узловатые стволы и сборщики остались внизу. Миновав рощи, Тарквиний обвел взглядом местность, которую

он знал и любил. Озеро Вадимон искрилось в солнечном свете, и это зрелище заставило его на мгновение забыть тревогу, вызванную словами Целия и Декстера.

Он сделал глубокий вдох, наслаждаясь ароматом горных трав, сорвал веточку розмарина и сунул в мешок, чтобы использовать позже. Потом он стал разыскивать взглядом волков, хотя те вряд ли могли появиться здесь днем. Эти хищники жили в лесах, расположенных намного выше, и спускались на охоту только после захода солнца. Тут и там попадались цепочки их следов. Он заметил неподалеку скелет взрослой овцы, дочиста обглоданный птицами. Одиноким шакал высасывал мозг из треснувшей кости. Не успел Тарквиний натянуть лук, как шакал умчался прочь.

Тарквиний шел к хижине Олиния, то и дело обводя взглядом небо и склон горы в поисках чего-то необычного. Старик первым делом спросит, что он увидел во время восхождения. Он насчитал восемь канюков, паривших над вершиной в потоках теплого воздуха. Довольный тем, что их восемь, а не двенадцать и что количество и форма облаков не предвещают ничего плохого, Тарквиний уверенно поднимался по каменистой осыпи.

Когда показалась маленькая хижина, он ускорил шаг. Несмотря на высоту, становилось жарко, и он предвкушал отдых. Неказистое жилище его учителя стояло на краю поляны, откуда открывался вид на юг, озеро и расстилавшиеся за ним просторы. Это было любимое место Тарквиния, вы-

зывавшее у него множество приятных воспоминаний.

– Наконец-то ты почтил меня своим присутствием.

Молодой человек обернулся и увидел Олиния, стоявшего у него за спиной.

– Как ты узнал, что я иду к тебе? – Тарквиний так обрадовался, увидев гаруспика живым и здоровым, что чуть не обнял его.

Олиний улыбнулся и поправил кожаную шапку.

– У меня свои методы. Рад видеть тебя, малыш. Что-нибудь заметил по дороге?

– Немногое. Шакала. Восьмерых канюков. – Тарквиний развел руками. – Я бы пришел раньше, но целую вечность пришлось возиться с урожаем.

– Не важно. Главное, что ты здесь. – Олиний подошел ближе. – Нам нужно о многом поговорить, а времени мало.

– Я не смогу остаться надолго. – Тарквиний постучал по луку, висевшему на его левом плече. – У меня всего три дня на шесть волков.

– Очень кстати, что я как раз убил нескольких.

Олиний показал на решетку, где сушилось пять больших волчьих шкур.

– Одного-то волка за три дня я добуду без труда, – улыбнулся Тарквиний. – Что случилось? Обычно ты предоставляешь охотиться мне.

Гаруспик пожал плечами:

– Скучно целыми днями разговаривать только с овцами.

– Ты знал, сколько шкур потребует Целий?

Олиний кивнул.

– Садись в тень. Должно быть, после восхождения ты умираешь от жажды.

Радуюсь возможности передохнуть, Тарквиний пошел за стариком. Оба опустились на поваленное дерево и долго сидели молча, любуясь видом. Они знали, что, когда солнце спустится ниже, раскинувшуюся внизу панораму затянет дымка. Тарквиний сделал несколько глотков воды и протянул гаруспику кожаную фляжку.

– Какие вещие сны ты видел в последнее время?

Тарквиний чуть не поперхнулся.

– Что?

– Ты верно расслышал.

– Я видел сон про тебя. Дело происходило в пещере. Может быть, в той, где хранится печень. – Он поморщился, ощутив запах шкур. – Наконец-то я ее увидел!

– Что еще?

– Ничего. – Тарквиний не сводил глаз с ослепительно блестящего озера.

– Лжец из тебя никудышный, малыш, – хмыкнул Олиний. – Боишься сказать мне, что я скоро умру?

– Я этого не видел. – От способности гаруспики читать его мысли у Тарквиния побежали мурашки по спине. – Но к пещере шли Целий и несколько воинов. Похоже, с недобрыми намерениями.

– Он продал кому-то из римлян сведения о том, где я нахожусь.

– Крассу! – не успев подумать, выпалил Тарквиний.
Олиний не удивился.

– И получил за это столько же денег, сколько в год приносит латифундия. – Его взгляд сделался пронзительным. – Немало за какого-то старика, правда?

Тарквиний ненадолго задумался.

– Я думал, ему нужна печень.

– Бронзовая печень имеет огромное значение. Хотя она этрусская, но римляне высоко чтят ее, – согласился Олиний. – С ее помощью Красс сможет заставить авгуров предсказать все, что ему захочется, – не скрывая презрения, добавил он. – Да и меч Тарквина придется по душе честолюбивому полководцу. Все, что поможет ему стать популярнее Помпея.

– Но зачем ему тебя убивать?

– Чтобы замести следы. В конце концов, я – этрусский гаруспик, – снова хмыкнул Олиний. – А римляне не любят гаруспиков. Я для них – словно напоминание о дурном прошлом.

– Откуда он знает про реликвии?

– Целий догадывается. Но не уверен в их существовании.

– Если так, то почему он не выпытал у тебя эти сведения раньше?

– Боялся. Рабы слишком хорошо знают, что мои пред-

сказания всегда сбываются. Неурожаи, наводнения, болезни. Целий не мог не слышать об этом.

Тарквиний кивнул, вспомнив слышанные с детства легенды о гаруспике, который знал, куда ударит молния и какие коровы окажутся яловыми.

– Но нехватка денег вынудила Целия преодолеть страх. Он послал тебя, чтобы удостовериться, что, когда придут воины, я буду на месте. – Олиний крутил в мозолистых ладонях литуус; увенчивавшая посох золотая бычья голова медленно вращалась из стороны в сторону. – Времени осталось мало. Ты не успеешь закончить учебу.

– Нет! Ты должен бежать, – решительно ответил Тарквиний. – И я с тобой. Они хватятся только через три дня. Целий никогда не найдет нас!

– От судьбы не убежишь. – Голос старика был спокойным. – Об этом говорит печень, которую ты видел во сне. Воины действительно убьют меня.

– Когда?

– Через четыре дня.

У Тарквиния гулко забилося сердце.

– Я сам убью Целия! – воскликнул он.

– Рим пришлет других легионеров.

– Тогда я останусь здесь и буду сражаться с ними.

– И погибнешь без толку. А тебе, арун, предстоит долгая жизнь и далекое путешествие...

Спорить было бесполезно. Тарквинию никогда еще не

удавалось переубедить старика.

– Что за путешествие? – спросил он. – Ты никогда не говорил об этом.

Олиний встал и поморщился, выпрямляя спину.

– Пойдем в пещеру. Возьми лук и мешок. Заберешь шкуры, а последнего волка убьешь по дороге домой. – Он пошел к ягненку, привязанному у хижины, обвил веревкой его задние ноги и повесил на плечо. Животное жалобно заблеяло.

Тарквиний следовал за гаруспиком по дороге, которой они шли несколько недель назад. Они поднимались молча до тех пор, пока любимая овцами и козами грубая трава не сменилась каменистой почвой. Погода была непривычно хорошей для гор, в небе застыло несколько мелких облаков.

При виде парившего над хребтом орла Тарквиний улыбнулся. Увидеть царственную птицу – хорошее предзнаменование.

Миновал полдень, а они все брели вверх по крутому склону. Дувший здесь прохладный ветер позволял легко переносить жару, не то что на раскинувшихся внизу полях.

Наконец Олиний остановился и вытер пот с морщинистого лба.

– Ты еще крепок, старина. – Тарквиний, довольный передышкой, приложился к фляжке.

– Шестьдесят лет живу на этой горе. – Олиний обвел взглядом голые скалы и одинокий куст, переживший капризы погоды. Тут было пустынно, но красиво. Небо очисти-

лось от облаков; единственным живым существом здесь была хищная птица, парившая в потоке теплого воздуха. — Здесь было хорошо жить и будет хорошо умирать.

— Пожалуйста, не говори так!

— Привыкай, арун. Гаруспики жили и умирали здесь с незапамятных времен.

Тарквиний поторопился сменить тему.

— Где эта пещера?

— Вон там. — Олиний показал посохом на извилистую тропу. — В ста шагах отсюда.

Учитель и ученик подошли ко входу, скрытому так надежно, что его можно было отыскать, лишь зная, где он находится. Да и горловина была такой узкой, что двое мужчин смогли протиснуться туда лишь по одному.

Молодой этруск ахнул. Наверно, он сотни раз проходил мимо, когда сгонял овец, но ничего не замечал. Просто нужно было знать, куда смотреть. И вдруг Тарквиний улыбнулся. Долгое ожидание почти закончилось.

— Береги голову. — Гаруспик сделал паузу и пробормотал молитву. — Потолок тут низковат.

Тарквиний пошел за Олинием, щуря глаза и пытаясь привыкнуть к темноте. Это была пещера из его сна. Именно такой она ему и запомнилась. Единственным следом человеческого присутствия было маленькое круглое кострище в середине пола.

Олиний положил ягненка и привязал веревку к огромно-

му камню. Потом пошел дальше, рассматривая стену. Через тридцать шагов старик остановился, сунул обе руки в расщелину и запыхтел, что-то отыскивая.

Завороженный, Тарквиний следил за тем, как предсказатель вынимал тяжелый продолговатый предмет, завернутый в ткань. Олиний стер с предмета толстый слой пыли и повернулся к ученику:

– Лежит на месте!

– Это и есть священная печень?

– Самая первая печень, сделанная гаруспиком, – серьезно ответил Олиний. – Принеси ягненка.

Он вышел наружу, остановился у глыбы черного базальта, которую Тарквиний заметил по дороге, положил посох, достал из-за пояса длинный кинжал и разместил его на краю плоского камня.

– Он похож на алтарь, который я видел во сне!

– Есть и еще один, в глубине пещеры. – Олиний развернул бронзовую печень и почтительно опустил ее рядом с ножом. – Но сегодняшнее гадание нужно совершать на солнце.

Тарквиний уставился на гладкий кусок металла, позеленевший от времени. По форме он почти не отличался от пурпурного органа, который вырезали у забитых коров и овец. Из внутренней части бронзовой пластины, выпуклой справа, торчали два треугольника, напоминавшие другие доли настоящей печени. Верхняя часть пластины была покрыта линиями, разделявшими ее на множество частей. В каждой

части были тонко, паутинными штрихами выгравированы необычные символы. Внимательно всмотревшись в рисунки, Тарквиний обнаружил, что понимает написанное.

– Это имена богов и названия созвездий!

– Значит, годы учения прошли даром. – Олиний снял веревку. – Ты дважды прочел «Disciplina Etrusca», поэтому должен по большей части понять то, что я буду сейчас делать.

Тарквиний потратил много времени на изучение потрескавшихся пергаменов, которые Олиний хранил в своей хижине. Под руководством старика, который то и дело склонялся над ним и указывал нужные места длинными желтыми ногтями, он проштудировал десятки томов. Было три вида книг. К первому относились «Libri Haruspici», посвященные гаданию по внутренним органам животных, ко второму – «Libri Fulgurates», учившие толковать гром и молнию. В книгах третьего вида – «Libri Rituales» – описывались этрусские обряды и заклятия для городов, храмов и войск.

– Не бойся, малыш, – прошептал Олиний.

Ягненок натянул веревку, в его темно-карих глазах застыла тревога.

Продолжая ласково приговаривать, гаруспик поднял животное и положил на середину базальтовой плиты.

– Мы благодарим тебя за жизнь, которая поможет нам понять будущее.

Тарквиний подошел ближе. Он уже видел, как Олиний осуществлял жертвоприношения, но последнее из них со-

стоялось несколько месяцев назад. Однако никогда еще гаруспик не вынимал бронзовую печень и не клал ее рядом с жертвой. Сам же Тарквиний после охоты предпринимал многочисленные попытки погадать, но у него получалось предсказывать лишь такие вещи, как погода или урожай.

– Пора. – Олиний поднял кинжал. – Смотри, как надо читать по свежей печени. Держи его крепко.

Тарквиний схватил ягненка за голову и подставил его шею Олинию. Быстрым движением ножа старик перерезал животному горло. На алтарь хлынула струя темно-красной венозной крови, обдавая их брызгами.

– Видишь, течет на восток! – радостно воскликнул Олиний, наблюдая, как хлещет жидкость. – Знамение благоприятное!

Тарквиний посмотрел на восток, в сторону моря. Оно тянулось к Лидии, из которой этруски пришли много веков назад. Если верить ритуалам, боги благоволили к людям, жившим в той стороне. Ему уже не в первый раз захотелось посетить древнюю прародину своего народа.

Олиний положил мертвого ягненка на спину и ловко разрезал кожу и мышцы на брюхе от паха до грудной клетки. Наружу вывалились кишки, блестящие в лучах солнца.

Олиний показал на них кончиком ножа:

– Обрати внимание, какой узор образуют на камне толстые и тонкие кишки. И те и другие должны быть здорового розовато-серого цвета. В данном случае так оно и есть. Ина-

че гадание по печени, скорее всего, было бы неблагоприятным.

– Что еще ты видишь?

– Сильные волнообразные движения кишечника. Это тоже добрый знак.

Тарквиний следил за пульсировавшим тонким кишечником, тщетно старавшимся сохранить жизнь.

– Что еще?

Гаруспик наклонился ниже.

– Больше ничего. Когда я был мальчиком, кое-кто из стариков утверждал, что может гадать по тонкому кишечнику и четырем желудкам. Это шарлатанство, и ничего больше.

Олиний погрузил во внутренности животного обе ладони, с помощью ножа отделил печень от диафрагмы и несколькими быстрыми движениями перерезал связки, удерживавшие орган на месте. Потом вынул печень окровавленными по локоть руками и положил ее на левую ладонь.

– О великий Тиния! Дай нам добрые предзнаменования о будущем этого аруна. – Он поднял глаза к небу, отыскивая сопровождавшего их орла.

– Что ты делаешь? – спросил Тарквиний.

– Читаю по печени твою жизнь, малыш, – хихикнул Олиний. – Разве есть лучший способ завершить твоё обучение?

Тарквиний затаил дыхание, не веря своим ушам. А затем до него начало что-то доходить. Не зря же он столько лет учился. В конце концов, речь шла о его собственном буду-

щем!

– Большая часть того, что можно прочесть, находится на внутренней стороне. Вот это собачья звезда Сириус. А это Большая Медведица.

Тарквиний смотрел на указанные точки, и его книжное знание начинало обретать реальный смысл. Гаруспик подробно рассказывал о том, что означали цвет, форма и плотность поблескивавшего органа. К удивлению Тарквиния, Олиний упомянул о таких эпизодах его детства, о которых просто не мог знать. Старик перечислял множество событий его жизни, часто останавливаясь, чтобы дать ученику возможность переварить услышанное.

– Желчный пузырь. – Он потрогал мешочек в форме слезы, торчавший из середины печени. – Говорит о сокрытом. Иногда послание удастся прочесть, иногда нет.

Тарквиний прикоснулся к мешочку с теплой жидкостью.

– И много тебе удалось прочесть? – Это было самой трудной частью предсказания; он много раз практиковался на печенях, но с этой частью ему ни разу не удалось справиться.

Олиний долго молчал.

Тарквиний с колотящимся сердцем следил за выражением лица гаруспика. Что-то там было... Он это чувствовал.

– Я вижу, как ты вступаешь в войско и уходишь с ним в Малую Азию. Вижу множество битв.

– Когда?

– Скоро.

Тарквиний знал, что на востоке Малой Азии уже много лет почти непрерывно продолжались войны и восстания. Поколение назад Сулла наголову разбил Митридата, воинственного царя Понта, но шаткость политической ситуации в Риме заставила его вернуться, так и не нанеся Митридату последнего удара. Царь выждал время и четыре года назад вторгся в малоазийскую римскую провинцию Пергам. Посланный туда Сенатом полководец Лукулл одержал впечатляющие победы, но война еще продолжалась.

При мысли о том, что он будет воевать за Рим, Тарквиний едва не рассмеялся, но резкий толчок локтем заставил его опомниться.

– Не отвлекайся! – рявкнул старик. – Годы путешествий, годы учебы. Но в конце концов желание отомстить заставит тебя вернуться в Рим.

– Отомстить? Кому?

– Я вижу схватку. – Казалось, Олиний впал в транс. – Убийство какого-то высокопоставленного лица.

– Это сделаю я? – с изумлением спросил Тарквиний. – Но почему?

Вместо ответа последовало:

– Путешествие в Лидию на корабле. Там твоими друзьями станут два гладиатора. Оба очень храбрые. Ты станешь наставником, как я.

Острие кинжала двинулось от желчного пузыря к другим точкам пурпурного органа. Гаруспик вдруг забормотал

очень быстро. Тарквиний разбирал только отдельные слова. Он смотрел на печень и радовался тому, что тоже может видеть то, что читал Олиний.

– Большое сражение, которое римляне проигрывают. Рабство. Долгий поход на Восток. Тропа Македонского льва.

Тарквиний улыбнулся. Кое-кто говорил, что расенны – именно так называли себя этруски – пришли из стран, лежавших дальше, чем Лидия. Возможно, он что-то узнает, повторив путешествие Александра Великого.

– Маргиана. Путешествие по реке, потом еще одно по морю. – На лице Олиния появилось тревожное выражение. – Египет? Мать ужасов?

– Что это? – Тарквиний пытался понять, что напугало его наставника.

– Ничего! Я ничего не видел. – Старик бросил печень ягненка на камень и отступил на несколько шагов назад. – Должно быть, я ошибся.

Тарквиний подошел ближе. Из желчного пузыря на камень вытекла тонкая струйка зеленоватой жидкости. Он сосредоточился, но так и не смог истолковать случившееся. А затем его взор просветлел.

– Египет! Город Александра!

– Ничего подобного. – В голосе Олиния вдруг прорезались злость и испуг. Он оттолкнул Тарквиния и перевернул печень, чтобы ученик не видел внутреннюю поверхность. – Тебе пора увидеть меч Тарквина.

– В чем дело? Что ты увидел?

– Многое, арун. – Глаза Олиния потемнели. – Есть вещи, о которых лучше не говорить.

– Я имею право знать собственную судьбу. – Тарквиний расправил плечи. – Ты же видел свою.

И тут Олиний сдался.

– Ты прав. – Он ткнул кинжалом в сторону отброшенной печени. – Смотри сам, если хочешь.

Тарквиний заколебался. Он наконец научился читать по печени, в предстоящие годы у него будет много возможностей делать это. Наставник увидел его будущее продолжительным и интересным, но было в нем и что-то неожиданное.

Заранее знать все, что с ним случится, как-то не хотелось.

– Со временем все откроется, – спокойно сказал он.

Олиний с облегчением взял литуус и указал им на пещеру.

– Сейчас мы должны найти меч. Ты готов к этому. – Он похлопал Тарквиния по спине.

Перед тем как вернуться в пещеру, Олиний достал откуда-то небольшую охапку камышинок; на концах поблескивал воск. Выбив искру кремнями, он зажег два факела.

– Держи.

Взяв тростинку так, чтобы горячий воск не стекал на руку, Тарквиний двинулся за стариком. Чем дальше они шли, тем шире становилась пещера, заканчивавшаяся каменной стеной в добрых трех сотнях шагов от входа. Воздух был прохладным, но сухим.

Когда факелы осветили цветные изображения на стене, Тарквиний вздрогнул.

– Это место было священным много веков. – Олиний показал на фигуру гаруспика, безошибочно узнаваемую по тупоконечной шапке и литуусу. – Видишь? Он держит в левой руке печень и смотрит на небо.

– А это, должно быть, Тиния. – Тарквиний склонился перед необычно большим изображением того, чья маленькая терракотовая статуэтка стояла на алтаре в хижине Олиния. У божества были большие миндалевидные глаза, прямой нос, кудри и короткая остроконечная борода.

– Римляне называют его Юпитером. – Олиний помрачнел. – Они отняли у нас даже самого могущественного из богов.

Предсказатель повел Тарквиния дальше, к изображениям древних ритуалов и пиров. Музыканты играли на лирах и авлетах – этрусских двойных флейтах. Изящные смуглые женщины в ярких развевающихся одеждах танцевали с обнаженными толстыми мужчинами, а прятавшиеся в скалах сатиры с вожделением на них смотрели. На одной из фресок были изображены могучие этрусские воины в полном вооружении, над которыми парила обнаженная мужская фигура с крыльями и головой льва. Сила взгляда чудовища была такова, что у Тарквиния невольно сжалось сердце.

– Силы небесные! – Тарквиний вспыхнул от гордости, представив себе Этрурию во времена расцвета. – В доме Це-

лия нет ничего равного этому!

– И в большинстве римских вилл тоже. – Старик остановился у входа в боковое помещение, поднял факел и сделал несколько шагов по направлению к непонятному большому предмету, стоявшему на полу.

– Что это?

Гаруспик не ответил, заставив Тарквиния отвлечься от фресок. Прошло несколько секунд, прежде чем Тарквиний увидел нарядные бронзовые панели, окованные металлом колеса и квадратную платформу этрусской боевой колесницы. Он ахнул.

– Ахилл получает оружие от своей матери Фетиды. – Олиний показал на изображение в передней части колесницы, украшенное пластинками из слоновой кости, янтарем и полудрагоценными камнями. На дышле и пароконной сбруе тоже имелось множество крошечных изображений богов. Священные символы были вырезаны даже на ободьях колес о девяти спицах.

Тарквиний с благоговейным страхом провел пальцами по дереву и бронзе, любуясь деталями и стирая толстый слой пыли.

– Сколько же ей лет?

– Она принадлежала Приску – последнему, кто называл себя этрусским царем, – мрачно произнес Олиний. – Он правил Фалериями свыше трех веков назад. Говорят, что он вел в битву больше сотни таких колесниц.

Молодой человек вздрогнул от удовольствия, представив себе величественную фигуру царя в бронзовых доспехах. Он стоит с натянутым луком за спиной колесничего, далее следует целая колонна таких же колесниц, а за ними идут ряды пехоты.

– Но колонны, построенные «черепахой», выдержали их атаку, – вздохнул Олиний. – Просто подняли над головами щиты и закрылись от дождя стрел.

Тарквиний грустно кивнул. История гибели Фалерий была ему знакома. После того как Рим сокрушил всех своих соседей, город продержался еще семьдесят с лишним лет. Но когда прибыли легионы, судьба Фалерий – последнего из гордых городов-государств – решилась за несколько часов. Римляне перебили куда менее дисциплинированных этрусских пехотинцев, а многих колесничих поразили меткими дротиками. При виде поражения своей армии смертельно раненный Приск бежал с поля боя.

– Он похоронен здесь? – спросил молодой человек, обведя взглядом помещение.

Олиний покачал головой:

– Согласно последней воле царя, его тело сожгли. Уцелевшие воины исполнили его приказ, а колесницу вывезли из разграбленного города и спрятали здесь.

– А почему ее не сожгли?

Старик пожал плечами:

– Наверно, надеялись, что когда-нибудь Этрурия вновь

поднимется.

Тарквиний нахмурился:

– Если так, значит, никто из них не был гаруспиком.

– Тарквиний, не рассчитывай, что тебе удастся изменить судьбу своего народа. – Олиний потрепал его по руке. – Наше время, можно считать, закончилось.

– Знаю.

Молодой этруск закрыл глаза и помолился за верных воинов, которые, обливаясь потом, тащили в гору великолепную колесницу, надеясь, что в один прекрасный день она вновь появится на свет в прежней славе. Но этого не случилось. Слава Этрурии миновала навсегда. Он знал это. Пришла пора смириться.

Олиний следил за ним с непроницаемым выражением.

– Пойдем, – наконец сказал он и кивнул в сторону главного помещения.

Они вернулись в пещеру и остановились перед низким каменным алтарем, над которым красовалась странная картина.

– Это Харон. Демон смерти. – Олиний поклонился. – Он охраняет меч Тарквина, пролежавший здесь больше трехсот лет.

Тарквиний с отвращением и легким страхом смотрел на приземистое синее создание с рыжими волосами. На его спине росли крылья, а оскал обнажал острые зубы. Харон держал над головой огромный молот и был готов поразить им

любого, кто дерзнет приблизиться.

На плоской плите лежал короткий прямой меч с золотым эфесом. Полированный металл отражал пламя факелов. Олиний снова поклонился, а потом благоговейно передал юноше оружие.

Тарквиний взвесил клинок на ладони, затем взял его и описал в воздухе изящную дугу.

– Прекрасно уравновешен. И рукоять удобная.

– Еще бы! Он был выкован для царя. Последним его брал в руки Приск. – Гаруспик протянул руку, и Тарквиний быстро вложил ему в ладонь рукоять гладиуса.

Старик показал на огромный рубин, вделанный в рукоять:

– Один этот камень стоит целое состояние. Меч не сможет остаться незамеченным, поэтому храни его в тайне. Рано или поздно он тебе пригодится.

При виде прекрасно ограненного драгоценного камня у Тарквиния глаза полезли на лоб. Раньше видеть самоцветы такого размера ему не доводилось.

– Для первого раза достаточно. – Внезапно Олиний почувствовал усталость, на его лице проступили морщины. – Пошли готовить ягненка.

Тарквиний не возражал. Ничего подобного он не ожидал. Ему было о чем подумать.

Пещеру они покинули молча.

Перед наступлением темноты Тарквиний вышел, чтобы поискать дров и проверить, нет ли поблизости людей или

животных. К его облегчению, вокруг не было ничего, кроме волчьих следов. Вернувшись с огромной охапкой хвороста, он увидел, что Олиний уже развел костер из мелких веточек. Вскоре пламя запылало вовсю.

Мужчины сидели рядом на подстилке, наслаждаясь теплом и следя за приготовлением еды. В огонь падали капли жира, вспыхивая на лету.

Олиний, желая разрядить атмосферу, начал описывать огромный пиршественный зал того города, который когда-то лежал внизу.

– Это было великолепное длинное помещение с высокими ложами, стоявшими вокруг обеденных столов. – Олиний закрыл глаза и наклонился к огню. – Столы были мраморные, невысокие, с резными ножками, инкрустированными пластинами чеканного золота. Пока на столы ставили самые разнообразные блюда, играли музыканты. На пирах бывали как мужчины, так и женщины.

– Серьезно? – Римская знать на официальные обеды женщин не допускала. Тарквиний слегка повернул ягненка, жарившегося на вертеле. – Ты уверен?

Олиний кивнул, не сводя глаз с жарившегося мяса.

– Потому что видел это на картинах?

– Когда я был мальчиком, мне рассказал об этом старейший из выживших гаруспиков. – Он насмешливо кивнул на быстро догоравший факел. – Наши предки не скупились! У них были огромные бронзовые треножники на когтистых

львиных лапах, увенчанные серебряными канделябрами.

До сих пор ничего более роскошного, чем скромный пиршественный зал в доме Целия, Тарквинию видеть не доводилось. Но статуи и картины, принадлежавшие хозяину латифундии, не шли ни в какое сравнение с тем, что он увидел здесь. Целий не тратил деньги на всякие глупости.

– Расенны обладали несметными богатствами, – продолжил Олиний. – В пору расцвета мы правили Средиземным морем, поставляя украшения, бронзовые статуи и амфоры всем существовавшим тогда цивилизациям.

– А как выглядели наши предки?

– Богатые дамы носили нарядные платья, красивые ожерелья, серебряные и золотые браслеты. Некоторые распускали по плечам длинные волосы. У других были локоны.

– Неплохо бы возлечь рядом с такими на пиру.

– Не уверен, что они ответили бы тебе взаимностью. Что для них старый гаруспик и молодой человек, у которого нет за душой ничего, кроме лука да нескольких стрел! – Представив себя со стороны – двух этрусков, рассуждающих в пещере о богатстве народа, которое превратилось в пыль несколько поколений назад, – оба рассмеялись.

Ягненок оказался очень нежным; его мясо буквально таяло во рту. Заметив, что гаруспик съел больше половины жареного мяса, Тарквиний вспомнил Декстера, но прогнал мысли о толстом надсмотрщике и решил насладиться едой и последними днями, проводимыми рядом с Олинием.

Закончив трапезу, оба легли у медленно остывавшего кострища. Тарквиний не мог справиться с печалью, а Олиний, похоже, предпочитал молчать.

Молодой этруск долго смотрел на спавшего предсказателя. Время от времени на морщинистом лице старика появлялась слабая улыбка. Олиний был безмятежен.

Тарквинию удалось сомкнуть глаза лишь через несколько часов.

Когда он проснулся, на базальтовом алтаре лежали пыльные пачки манускриптов, принесенные Олинием. Старик принялся придирчиво расспрашивать Тарквиния об их содержании. Гаруспик был настроен решительно, и Тарквинию пришлось изрядно поднапрячься, чтобы вспомнить мельчайшие подробности.

Кроме того, Олиний передал ему карту, бережно расправив потрескавшуюся кожу.

– Раньше ты мне ее никогда не показывал.

– В этом не было нужды, – лукаво улыбнулся старик.

– Кто ее начертил?

– Один из наших предков. Возможно, воин армии Александра. – Он пожал плечами. – Кто знает? Этот перипл считался древним еще до моего рождения.

Тарквиний склонился над пергаментом. Раньше он не видел ничего подобного, и мир за пределами Этрурии сразу показался ему полным очарования.

Олиний ткнул пальцем в середину чертежа:

– Это Средиземное море. После разрушения Карфагена римляне называли его Маре нострум. Наше море.

– Мерзкие бахвалы.

– Не отвлекайся! – резко сказал Олиний. – Италию и Грецию ты знаешь. Лидия находится на юго-западе Малой Азии. Если следовать береговой линии, то дальше идут Сирия, Иудея и Египет.

– А это что? – Тарквиний показал восточнее того места, на котором лежал палец гарусника.

– Парфия. А за ней – Маргиана. – Лицо Олиния приобрело странное выражение, но вдаваться в подробности он не стал. – Тархун пришел из Ресена, города на берегу великой реки Тигр. Эта страна называлась Ассирией задолго до того, как ее завоевали парфяне.

– Тархун! – Тарквиний повторил это имя с гордостью.

– Он проявил себя настоящим героем – сумел без потерь провести своих людей через земли, где им грозило множество опасностей. – Олиний снова постучал по выцветшему пергаменту у правого поля, над Маргианой. – Это Согдиана. Там живут люди с желтой кожей и длинными черными волосами. Это искусные всадники, сражающиеся с помощью луков. На юго-востоке расположена Скифия, где нашел свою смерть Александр Македонский.

Тарквиний был заинтригован. Он даже не подозревал о существовании таких далеких стран.

– Получается, что расенны пришли из Парфии?

– Кто знает... – Олиний поднял лохматую бровь. – Выясняй сам!

Тарквиний тут же вспомнил о предсказании гаруспика. Прежде у него и мысли не было о том, чтобы пройти путем первых этрусков.

– Путешествие в страну предков... – Олиний обвел взглядом гору, на которой провел всю жизнь. – Как бы мне хотелось самому там побывать, – негромко сказал он.

– Я везде буду помнить о тебе!

– Это доставило бы мне радость, арун.

Мысль о неминуемой смерти Олиния не оставляла Тарквиния, но он утешался тем, что вспоминал каждый миг жизни, проведенной рядом со стариком. К его огорчению, на второй вечер наставник заявил, что утром Тарквинию придется уйти.

– Забери все! – сказал он. – Печень, меч, литуус, карту. Все.

– Дай мне хотя бы еще один день! – взмолился Тарквиний. – Мне еще многому нужно научиться.

– Арун, – теперь гаруспик называл его только так, – я уже научил тебя всему необходимому. – Ты и сам это знаешь. Разве ты забыл, что тебе нужно убить шестого волка?

– Плевать мне на это! – Тарквиний поднял гладиус и пронзил воображаемого Целия. – Я выпущу кишки этому него-

дяю!

– Не сейчас.

Тарквиний пристально посмотрел на Олиния:

– Что ты имеешь в виду?

– От судьбы не убежишь. Целий придет сюда через три дня.

Тарквиний стиснул кулаки.

– Завтра утром ты уйдешь, а я проведу весь день в беседах с предками, готовясь к концу.

Молодой этруск вздохнул. Что ж, по крайней мере, несколько последних часов, проведенных вместе, будут счастливыми.

– Расскажи мне еще раз про точки на печени.

Гаруспик улыбнулся и выполнил просьбу.

– Я закопаю ее вместе с литуусом неподалеку от хозяйского дома. Там с нею ничего не случится.

– Нет! – резко ответил Олиний. – Бронзу можешь спрятать, но все остальное ты должен взять с собой.

– Почему? Когда я вернусь, они будут на месте.

Морщинистое лицо стало непроницаемым.

Тарквиний вздрогнул.

– Я не вернусь?

В глазах Олиния стояла искренняя печаль. В ответ он только покачал головой.

– Значит, мое путешествие затянется надолго!

– Затянется, арун. На двадцать с лишним лет. – Он слег-

ка прикоснулся к карте. – Перипл окажет тебе неоценимую помощь. Записывай все, что увидишь. Узнай о наших предках как можно больше и принеси это знание в Александрию, город Александра Великого.

Тарквиний попытался представить решение этой сложной задачи, стоявшей перед ним.

– Не расставайся с литуусом до самого конца. – Голос Олиния звучал мрачно. – Тебя должны похоронить с ним.

Впервые в жизни Тарквиний не смог найти слов для ответа.

– А что будет с твоим телом, когда воины убьют тебя?

– Мои кости обглодают птицы, – спокойно ответил Олиний. – Это не имеет значения.

– Я вернусь, – пообещал Тарквиний. – Разведу костер. И исполню обряд.

Олиния эти слова явно обрадовали.

– Только убедись, что Целий ушел. Я не хочу, чтобы все мои многолетние труды пошли прахом.

Тарквиний вдруг почувствовал комок в горле.

– Мы, этруски, будем жить в римлянах. Даже без этой пещеры честолубие и знания, запечатленные в либри, помогут им завоевать мир. – Олиний заметил взгляд Тарквиния, направленный на пещеру и гору манускриптов. – Их я сожгу. Но у римлян есть и другие записи, захваченные в наших городах. Самые важные из них хранятся под замком в римском храме Юпитера. – Он засмеялся. – Эти суеверные глупцы

обращаются к ним только во времена великих опасностей!

Тарквиния переполняла печаль. Он заставил себя посмотреть старику в глаза.

– А наш народ превратится в прах и исчезнет навсегда?

– Ты передашь немало наших знаний, – загадочно ответил Олиний.

Но кому он их передаст? В мире осталось слишком мало чистокровных этрусков.

Олиний снял с левого указательного пальца маленькое золотое колечко.

– Возьми его. – Насколько Тарквиний помнил, это кольцо с искусно вырезанным жуком-скарабеем было на руке старика всегда. – Перед смертью отдашь его своему приемному сыну. Хотя он и римлянин, но станет другом всем расеннам. Кто-нибудь всегда будет об этом помнить.

– Приемному сыну?

– Все со временем выяснится, арун.

Тарквиний ждал, надеясь услышать еще что-нибудь.

Вдруг Олиний схватил его за руку.

– Цезарь должен помнить, что он смертен! – прошипел старик. – Не забудь! Твой сын должен будет сказать ему об этом!

– Что? – Тарквиний понятия не имел, о чем говорит Олиний.

– Рано или поздно боги все объяснят. – Затем гаруспик отвернулся и перестал отвечать на вопросы. Он ушел в себя,

и этот транс продолжался до утра. Казалось, из Олиния ушла вся энергия и осталась лишь пустая телесная оболочка.

Тарквиний, у которого было тяжело на душе, приказал себе не размышлять над словами старика. Он бережно помог гаруспику поудобнее устроиться у костра и всю ночь бодрствовал, охраняя его. Он признавал предопределение, но никогда прежде не думал, что будет вынужден безропотно принять смерть самого близкого человека. Горе не давало ему покоя, и рассвет наступил раньше, чем Тарквиний сумел примириться с судьбой того, кто был ему дороже собственного отца. Он был последним гаруспиком, и сохранение древних знаний зависело лишь от него. Для этого нужно было совладать с римлянами. Усилия Олиния не должны были пропасть даром. Бремя было тяжелым, но неистовая гордость за предков давала молодому этруску цель в жизни.

Следующее утро выдалось свежим и солнечным. Благодаря высоте горы в пещере было намного прохладнее, чем в долине. В воздухе стояла тишина, небо было свободно от птиц. На голых склонах не было ни одного живого существа, но Тарквиний по опыту знал, что время для охоты самое подходящее. Следы, замеченные накануне вечером, приведут его к волкам.

Молодой этруск молча собрал мешок и съел сухарь. Гаруспик сидел на камне у входа в пещеру и безмолвно наблюдал за ним. На лице старика было написано удовлетворение.

– Спасибо тебе. За все. – Тарквиний проглотил комок в

горле. – Я всегда буду помнить тебя.

– Я тоже никогда тебя не забуду.

Они пожали друг другу предплечья. Казалось, за ночь Олиний постарел еще сильнее, но его рука осталась крепкой.

– Береги себя, арун. Мы еще встретимся – в другой жизни. – Старик был спокоен и безмятежен, как человек, сми-
рившийся со своей судьбой.

Тарквиний вскинул на плечо мешок, которому печень, посох и меч изрядно добавили тяжести. Карта хранилась на груди в маленькой сумочке. Он попытался найти нужные слова.

– Говорить больше не о чем. – Как всегда, гаруспик прочитал его мысли. – Ступай. Да благословят тебя боги.

Тарквиний повернулся и пошел по своему же следу, положив стрелу на тетиву.

Он ни разу не оглянулся.

Глава IV

Бренн

Прошло девять лет...

Трансальпинская Галлия, 61 г. до н. э.

– Стреляй, пока он нас не видит!

– Далеко, – прошептал воин-галл, с широкой улыбкой взглянув на своего юного двоюродного брата, – добрая сотня шагов.

– Но ты же попадешь! – возмутился Брак. Он прижимал к себе обеих охотничьих собак и ласково поглаживал их, чтобы они не заскулили от возбуждения.

Бренн скорчил гримасу и снова взглянул на оленя, который стоял невдалеке под деревьями. Мощный лук он заранее взял на изготовку, наложил стрелу на тетиву. Последний отрезок пути они ползли на четвереньках и в конце концов укрылись за толстым стволом поваленного дерева. К счастью, ветерок налетал порывами с той стороны, где пасся олень, и животное не подозревало о том, что к нему подкрались охотники.

Эти двое шли по следу с раннего утра, чуткие собачьи носы безошибочно выбирали нужную дорогу в разросшемся за лето подлеске. Олень двигался спокойно, срывал на ходу листья с нижних ветвей деревьев, а сейчас остановился, чтобы попить дождевой воды из лужицы, оставшейся между кривыми мощными корнями старого дуба.

– Направь мою стрелу, Беленус, – мысленно воззвал к богу Бренн.

Он натянул до предела скрученную из жил тетиву и, сощутив глаз, прицелился. Чтобы удерживать лук напряженным, требовалось изрядное усилие, но зазубренный наконечник стрелы оставался неподвижным, словно и лук, и лучник были деталями каменной статуи. Беззвучно выдохнув, галл разжал пальцы. Стрела полетела точно в цель и, негромко чмокнув, вонзилась в грудь оленя.

Ноги животного сразу же подкосились, и оно опустилось на землю.

Брак хлопнул Бренна по плечу:

– Прямо в сердце угодил! А иначе гоняйся за ним...

Мужчины кинулись к добыче. В своей одежде – куртках из грубой зеленой материи и коричневых штанах – они были почти неразличимы в кустах. Брак был высоким и крепким юношей, но старший двоюродный брат превосходил его ростом чуть ли не на голову. У великана самой заметной частью широкого добродушного лица являлся нос. По обычаю их племени, аллоброгов, у обоих белокурые волосы были запле-

тены в косичку и завязаны ленточкой. Вооружены они были луками и длинными охотничьими копьями. На кожаных поясах висели кинжалы.

Глаза оленя уже начали стекленеть. Несколькими точными движениями лезвия ножа Бренн вырезал стрелу и вытер наконечник о мох под ногами. Затем он убрал стрелу в колчан, вновь обратился с молитвой к Беленусу, богу, которого он почитал превыше всех, а потом бросил своему спутнику:

– Мясо само в лагерь не придет. Срежь-ка жердину.

Они связали ноги оленя кожаным ремешком, который нашелся в кошеле Бренна, просунули между ног ствол молодого деревца и не без усилия подняли убитого зверя. Его голова безжизненно моталась в такт шагам охотников. Собаки, порывая от возбуждения, подлизывали капли крови, которая продолжала сочиться из раны в груди.

– Много еще нужно?

– Одного, может, двух... Тогда мяса точно хватит на обе семьи. – Бренн улыбнулся воспоминанию о своей жене Лиат и крошечном сынишке и легким движением руки поправил жердь на плече. – И уж конечно, у нас будет запас больше, чем у дурней из деревни.

– Но у них же нет времени охотиться, – возразил Брак. – Карадок говорит, что, когда разобьем римлян, боги вознаградят нас.

– Старый дурак... – пробормотал Бренн и сразу же пожалел об этом. Обычно он старался держать свое мнение при

себе.

Брака его слова поразили.

– Но ведь Карадок наш вождь!

– Может, и так, но сейчас пища на зиму для моей семьи важнее. Когда я буду уверен, что они сыты, примкну к восстанию. Но не раньше. – Бренн оглянулся на Брака – тот был еще совсем молод и только-только начал бриться.

– Вот бы и сказал ему об этом.

– Карадок и так все узнает – в свое время. – Отсутствие двоих воинов в такое время не могло остаться незамеченным. И когда они вернутся, Бренну придется изрядно потрудиться, чтобы оправдаться.

– Надо было тебе самому возглавить племя, – заметил Брак.

Бренн вздохнул. Сделать это он мог бы без особого труда. Немало воинов подбивало его бросить вызов престарелому Карадоку, который возглавлял племя чуть ли не двадцать лет.

– Не люблю я командовать людьми, братец. Разве что в бою, а войны нужно избегать, насколько возможно. Что до убеждения и уговоров, тут я не силен. – Он выразительно пожал широченными плечами. – Чем спорить, я лучше пойду на охоту или к своей женщине.

– Если бы в прошлом году командовал ты, римляне не вернулись бы. – Судя по выражению лица, юноша непоколебимо верил в свои слова. – Ты бы их в пыль растер!

– Карадок мне не друг, – рявкнул Бренн, – но вождь он хороший, этого у него не отнять. Никто лучше него не справился бы с этими мерзавцами.

Брак умолк, не желая продолжать спор. Юноша почитал своего кузена чуть ли не как бога. Потому-то и не остался в деревне, готовящейся воевать. Впрочем, упрямства у него хватило ненадолго.

– Карадок говорит, что никто из них не уйдет живым, – сказал, сверкнув глазами, Брак после короткой паузы.

Зато в ответе великана не было энтузиазма.

– На нашу долю хватит, даже слишком, – мрачно сказал он. – Разведчики ходили в соседнюю долину. Их там тысячи.

– Думаешь, много?

Бренн хохотнул:

– Аллоброгов никто не одолеет. Храбрей нас во всей Галлии племени не найдется!

Брак широко улыбнулся в ответ.

Бренн отлично знал, что произнес совершенно пустые слова. Уставший от невыполненных обещаний, Карадок вывел племя на бой против римских властителей, когда те потребовали новую, совсем уж неподъемную дань. Поначалу он пытался исправить положение переговорами, но они ничего не дали. Римляне понимали лишь один язык – язык войны. И, как ни странно, первый поход оказался успешным. Легионы покинули земли аллоброгов.

Но победа досталась дорогой ценой.

Едва ли не каждый второй воин погиб или остался изувеченным. Причем, в отличие от римлян, у которых имелись, похоже, неиссякаемые источники пополнения войска, галлам неоткуда было взять новых бойцов. Уже через два месяца после поражения кавалерия республики начала набег на приграничные поселения. Волну жестоких расправ приостановило лишь наступление плохой погоды.

Бренн очень быстро понял, что его народ будет разбит, покорен и обращен в рабство, как это случилось со всеми соседними племенами. Слишком уж мало у них осталось воинов для отражения неизбежного вторжения римлян.

И Помптину, проконсулу Трансальпинской Галлии, и политикам в метрополии, таким как Помпей Великий, требовались рабы, земли и богатства; чтобы заполучить все это, они были готовы на все. За последние годы то и дело горели галльские деревни, а заходящие торговцы рассказывали истории одна другой страшнее. Еще более очевидным свидетельством прихода дурных времен служило поведение новых соседей, суровых, закаленных бывших легионеров, которые демонстративно селились на землях племен. Увеличение налогов было сознательным поступком, рассчитанным на то, чтобы подтолкнуть аллоброгов к восстанию.

И они выступили против Рима – в одиночестве.

А Карадок не желал слушать советов.

Недовольный и уstraшенный сложившимся положением, воин был все же уверен, что битва состоится не раньше чем

через неделю, а то и позже, и потому решил отправиться и запастись для своей семьи мяса на зиму. Охота была для него попыткой (тщетной, впрочем) выкинуть из памяти то, что случилось в лежавших ниже долинах.

— Эх, мне бы штандарт с орлом! — возбужденно воскликнул Брак. — Вроде того, что захватили прошлым летом.

— Будет тебе штандарт, — солгал Бренн. — Когда римлян побьем.

Юный воин взмахнул свободной рукой в воздухе, будто наносил удар мечом, и чуть не уронил жердь.

— Поаккуратнее! — добродушно прикрикнул Бренн.

Когда через несколько часов галлы добрались до своего охотничьего лагеря, с обоих после долгого перехода с тяжелой тушей лил пот. Брак обрадованно сбросил с плеча конец жерди, и собаки тут же бросились лизать кровь. Бренн, громко ругаясь, отогнал их пинками.

В этом лагере они жили уже четыре дня. Богатырь увел своего молодого родственника подальше от лежавшей в устье долины деревни, туда, где редко бывали другие охотники. Целое утро они карабкались по лесистому горному склону и в конце концов оказались на обширной поляне, по которой протекал неглубокий ручей.

Бренн обвел поляну хозяйским жестом:

— Вода и сколько угодно дров. И открытое место, чтобы вялить мясо на солнце. Чего еще желать?

Они установили просторную палатку, в которой всегда

можно было укрыться от дождя, и сразу же отправились за дичью. Первый день не принес плодов, но Бренн, не сетуя на судьбу, вернулся в лагерь и соорудил вечером несколько деревянных сушил. Потом взглянул на небо и сказал, улыбаясь:

– Завтра Беленус укажет нам верный путь. Нутром чую.

И верно. На следующий вечер собаки, ворча друг на дружку, обгрызали очищенные от мяса кости двух оленей, а Бренн и Брак развалились у костра с набитыми животами. И дальше охота шла успешно, стрелы галлов уложили еще одного оленя и кабана. Добытый сегодня зверь был уже пятым.

– Хватит нам. – Брак указал на сушила, прогнувшиеся под тяжестью валившихся на них кусков мяса. – К тому же сегодня и условленный срок вышел. Надо возвращаться.

– Ладно, – вздохнул Бренн. – Давай сегодня поедем как следует, а утром оправимся в путь. Сегодняшнюю добычу можно проявить и в деревне.

– Мы же успеем, правда? – Брак горел желанием пустить хоть немного крови захватчикам. Неминуемая битва была главной темой всех разговоров уже не одну неделю. Карадок, умный, опытный и энергичный предводитель, непрерывно разжигал в своих сородичах ненависть к legionарам.

– Думаю, что нет. – Бренн приложил усилие, чтобы ответить небрежным тоном. – В прошлом году перед битвой добрых три недели продолжались мелкие стычки. Помнишь?

– Разве такое можно забыть? – Память Брака во всех по-

дробностях сохранила образы воинов, когда те возвращались, опьяненные успехом и навьюченные захваченными у римлян оружием и припасами.

Римская республика наложила лапу на Трансальпинскую Галлию шестьдесят с лишним лет назад, поблизости от почти каждого поселения теперь стояли римские войска. Победа, которую в конце концов одержали над римлянами аллоброги благодаря своей тактике партизанских наскоков из-под покрова леса, оказалась крайне необычным явлением. Но досталась она очень дорогой ценой, настолько дорогой, что мало кто это осознал.

– Может, Карадок все же поймет, что произойдет, – пробормотал Бренн. – Лучше ли умереть свободными, чем трусливо бежать из родных мест?

– Ты о чем?

– Так, ни о чем, малый. Подбрось-ка дровишек. Я голоден, как медведь, когда он вылезает весной из берлоги.

Браку нужно было много чему научиться, и его обучением занимался Бренн, как старший родственник-мужчина. Начав свежевать оленя, богатырь помолился богам, чтобы те позволили ему справиться с этой задачей, а также защитить жену и младенца, единственных людей, которые были для него еще ближе и дороже, чем Брак и его родня. Мысль о бегстве вместе с ними через горы казалась недостойной, но бегство было неизбежным, как и предстоящее поражение. Бренн был уверен, что все, кто выйдет биться против римлян, обречены.

Карадок настраивал воинов по-другому. Подавленный неотступной тревогой Бренн не так давно попытался попросить помощи у друида племени, но Ультан не пожелал ни во что вмешиваться. А Карадок, как и ожидал Бренн, отказался даже обсуждать возможность вывести племя в безопасные места.

– Аллоброги не станут удирать, как побитые псы! – ревел он. – Мы сокрушим эти легионы. Рим получит такой урок, которого никогда не забудет! – Бренн продолжал настаивать, но добился лишь того, что в глазах престарелого вождя вспыхнуло бешенство. Опасаясь дурного нрава Карадока, Бренн поклялся повиноваться ему и больше не заговаривал о бегстве вслух даже с близкими друзьями. Вождь допускал лишь разговоры о предстоящем разгроме римлян.

Разногласия с Карадоком помогли Бренну принять решение. Воспользовавшись охотой как предлогом, он намеревался сразу же по возвращении собрать обе семьи и уйти с ними. Лиат и мать Брака знали о его плане, а вот двоюродному брату он решил открыться лишь в самый последний момент. Все еще наивный по-мальчишески, Брак мог нечаянно проболтаться о плане кому-нибудь из воинов.

Охотники в молчании выпотрошили оленя и принялись резать мясо на длинные ленты, которые тут же развешивали на сушине. Одну ногу насадили на палку и подвесили над огнем. Когда зашло солнце, над поляной уже висел густой аромат жареного мяса. Собаки неподвижно сидели у костра,

не сводя глаз с куска, точно зная, что вскоре и им достанется что-то вкусное.

Когда охотники наелись, луна уже висела высоко в небе. Горный воздух быстро остывал. Они завернулись в одеяла и прижались друг к другу, у их ног звучно чавкали собаки.

– Из лучших мест в мире это – второе. – Бренн громко рыгнул и показал рукой перед собой.

Висевшая над ближней горой луна изливала чудесный свет на снежные вершины. Тишину нарушало лишь умиротворяющее потрескивание угольев в костре.

– Отлично поохотились, а теперь набили животы мясом и греемся у огня.

– А где же самое лучшее место? – с любопытством спросил Брак.

– Как – где? Под одеялом со своей женщиной, естественно!

Брак залился краской и поспешил переменить тему:

– Расскажи что-нибудь о тех временах, когда здесь еще не было римлян.

Бренн с радостью согласился. Он не только любил рассказывать длинные истории об охоте или дальних перегонах скота, но и был очень хорошим рассказчиком; его любили слушать все жители деревни. И сейчас он не задумываясь начал повествование о самом большом волке из всех, которых только доводилось убивать аллоброгам.

Брак расцвел от удовольствия.

– Зима десять лет назад выдалась чуть ли не самой холодной, какие только бывали на людской памяти, – начал Бренн. – Страшные метели выгнали стаи голодных волков из лесу. От голода они повадились каждую ночь резать скотину, которая стояла у нас в загонах. И никто из воинов не осмеливался выйти и попробовать перебить их. – Он выразительно пожал плечами. – Снег был глубоченный, и зверюги редко ходили стаями меньше чем по двадцать голов.

Юный родственник обвел поляну тревожным взглядом.

– За месяц они убили несколько десятков коров. Потом напали на старика, который собирал хворост на опушке, и Коналл, твой отец, решил: все, хватит! Он взял на помощь меня, и мы несколько дней мастерили большие ловушки.

– И переловили множество! – Глаза Брака ярко вспыхнули, и он потер пальцами собачий клык, прикрепленный к надетому на шею тонкому кожаному шнуру.

Бренн кивнул:

– По пять за ночь – много ночей. Волки быстро вспомнили об осторожности, а люди осмелели. Но довольно скоро несколько оставшихся с вожакom во главе очухались, снова стали нападать и каждый раз резали по корове. Уцелели из них самые умные, которые не желали хватать приманку в ловушках, и народ стал говорить, что это злые духи.

– Ультан говорит, что все так боялись, что никто не хотел вам помогать.

Вместо ответа Бренн лишь вскинул брови и, взяв бурдюк

с водой, сделал большой глоток.

— Коналл позвал меня, мы долго говорили. О том, чтобы гоняться за волками по лесу, и речи не было. Там сугробы были выше человеческого роста. Так что на следующую ночь мы с Коналлом привязали снаружи, возле ограды, старую корову. Ночь была безлунная, лишь несколько звездочек светили. Он не разрешил мне остаться с ним. Сказал, что я еще слишком молод. — Бренн ухмыльнулся приятному воспоминанию о человеке, который преподавал ему искусство обращения с оружием. Родной его отец умер, когда Бренн был еще маленьким ребенком. — Так что я сидел поодаль с луком и факелом наготове.

— А где же был отец? — Эту историю Брак слышал уже много раз, но неизменно задавал один и тот же вопрос.

— Он завернулся в шкуру и сидел в сугробе возле коровы. Ночь была морозная, ждать долго.

— Он говорил, что полночи просидел в снегу.

Могучий воин кивнул:

— Конечно, корова первая учуяла волков и принялась реветь как ошалелая. А Коналл сохранял спокойствие и сидел неподвижно, как и подобает доброму охотнику. Я же со своего места ничего не видел. — Бренн поднес руку козырьком ко лбу и театрально взгляделся во тьму. — И внезапно они появились: семь серых теней, бесшумно скользящих по снегу.

Брак даже похолодел от восторга.

— Вожак шел впереди, готовый напасть и зарезать жерт-

ву. Я поспешно воткнул горящий факел в снег возле своего укрытия, но волки были такими голодными, что даже не замедлили бег.

– Отец говорил, что ты орал так, будто за тобой гнались дьяволы, – вставил сквозь смех Брак.

– Орал, а то как же! Они могли в любой миг учуять его. – Бренн пожал плечами. – От стаи волков никто в одиночку не отобьется.

– Потом он вскочил, а ты уже убил троих стрелами.

Бренн пожал плечами:

– Его задача была куда опаснее. К тому времени, как я застрелил третьего зверюгу, Коналл успел отрубить голову четвертому и сильно ранил пятого. Остались только вожак и его волчица. А они, несмотря ни на что, принялись терзать бедную корову. Волчицу я тоже застрелил и прицелился в вожака, который как раз изготовился напасть на Коналла. Их разделяло чуть не двадцать шагов, я мог смело стрелять, не опасаясь попасть в Коналла. Но твой отец заорал, чтоб я не стрелял. «С этой тварью я разделаюсь сам!» – крикнул он.

Наступило недолгое молчание.

Бренн в упор взглянул на Брака:

– Он был храбрейшим из мужчин, каких я встречал в своей жизни. Этот волк был с медведя величиной, а у Коналла не было ни щита, ни доспехов. Только меч да охотничий нож.

Брак, не в силах сдержать владевшее им волнение, раскачивался всем телом.

– Волк кидался на него, стараясь повалить, но Коналл легко отмахивался и пытался выгадать возможность для удара. Но вдруг он поскользнулся на утоптанном снегу, упал на спину и выронил меч. Не успел я пошевелиться, как волк могучим прыжком взвился в воздух. – Голос Бренна дрогнул. – Он хотел перегрызть Коналлу горло.

Он сделал паузу. На щеках Брака играли желваки.

– Каким-то образом Коналл умудрился выхватить кинжал и, держа его обеими руками, направил острием вверх. И когда волк рухнул на него, острие кинжала вонзилось ему прямо в сердце.

– А ты уже решил, что он погиб!

– Так мне казалось, пока Коналл не спихнул с себя тушу, – с улыбкой отозвался Бренн. – Никогда в жизни я не испытывал такого облегчения, как тогда.

– Отец всегда говорил, что, если бы не ты, у него ничего не вышло бы. Ты один решился помочь ему.

– Пустяки, – резко бросил Бренн.

– А для него это значило очень много. И для меня тоже.

Бренн быстро отвел взгляд.

– Расскажи еще что-нибудь, – попросил Брак, пытаясь разрядить сделавшуюся вдруг напряженной обстановку. Но, как оказалось, он избрал неверный путь.

– Хватит. – Бренн пошевелил палкой в костре, и в ночное небо взвился столб ярких искр. – Как-нибудь в другой раз.

Он мрачно уставился в огонь, настроение у него вдруг ис-

портилось. Он до сих пор болезненно переживал гибель Коналла. Прошлым летом, во время одной из стычек с римлянами, враги оттеснили Бренна от основного отряда соплеменников и окружили. Увидев, что аллоброги бегут к спасительной стене деревьев, он взмолился богам, чтобы они послали ему быструю смерть. Лишь Коналл не обратился в бегство, как большинство. Собрав вокруг себя нескольких воинов, он устремился в самоубийственную атаку против превосходящих сил римлян и спас жизнь племяннику, отдав взамен свою. Бренн был уверен, что только он, и никто другой, виновен в его смерти. Брак знал об этом и решил не настаивать на своей просьбе.

— Давай-ка поспим. Завтра нам придется изрядно попотеть под грузом.

Юный воин с готовностью свернулся под одеялом. Сознание того, что старший родственник и друг рядом, вселяло в него несокрушимое ощущение безопасности.

Бренн заснул не сразу, он еще некоторое время вспоминал Коналла и размышлял над последним разговором с Ультаном.

Друид племени был стариком еще в пору детства отца Бренна. Никто не мог объяснить, каким образом Ультан умудрился прожить столь долгую жизнь, все его почитали и страшились, а его предсказания и благословения являлись неотъемлемой частью жизни племени. Если заболел ребенок или скотина, звали Ультана. Никто не мог сравниться с

друидом в умении вытащить стрелу из раны или исцелить лихорадку. Даже Карадок обязательно советовался с ним, если требовалось принять серьезное решение.

Бренн обожал захватывающие истории, которые Ультан рассказывал у огня в общинной хижине долгими зимними вечерами. Он почитал друида, как никто другой, а Ультан, в свою очередь, питал теплое чувство к мальчику, ставшему одним из самых могучих воинов, какие только бывали в племени аллоброгов.

Прежде чем отправиться с Браком на охоту, Бренн обратился к Ультану за благословением. Расстроенный тем, что друид не поддержал его в разногласиях с Карадоком, он не задержался в находившейся на краю селенья дряхлой хижине старика, чтобы немного поболтать, как прежде. Когда молитва закончилась, Бренн шагнул к двери, но его остановили слова старика:

– Ты всегда любил дальние походы.

Бренн обернулся, но не смог ясно разглядеть черты лица друида в дымном помещении. С грубых стропил свешивались пучки трав, веники омелы, высохшие скелетики и чучела птиц и кроликов. Бренн вдруг содрогнулся. Поговаривали, что Ультан готов даже яду наварить, чтобы порадовать богов.

– Что, охота будет трудной?

– Более чем, – пробормотал Ультан. – Тебя ждет такое путешествие, какого не совершал еще никто из аллоброгов. И

не совершит впредь. Знаешь, Бренн, от судьбы не убежишь.
– Я погибну в лесу? – собравшись с духом, спросил Бренн.
Ему показалось, что в глазах старика мелькнула тень печали, но уверенности в этом не было. В полутьме нетрудно и ошибиться.

– Не ты. Многие другие действительно погибли. А ты пойдешь дорогой великих открытий.

Хотя около костра было тепло, по спине богатыря пробежал озноб. Ультан, по своему обыкновению, не стал ничего объяснять. Поднимаясь по крутым лесистым склонам, обеспокоенный Бренн возносил Беленусу куда больше молитв, чем обычно. Охота пока что проходила вполне успешно, однако он не забывал, что предсказания друида, как правило, сбывались довольно точно. Не случится ли чего с его семьей? Или с семьей Брака? Хотя лето уже установилось, в путешествии через горы им предстояло столкнуться с немалыми опасностями. На неведомых путях их ждали снега, льды и быстрые, бурные реки.

Или Ультан имел в виду что-то совсем иное?

Он обвел взглядом поляну. Собаки, которые не пропустили бы угрозы, безмятежно спали, подергивая во сне лапами; вероятно, им снилась погоня за оленем. Все спокойно. Бренн вздохнул, крепче завернулся в одеяло и лег рядом с Браком, загораживая его от темного леса. А потом крепко заснул, не видя никаких снов.

Такого безмятежного ночлега у Бренна больше не будет

на протяжении многих лет.

Когда юный воин проснулся, солнечные лучи уже озарили горные вершины по ту сторону долины, окрасив покрывавшие их снега в оранжевый цвет. Брак отбросил одеяло и вскочил, пожививаясь от холодного рассветного ветерка.

– Выспался? – со смешком окликнул его Бренн, склонившийся над сушилом для мяса.

Увидев, что мешки уже собраны, Брак покраснел от стыда. Ему осталось лишь сложить постель и наполнить бурдюки водой.

– Долго я спал? – осведомился он, рысцой направляясь к ручью.

– Сколько надо, столько и проспал, – добродушно отозвался Бренн. – Отдохнул?

– Да.

– Отлично! Ну-ка, попробуй.

Пошатывающийся под тяжестью своего мешка, Бренн указал спутнику на второй мешок. С помощью родственника Брак взвалил его на спину, и опять ему стало стыдно – оттого, что он сообразил, насколько его ноша легче, чем у Бренна.

– Давай я возьму тяжелый.

– Я больше и сильнее тебя, так что не о чем говорить. Да и твой немаленький. – Бренн ободряюще похлопал кузена по плечу. – Его тоже не всякий снесет.

Бренн шел впереди, то и дело опираясь на копьё, чтобы не

упасть на неровной земле. Брак и собаки следовали за ним по пятам. Братья неторопливо, но верно пробирались по лесу и к середине утра преодолели больше половины расстояния, отделявшего их охотничьи угодья от поселения.

– Самое время передохнуть. – Бренн, не скрывая удовольствия, опустил мешок подле большого бука.

– Я могу и дальше идти.

– Садись. – Он похлопал ладонью по мягкой подушке мха. Пожалуй, решил он, сейчас самое подходящее время посвятить Брака в план. – Давай поедим. Меньше будет нести.

Оба расхохотались.

Охотники сидели рядом, опершись на могучий ствол дерева, и в дружелюбном молчании жевали проявившееся мясо, запивая его водой.

– Дым, что ли? – вдруг спросил Брак, указав на юг.

Над кронами ближних деревьев поднимались густые серые клубы.

Бренн стиснул кулачищем древко копья.

– Вставай! Это же из деревни!

– Но как?.. – растерянно взглянул на него юноша.

– Бросай мешок и одеяло. Возьми только оружие.

Юноша повиновался, и через мгновение они уже мчались со всех ног вниз по склону; собаки бежали следом. Бренн неся так, будто сами боги вдыхали в него силы, и довольно скоро Брак начал отставать. Он был здоровым парнем, но трудно было найти хоть кого-нибудь, кто смог бы соперни-

чать в скорости и выносливости с его двоюродным братом. Впрочем, увидев, что Брак начал спотыкаться, большой галл приостановился.

– Что происходит? – с трудом переводя дух, спросил Брак. Лжецом Бренн был бездарным.

– Не знаю, малый. Может, дом какой от очага загорелся.

Он произнес это, глядя в землю. В его ушах, как наяву, прозвучали слова Ультана: «Не ты. Многие другие».

– Не скрывай от меня правду, – возмутился Брак. – Я не маленький.

Бренн нахмурил брови. Брак оказался не таким наивным, каким он привык его считать.

– Что ж. Это значит, что наши воины разбиты. – Он тяжело вздохнул и добавил: – Выходит, мерзавцы не стали дожидаться, пока мы вызовем их на битву.

Лицо Брака побелело.

– А дым откуда?

– Сам прекрасно понимаешь. Они подожгли деревню. – Бренн изо всех сил зажмурился. Лиат. Их грудной сын. Чем, интересно, он думал, когда покинул свою семью в такое время?

– Так чего же мы остановились? – Брак кинулся вперед, уверенно ступая по ставшей заметно ровнее земле.

Они бежали долго, гнев и осознание вины придавали им новые силы. Они сделали лишь пару коротких остановок, чтобы перевести дух. Ни один не промолвил ни сло-

ва. Невдалеке от деревни Бренн снова замедлил шаг и остановился. Даже собаки, казалось, обрадовались возможности отдохнуть. Но молодой родич бежал дальше.

– Брак, стой!

– Почему? Там, наверно, еще дерутся!

– Хочешь сразу попасть туда выдохшимся? И какой от тебя будет прок? – Бренн тяжело дышал, восстанавливая силы. – Ввязываться в бой следует подготовившись.

С видимой неохотой Брак вернулся к огромному воину, который стоял неподвижно, ощупывая острие копья.

– Для кабана сгодилось, – пробормотал Бренн, оскалив зубы в злобной усмешке, – значит, и одного-двух римских ублюдков сможет проткнуть.

Брак сплюнул наземь в знак согласия и проверил, хорошо ли держатся наконечники на стрелах. Потом поднял голову:

– Ну что, братец, готов?

Бренн сдержанно кивнул. В такие моменты воин и понимает, чего стоит тот, с кем ему предстоит биться бок о бок. Но в желудке у него комом застыл страх. Страшась за свою семью, Бренн горячо желал оградить от опасности Брака. Как некогда Коналл ограждал его самого.

Теперь они двигались неторопливой рысцой, внимательно глядя по сторонам, чтобы не попасть в засаду. Они были в местах, которые знали как свои пять пальцев, и вскоре достигли опушки леса. Здесь любому с первого взгляда стало бы ясно: что-то случилось. Лето было самым деятельным

временем года, но в лесу не было ни охотников, ни сборщиков хвороста, ни детей, самозабвенно играющих в тени.

А затем Бренну открылось зрелище, которое ему не суждено будет забыть до конца дней. Деревня, отделенная от леса аккуратными прямоугольниками ухоженных полей, была охвачена пламенем. Над соломенными крышами поднимались в небо столбы густого дыма. И доносились многоголосые отчаянные крики.

Около защитного тына, который доселе служил аллоброгам верой и правдой, толпились legionеры. Тысячи legionеров. Захватчики были одеты в коричнево-бурые туники до середины бедер длиной, а поверх – в плетеные кольчуги. У каждого был тяжелый прямоугольный щит с металлическими шипами, дротик-пилум со зловеще зазубренным наконечником, короткий меч, которым было удобно и рубить, и колоть; головы закрывали бронзовые шлемы с пластинами, защищавшими уши и шею. Бренн знал и всем своим существом ненавидел каждую деталь вооружения римских воинов.

Под защитой выстроившихся стройными рядами когорт высились баллисты, массивные деревянные катапульты, перекидывавшие через тын горящие снаряды. В тылу нападавших трубачи отрывистыми сигналами букцинов передавали наступавшим приказы облаченных в алые плащи командиров, которые возглавляли атаку. У каждого воина была определенная задача, каждый шаг был заранее рассчитан, и исход

боя был ясен изначально.

И как же все это было не похоже на буйный неорганизованный героизм сражений галлов!

Глубокий ров, окружавший стену, был уже во многих местах доверху заполнен хворостом. К стене было приставлено множество длинных лестниц, по которым карабкались наступавшие. Кучка легионеров упорно колотила по створкам главных ворот тяжелым тараном. На галерее, тянувшейся по верху стены, тут и там мелькали фигуры лучников, стрелявших с высоты, но их было удручающе мало.

– Но им же никто не сопротивляется!

– Не могли же воины убежать, – проговорил Брак, ставший уже белым как мел.

Бренн покачал головой, холодок пробежал по его спине.

Отсутствие сопротивления говорило только об одном: Карадок и его воинов разгромили и перебили, так что оборонять деревню пришлось одним женщинам и старикам.

Не осталось ни малейшей возможности спасти Лиат и младенца. Бренн почувствовал, как к горлу подступила тошнота, и закусил губу с такой силой, что ощутил во рту соленый вкус крови. Боль прочистила его разум, удержала от первого порыва бездумно ринуться вперед.

«Не ты. Многие другие».

Ультан предвидел нападение, но тем не менее отправил его охотиться.

– Вперед! – Брак тоже был готов вырваться из-под спаси-

тельной сени деревьев.

Гигант крепко взял его за руку:

– Слишком поздно. – Бренн мрачно взглянул в небо. – Мы вернулись днем раньше. Боги судили нам быть в лесу, а не здесь. Так вот о чем предупреждал Ультан.

– Друид? Он небось спятил. Не можем же мы вот так стоять и смотреть!

– Они уже все равно что мертвы.

– Бренн, а как же твоя жена?!

Тот скрипнул зубами:

– Лиат покончит с собой и с ребенком, прежде чем хоть какой-нибудь римлянин протянет к ним руку.

Брак взглянул на него, словно не узнавал:

– Трус.

Бренн отвесил ему тяжелую пощечину:

– Нас двое, а римлян тысячи.

Брак сразу умолк, по его щекам побежали слезы.

Гигант стоял, пытаясь собраться с мыслями.

– Если хочешь жить, слушайся меня.

Брак вновь взглянул на пылающее селение.

– Думаешь, после этого стоит жить? – мрачно спросил он.

Бренн видел страдание на лице двоюродного брата. И знал, что его лицо перекошено такой же гримасой. Мать и сестры Брака тоже были обречены. Он передернул плечами, пытаясь хоть ненадолго выкинуть из головы мысли об их участии. Кроме них да Лиат с младенцем, у него не было близ-

ких на свете. Почему-то его мысленному взору явилось лицо Ультана при их последней встрече, его выражение. Была ли это печаль? Он не мог сказать наверняка. Нисколько не сомневался он в том, что аллоброги отправились в поход за горы. Но если верить друиду, *ему* предстоял другой путь.

Почему же Ультан отказался говорить с Карадоком и ничего не сказал о грядущем нападении? На это мог быть лишь один ответ. Он получил эту весть от богов. И должен был уверовать в нее, иначе утратил бы святую связь с ними.

– Сейчас мы вернемся туда, где оставили мясо. Его нам хватит на месяц, а то и больше. Потом перейдем через горы к гельветам. Это сильное племя, и они не друзья Риму.

– Но наш народ... – нерешительно проговорил Брак.

– Аллобровов больше нет! – выговорил Бренн, сделав над собой изрядное усилие. Он никогда не думал, что может дойти до такого. – Ультан сказал, что мне предстоит великое странствие, какого еще никто никогда не совершал. – Нужно было как можно скорее уговорить Брака, ведь их могли заметить в любое мгновение. – Несомненно, он имел в виду именно это.

Брак вытер глаза, всхлипнул и еще раз взглянул на деревню. В этот самый миг крыша общинного дома обвалилась, и вверх поднялись языки пламени и огромный сноп искр. Легионеры, суевившиеся под стенами, разразились радостными криками.

Конец был совсем близок.

Брак кивнул, он, как и прежде, безоговорочно верил двоюродному брату.

Бренн погладил юношу по спине:

– Пойдем. Аллоброги все же останутся на свете.

Воины повернулись к лесу, собаки привычно потрусили следом. Но едва они успели сделать пару шагов, как Брак остановился.

– В чем дело? – прошептал Бренн. – Нельзя терять ни минуты.

Лицо Брака выразило неопишемое изумление. Вдруг из рта у него сбежала тонкая струйка крови, и он повалился на колени. Прямо в середину спины ему глубоко вонзилось римское копье.

– Нет! – Великан кинулся к Браку и выругался, заметив легионеров, которые ухитрились незаметно подкрасться к ним на расстояние броска. Их было не меньше двадцати – он не смел надеяться в одиночку одолеть столько врагов.

И тут на него нахлынула печаль. Бежать было уже невозможно.

– Прости... – с усилием выговорил Брак.

– За что? – Бренн сломал пилум пополам и осторожно повернул Брака на бок.

– Бежал медленно. И тебя не послушался. – Лицо юноши сделалось пепельно-серым. Жить ему оставалось совсем недолго.

– Ты ни в чем не виноват, мой храбрый родич, – ласко-

во сказал Бренн, нежно взяв Брака за руку. – Отдохни здесь немного. А мне очень нужно убить нескольких римских подонков.

Брак чуть заметно кивнул.

Печаль перехватила горло Бренна, но ее тут же пересилил гнев, мгновенно растекшийся по жилам. Он сжал на прощание ладонь Брака и вскочил на ноги.

Друид ошибся. Ему тоже предстояло умереть сегодня. Все равно смысла жить дальше не оставалось.

И тут на него градом посыпались копья, вернее, они летели мимо него, с глухим стуком втыкаясь в деревья. Одна из собак взвизгнула от боли и забилась в предсмертных судорогах на земле: длинный металлический стержень пронзил ей брюхо. Второй пес испуганно застыл на месте, поджав хвост.

Легионеры со всех ног бежали к нему, часть из них была уже шагах в двадцати.

– Сукины дети! – Бренн выхватил из колчана стрелу, натянул тетиву и, почти не глядя, выстрелил в ближайшего солдата, зная, что попадет ему в горло. Три следующие стрелы галла также оказались смертоносными. Но затем римляне приблизились настолько, что ему пришлось отбросить лук и взяться за копье. Когда враги окружили его, заслоняясь своими skutумами – выпуклыми щитами – и держа мечи наготове, Бренн наконец-то позволил боевой ярости полностью овладеть собой. И конечно, напрочь забыл о всяких дальних странствиях.

Потому что по его вине погибли в одиночестве жена и сын. По его вине расстался с жизнью Брак. Он испортил все, что только мог. Теперь Бренн хотел только убивать.

– Выродки! – Он научился кое-каким латинским словам от торговцев, постоянно проходивших в этих местах. – Ну, подходи! Кто следующий? – И, не дожидаясь ответа, он метнул свое копьё. Тяжелое острие без труда проткнуло и щит, и бронзовую кольчугу legionera и вонзилось ему в грудь. Воин рухнул, даже не вскрикнув, изо рта у него хлынула кровь. Бренн молниеносно наклонился, подхватил копьё, выпавшее из рук Брака, и проделал точно то же самое с другим римлянином.

– Ну, пададь галльская, у тебя остался только кинжал, – сердито рявкнул офицер в красном плаще и прикрикнул на legionerov: – Хватайте его!

Воины как один вскинули свои skutумы и, сомкнув цепочку, двинулись вперед, переступая через трупы.

Бренн испустил оглушительный боевой клич и кинулся на них. Весь его народ истребили в одной короткой яростной схватке. И он был готов умереть, желал смерти. Лишь бы закончилась неодолимая душевная боль.

Вырвав у ближайшего воина щит, галл перехватил его обеими руками и, ударив плащом с резкого разворота, сбил с ног сразу нескольких legionerov. Воспользовавшись мгновением растерянности, Бренн подскочил к тому legioneru, у которого отобрал щит, и мощным ударом снес ему голову.

Не обращая внимания на кровь, хлынувшую ему на ступни, он выдернул из земли гладиус. Никогда еще ему не приходилось держать в руках римский меч. Ну а хозяину оружие больше никогда не понадобится. Чтобы ощутить баланс, он взмахнул обоюдоострым клинком, успев пожалеть, что нет привычного длинного меча.

Получив оружие, Бренн оказался в еще более тяжелом положении. Не желая идти на неизбежную смерть, оставшиеся тринадцать легионеров подались назад.

– Хватайте его, болваны! – взревел офицер; султан из конского волоса на его шлеме мотался, как хвост настоящей бегущей лошади. – Шестимесячное жалованье в награду тому, кто возьмет его живым!

Вдохновленные обещанной наградой, враги вновь шагнули вперед, окружив галла сплошной стеной из сомкнутых щитов. Бренн убил еще троих легионеров, но все же кому-то удалось врезать ему по затылку рукоятью меча. Он споткнулся, зашатался, но успел, падая, последним отчаянным выпадом вспороть брюхо еще одному римлянину.

Уцелевшие враги разразились радостными криками.

Бренн лежал на густо залитой кровью земле, его туловище было испещрено множеством мелких ран и порезов.

– Хвала Юпитеру, среди галлов немного таких быков! – бросил с презрительной ухмылкой офицер. – А не то вы, бабы, никогда не одолели бы их.

Воины покраснели от стыда, но промолчали. За пререка-

ния командир мог подвергнуть любого из них суровому наказанию.

Израненный и избитый, Бренн все же попытался продолжить бой. Он сделал усилие, чтобы подняться, но оказалось, что даже его огромная сила имеет предел. Его взор застлал багровый туман. Словно издалека, донеслись слова центуриона:

– Свяжите ему руки и ноги и отнесите к лекарю.

Один из солдат, разгоряченный после боя, все же дерзнул возразить:

– Позволь убить его, господин. Он же прикончил одиннадцать наших!

– Болван! Проконсул Помптин требует добыть как можно больше рабов. А с этим сравнится мало кто из римских гладиаторов. Он стоит куда больше, чем вы все, живые и мертвые.

Бренн закрыл глаза и позволил беспамятству овладеть им.

Глава V

Ромул и Фабиола

Прошло пять лет...

Рим, весна 56 г. до н. э.

– Будь ты проклят, Ромул. Иди сюда, живо! Не то получишь трепку!

Гемелл прервал свою тираду. С торговцем, приземистым краснолицым толстяком, частенько случались припадки неукротимой ярости. Вот и сейчас он стоял посреди просторного, залитого солнцем перистилья³ своего дома, тяжело дыша, обливаясь потом и бешено вращая глазами. Заприметив движение возле ярко раскрашенной статуи, окруженной кустами и невысокими деревьями, он, двигаясь на удивление проворно, метнулся туда и сунул за постамент, с которого ухмылялся сатир, пухлую руку с униженными перстнями пальцами.

³ *Перистиль* – в древнеримских домах крытая галерея вокруг внутреннего двора (атриума), ограниченная с одной стороны колоннами, а с другой – стеной здания.

Но вместо Ромула Гемелл выволок из укрытия юную, не старше тринадцати лет, девушку, скорее девочку, одетую в рваную тунику. Она была вся измазана сажей, ее одеяние больше походило на половую тряпку, но все это не могло скрыть ее редкостной красоты. Длинные черные волосы наполовину скрывали точеные черты ее лица, которое должно было в ближайшем будущем сделаться неотразимой приманкой для мужских глаз. Она взвизгнула, но Гемелл крепко держал ее за ухо.

– Где твой брат, поганка? – Он огляделся по сторонам, ожидая увидеть поблизости Ромула. Обычно близнецы были неразлучны, словно тени друг дружки.

– Не знаю, господин! – Фабиола не прекращала попыток вырваться.

– Врешь!

– Господин, он должен быть в кухне.

– Как и ты. Но этого выблядка там нет! – торжествующе воскликнул торговец. – Так где он?

На сей рад девочка промолчала.

Гемелл отвесил Фабиоле пощечину.

– Или ты его отыщешь, или я выпорю вас обоих.

Девочка не расплакалась. Что бы Гемелл ни делал с нею, она всегда казалась дерзкой.

Разъяренный торговец снова замахнулся на Фабиолу мясистой лапой, но при этом случайно разжал пальцы второй руки.

Она легко увернулась от второго удара и опрометью побежала вдоль комнат и пиршественных залов, выходявших под портик перистилия.

– Скажи этому никчемному отродью, чтобы поторапливался!

Голос хозяина гулким эхом разнесся по всему дому. Все еще трясась от гнева, Гемелл тяжело опустился на украшенный тонкой резьбой мраморный парапет фонтана, который находился в тени деревьев возле задней стены окруженного колоннадой двора. Заднюю стенку бассейна украшала затейливая мозаика, расположенная таким образом, чтобы сразу бросаться в глаза гостям, входящим в атриум или глядящим сквозь открытые двери таблинума⁴.

Он зачерпнул ладонью воды и смочил лоб. Фонтаны и стоки для нечистот были роскошью, которую мог позволить себе только очень богатый человек. Гемелл порой задумывался, как долго еще он будет в состоянии поддерживать столь экстравагантный образ жизни. Впрочем, возвращаться к нищей жизни в инсуре, подобно предкам, он отнюдь не собирался.

Взглянув на тень, отбрасываемую стрелом солнечных часов, которые располагались посреди двора, Гемелл увидел, что вот-вот наступит гора кварта⁵. До полудня оставалось

⁴ *Таблинум* – большая комната, примыкавшая к атриуму. В Древнем Риме обычно служила кабинетом хозяина дома.

⁵ *Гора кварта* (hora quarta) – четыре часа, примерно соответствует 9:30–10:30

еще более двух часов, но воздух уже сделался жарким, как в Гадесе. Он громко выругался и вытер лицо подолом нечистой туники. Жизнь и без того была достаточно тяжела, чтобы еще гоняться по вилле за ублюдками Вельвинны. Из-за неустойчивой, то и дело меняющейся политики властей и растущей зависимости хозяйства от количества привозных товаров дела становились все хуже и хуже. Сенат, ослабленный взятками, продажностью и никчемным руководством, три года назад уступил Крассу, Помпею и Цезарю и разрешил им создать триумвират. После этого практически вся власть в Риме сосредоточилась в руках этой троицы, но лучше от этого не стало.

Махинации честолюбивого, но малопочтенного аристократа по имени Клодий Пульхр отнюдь не помогали исправить положение. Он вел постоянную борьбу против Сената и планомерно работал над повышением своей популярности в трущобах. Клодию нужна была только власть, и ради нее он был готов на все. Засыпав бедняков обещаниями, он быстро добился от них массовой поддержки. Кульминацией коварной тактики Клодия стал его переход из патрициев в плебеи, что позволяло ему претендовать на должность трибуна.

Консул Юлий Цезарь, решив, что Клодий может стать полезным союзником, удовлетворил прошение того о переводе его в нижнее сословие, плебс. Став трибуном в первые же выборы, Клодий начал с реформирования коллегий, ре-

месленных и торговых союзов, которые издревле существовали в каждом квартале Рима. Он нанимал хорошо обученных и вооруженных воинов, которые были фанатично преданы ему. Через несколько недель Клодий сделался хозяином римских улиц и даже выступил против Цезаря, которому был обязан всеми своими успехами.

А вот планы Цезаря шли гораздо дальше подчинения себе уличного отребья. Он стремился получить консульскую власть над тремя провинциями республики. И, добившись этого, быстренько уехал в самую многообещающую из них в смысле будущих доходов, рассчитывая заслужить там славу полководца. Цезарь направился в Галлию.

Клодий старался поддерживать хорошие отношения с Крассом, опасаясь его влияния как политика. Но больше он не страшился никого. Следующей его целью оказался Помпей. Вскоре великий человек лично подвергся публичному оскорблению на Римском форуме и был фактически осажден в собственном доме. В отместку Помпей поддержал Тита Милона, второго трибуна, который быстро набрал свои собственные вооруженные банды, в которые вербовал даже профессиональных гладиаторов.

Ожесточенная война между бандами продолжалась уже с год и очень плохо сказывалась на торговле. Гемеллу регулярно приходилось откупаться от обеих сторон, чтобы его товары могли беспрепятственно попадать в Рим и покидать его. Его прибыли становились все меньше и меньше. А в про-

шлом году Гемелл, привыкший за десятки лет к постоянным успехам, вложил большие деньги в египетские товары и получил сокрушительный удар. В жестоком шторме погибло двенадцать его кораблей, груженных слоновой костью, черепашьими панцирями и папирусом. Мало того, что эта потеря пробила в его состоянии изрядную брешь, после нее все, к чему он прикасался, стало обращаться в пыль. Очень легко было поверить в старинную примету, утверждавшую, что жизнь на Авентине всегда приводит к несчастьям.

Он не мог и дальше откладывать продажу Фабиолы и Ро-мула. Пусть через пару лет за них дали бы намного больше. Несколько тысяч сестерциев нужны были Гемеллу немедленно. Кредиторы требовали с него немыслимые, грабительские проценты. Он боялся даже подумать о тех мерах, на которые могут пойти головорезы, служащие грекам-ростовщикам, если он пропустит еженедельный платеж. Пока что от серьезных бед Гемелла спасала лишь колоссальная величина его долгов. Живой, он продолжал выплачивать их, а вот от трупа, плавающего в Тибре, кредиторам не было бы ровно никакого проку.

Его мысли вернулись к Фабиоле. Торговец уже довольно давно вожделел к ней, но все же сдерживал похоть, так как знал, что девственница стоит гораздо дороже. Как за обычную рабыню за нее удастся выручить двенадцать, ну от силы пятнадцать сотен сестерциев, а вот если продать Фабиолу в один из городских публичных домов, заплатят самое малое

второе больше. Ромул, конечно, столько не принесет, но и за него наставник гладиаторов отвалит куда больше, чем могли бы дать на невольничьем рынке.

Размышления Гемелла прервал бесшумно проскользнувший в сад Ромул. На нем была лишь набедренная повязка. Он казался почти точной копией сестры, разве что крупнее, да черная шевелюра его была коротко подстрижена. Самой заметной частью его лица был орлиный нос. А голубые глаза, как и у Фабиолы, были полны сдерживаемой решимости.

– Господин... – произнес он, в глубине души жалея, что еще слишком мал и не может оттащить Гемелла за ухо, чтобы оно распухло так же, как у его сестры. Брат и сестра были глубочайшим образом преданы друг дружке.

Гемелл удивился, что юный раб явился так скоро. Хотя близнецов часто лупили, они то и дело не выполняли приказов.

«Надо будет, – подумал он, – заковать обоих, пока их головы не посетила мысль о бегстве».

– Подойди! – рявкнул он, не забыв отметить про себя неплохой рост, изящество и крепость сложения загорелого парня. Для тринадцати с половиной лет он был крупным подростком. Мемор, пожилой ланиста⁶ главной школы гладиаторов Рима, наверняка согласится заплатить за него две тысячи сестерциев, а то и больше. А может, продать их обоих в Лупанарий, роскошный публичный дом, для которого он

⁶ *Ланиста* – содержатель школы гладиаторов.

предназначил Фабиолу? Сексуальные пристрастия его посетителей были весьма разнообразны.

Торговец протянул руку и схватил Ромула за плечо:

– Нужно отнести письмо в дом Красса.

– Великого полководца?

– Его самого.

Глаза мальчика широко раскрылись.

– Ты знаешь, где он живет?

Как и большинство рабов, Ромула редко выпускали на улицу одного, чтобы у него не возникло соблазна убежать. Все же он неплохо знал город и имел представление о том, где находятся дома самых знатных римлян. Он торопливо кивнул.

Жизнь за высокой оградой виллы была чрезвычайно скучной. Ромул, начавший серьезно работать с семи лет, давно уже стал великим мастером по части мытья полов в кухне, колки дров для плит, прочистки стоков и всяких других мелких работ. И все же большую часть времени ему приходилось скучать. Работы, как правило, занимали лишь несколько часов в сутки. И потому приказ сбегать в дом одного из самых выдающихся граждан Рима был для него прекрасной возможностью ненадолго оторваться от бесконечной рутины.

Гемелл сунул руку под тунику и вытащил сложенный лист пергамена, запечатанный восковой печатью. И нахмурился, подумав, что самый главный его кредитор может и не внять

мольбе.

– Важно, чтобы никто за тобой не проследил. – Греческие головорезы уже довольно давно следили за всеми принадлежавшими ему взрослыми рабами, а ему было очень важно, чтобы ростовщики не знали, что он задолжал не только им. – Понял?

– Да, господин.

– Дождись ответа. – Гемелл выпустил мальчика. – И поторопись!

Ромул кинулся в таблинум, чуть не поскользнувшись на гладком мозаичном полу. По пути он задержался ровно настолько, чтобы шепотом сообщить новость Фабиоле, которая уже вернулась и исподтишка поглядывала на двор.

Он сорвался с места, и сестра проводила его улыбкой.

Выскочив из коридора, Ромул чуть не налетел на Квинта, старого раба, подметавшего пол вокруг имплювия, расположенного посреди залитого солнечными лучами атриума прямоугольного бассейна для сбора дождевой воды.

– Прости!

Квинт добродушно улыбнулся. Ромул, не понаслышке знающий о жестокости Гемелла, частенько помогал старику, когда на того наваливали слишком много работы. Любого из домашних рабов, чья слабость начинала проявляться слишком явно, ждала страшная участь – соляные шахты.

Подпрыгнув, чтобы удержать равновесие, Ромул помчался к тяжелым деревянным дверям, отделявшим дом Гемелла

от окружающего мира.

Юба, привратник, завидев приближение Ромула, поднялся с места. Его массивное могучее тело, прикрытое лишь набедренной повязкой, было испещрено множеством старых шрамов. Лысая голова блестела от масла, которым нубиец ежедневно умащивал кожу. Гемелл, покоренный ростом, силой и воинским умением Юбы, купил его пять лет назад, решив, что такой человек сможет и отстоять дверь в случае какой-нибудь беды, и приструнить других рабов.

Нубиец вопросительно вскинул брови.

Ромул огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что никто его не услышит.

– Хозяин дал мне письмо. – Он оттопырил поджарый зад и, переваливаясь (это должно было изображать Гемелла), пошел поближе к привратнику. – К Крассу, знаменитому полководцу.

Юба рассмеялся, показав обрубок языка. Гемелл приказал отрезать новому привратнику язык, как только купил его. Сделано это было для того, чтобы раб не мог сам разговаривать с теми, кто будет появляться у дверей, а звал хозяина или домоправителя. Эта мера должна была уменьшить вероятность сговора привратника с ворами.

Ромул помнил то изумление, с каким смотрел на вошедшего в дом великана, изо рта которого все еще текла кровь. До этого мальчик не видел чернокожих людей. Ну а Юба, которого вдобавок к тому, что лишили речи, еще и плохо

кормили и частенько избивали, ненавидел хозяина ничуть не меньше, чем Ромул.

Вскоре после появления в доме нубиец вырезал мальчику деревянный меч, это была его первая игрушка за восемь лет жизни. В благодарность Ромул стащил из кухни ломоть хлеба. С тех пор ночные вылазки за едой для гиганта стали регулярными. С годами их дружба крепла. Поначалу рядом с ними постоянно была и Фабиола. Но, несмотря на исключительную привязанность близнецов друг к другу, Ромула неосознанно влекло к мужскому обществу, к грубым играм. Он бегал к Юбе при каждой выпадавшей возможности, а нубиец радовался обществу мальчика и с удовольствием позволял ему сидеть и даже спать на голом полу отведенного привратнику закутка возле дверей. Вельвинна понимала, насколько важно для мальчика это общение, и не вмешивалась. Тем более что Ромулу не суждено было познать отцовское воспитание. И даже встретиться с отцом.

Разве что ради мести.

Все эти годы она хотела рассказать Ромулу и Фабиоле о совершенном над нею насилии, но ждала, пока они станут постарше. Благодаря постоянно растущей популярности некоего аристократа, его изображения все чаще и чаще появлялись в храмах и общественных местах. Вельвинна достаточно насмотрелась на них и теперь нисколько не сомневалась в том, кто именно был отцом близнецов. И она страстно желала сообщить об этом детям, особенно Ромулу. Спустя три-

надцать лет после несчастья жажда мести пылала в ней все с той же силой. Но ей также хотелось дать близнецам возможность как можно дольше насладиться детством, каким бы оно ни было, – прежде чем Гемелл в конце концов разлучит ее с ними. Вельвинна то и дело замечала оценивающие взгляды, которые хозяин кидал на ее детей, и все горячее и горячее молилась богам.

Ромул ничего об этом не знал. И сейчас он, широко улыбаясь, стоял перед огромными запертыми дверями. Их редко открывали, только по случаю прибытия особо важного гостя или если Гемелл устраивал пир. А обитатели дома обычно ходили через маленькую дверь, прорезанную в одной из тяжелых створок.

Юба отодвинул тяжелый засов, улыбнулся и погрозил мальчику толстым пальцем.

– Я буду осторожен! – Ромул с обычным вожделием взглянул на изогнутый клинок, висевший на широком кожаном поясе нубийца. – А мы позанимаемся потом.

Юба взмахнул рукой, изображая фехтование.

Все так же продолжая улыбаться, Ромул выскочил на шумную улицу. И сразу его обдало зноем, многократно усиливавшим извечную городскую вонь. Как всегда, в теплое время года в нос убийственно шибало человеческими экскрементами, чуть не сплошным слоем устилавшими узкие затененные переулки, и мочой.

Он с отвращением поморщился.

Узкая немощенная улица была полна людей, спешащих куда-то по своим делам. Жизнь в Риме начиналась на рассвете, особенно летом, когда дневная жара делала ее невыносимой. Мужчины и женщины, которые, толкая встречных, проходили мимо Ромула, являли собой смешение всех рас, обитавших в республике. Италийцы, греки, испанцы, нубийцы, египтяне, галлы, иудеи, изредка попадались даже готы. Большинство из них были простыми горожанами или ремесленниками, пытавшимися заработать себе на жизнь в городе, где безоговорочно распоряжались аристократы.

Многие приезжали сюда в надежде на славу и богатство. Преуспеть удавалось очень немногим.

Но участь их всех была много лучше, нежели у тех, кто прибывал сюда рабами, предназначенными для того, чтобы оказаться перемолотыми в жерновах гигантской мельницы, в которую превратилась к настоящему времени республика. А наслаждаться роскошью и пользоваться почти неограниченными возможностями, которые открывала эта огромная столица, могли только богачи, да и то лишь те из них, чья родословная уходила в историю на пятьсот лет.

Прислонившись к противоположной стене, стояли двое коренастых молодых мужчин, резко выделявшихся в толпе своими мускулистыми фигурами и неподвижностью. Они, как коршуны, неотрывно следили за дверью Гемелла. Напульсники из толстой кожи на покрытых шрамами руках и висевшие на поясах мечи означали только одно – беду.

Юба заранее указал мальчику на них сквозь дверную щель. Как только Ромул покинул виллу, один из громил направился за ним, безуспешно стараясь держаться непринужденно. Мальчик прибавил шаг, подумав о том, насколько легко ему будет отвязаться от преследователя. Несмотря на ненависть к Гемеллу, Ромул был предан дому, в котором обитал. И о том, чтобы не доставить письмо по назначению, не могло быть и речи.

Он, не глядя, свернул за угол и налетел на пару волов, которые тащили повозку, нагруженную горшками и прочими гончарными изделиями.

– Смотри, куда прешь, пащенок! – Погонщик сердито замахал палкой, пытаясь призвать испуганных волов к повиновению. Судя по громкому треску, часть поклажи полетела наземь.

Почувствовав себя виноватым, Ромул поспешил нырнуть в толпу. Вслед ему полетела громкая ругань, но ни гончар, ни громилы не могли даже мечтать изловить его. В течение всего дня пешеходы и повозки плелись по забитым улицам черепашьям шагом. Только Священная дорога, мощеная улица, пролегавшая от холма Велия до Форума, была настолько широка, что на ней могли без труда разъехаться две повозки. На всех же остальных улицах дома разделяло пространство шириной едва более десяти стоп, а кое-где и гораздо меньше. А в узкие боковые переулки солнечные лучи почти не проникали.

Ромул низко пригнулся, прячась за прохожими. Худощавый мальчишка отлично умел протискиваться через толпу так, что его мало кто замечал. Еще десяток-другой шагов, и никто его не догонит.

Дом Гемелла находился на Авентинском холме, районе, лежавшем к югу от центра города и населенном в основном плебсом. Никто и никогда не видел, чтобы ремесленники отказывались от своих корней, пусть даже у них появлялась возможность поселиться где-нибудь вблизи самого Римского форума. Здесь, как и едва ли не во всех частях Рима, богатые и бедные жили бок о бок. Подле богатых домов с мощными каменными стенами громоздились инсуле высотой аж в пять этажей. Эти дома были разделены на сдаваемые внаем квартиры, в которых и обитало большинство римлян.

Проулки между мощеными улицами оставались неизменными со времен глубокой древности – их сплошь покрывала смесь глины с отходами жизни множества людей. Вдали от главных артерий центра народ изо дня в день пользовался публичными фонтанами и отхожими местами. У тех, кто побогаче – они жили ближе к большим улицам, – имелась проточная вода, а у многих даже стоки для нечистот. У Гемелла, естественно, имелось и то и другое.

Ромул нес письмо, и его все сильнее разбирало любопытство. Что в нем написано? Почему возле дома днем и ночью караулят вооруженные люди? Он подумал было развернуть письмо, но от этого все равно не было бы никакого толку.

Ромул мечтал научиться читать и писать, но из всех рабов грамотным был один лишь Сервилий, хозяйский письмоводитель. Гемелл никогда не тратил ни копейки, если не был уверен, что она вернется с прибылью. Ромул вздохнул. Может быть, ему удастся выучиться там, куда он попадет...

Так, шныряя в толпе, он пробирался по Остийской дороге, которая шла от холмов Палатин и Целий к Священной дороге. Такой путь оказался бы очень длинным, и на следующем перекрестке Ромул свернул, чтобы пройти через Публичиев спуск. Дорога то взмывала на пригорки, то сбегала в лощины, и неподалеку то появлялся, то исчезал из виду вал Сервия. Циклопическая защитная стена некогда служила городу границей, но стремительный рост населения этих районов заставил начать строительство и на незащищенных землях – на краю Марсова поля и севернее Квиринальского холма. Власть Рима над Италийским полуостровом уже сотню лет не подвергалась сомнению, и мало кто опасался возможного нападения.

На каждом перекрестке дежурили представители коллегий, только это были уже не ремесленники и торговцы, а вооруженные и очень опасные люди Клодия. Ромул знал, что их внимание привлекать к себе не стоит, и потому почти неотрывно смотрел на утопанную землю, по которой ступали его сандалии. А еще через несколько шагов он повстречался с двигавшейся ему навстречу похоронной процессией, впереди шествовала наемная плакальщица.

– Скончался почтенный гражданин Марк Скавр, – мрачным голосом провозглашал десигнатор, распорядитель похорон. – Если кто хочет присутствовать на его похоронах, то сейчас самое время. Его вынесли из дома и препровождают в родовую гробницу на Аппиевой дороге.

Ромул уставился на следовавших за распорядителем музыкантов: они играли печальную музыку, чтобы поддержать у провожавших усопшего соответствующее настроение. Омытое тело Скавра, облаченное в новехонькую белую тогу, покоилось на носилках, которые несли на плечах полдюжины мужчин, чье сходство между собой говорило о близком родстве. В руках у рабов были горящие факелы – дань традиции, восходившей к тем временам, когда погребения совершались под покровом ночи. За носилками шла миловидная, хорошо одетая женщина лет сорока с покрытым белилами лицом. Далее следовали другие родственники и друзья покойного, все как один облаченные в серые тоги и туники – траурный цвет римлян.

Ромул поспешил дальше. Мысль о смерти несколько не волновала его. Впрочем, Ромул знал одно: хотя у него и нет родовой гробницы на Аппиевой дороге, ему совсем не хочется, чтобы его бросили в вонючую яму на южном склоне Эсквилинского холма, где хоронили рабов, нищих и преступников, а также трупы животных. Там же находилась городская свалка. С тех пор как Ромул осознал, насколько низкое положение занимает, он твердо решил, что добудет сво-

боду для себя и близких. Не вечно Гемеллу быть их хозяином. Но как достигнуть своей цели, он не представлял. Одного мятежного духа для этого было явно недостаточно.

Шесть крепких рабов, быстро шагая, несли крытые носилки, впереди шел еще один с палкой в руке, чтобы колотить тех, кто не поторопится убраться с пути. Несколько громил из банды, не имевших в этот час никаких грязных делишек, попивали вино возле таверны. Это было знаком того, что времена изменились. Еще в недавнем прошлом столь презренные типы не дерзнули бы ошиваться близ центра города. Даже рабы были осведомлены о том, насколько в эти дни неспокойна политическая жизнь и сколь грубыми способами трое аристократов, образовавших триумвират, заставили Сенат покориться. А по мере того как слабела республика, разброд в обществе и преступность стремительно набирали силу.

Громилы, одетые в грубые туники и вооруженные мечами и ножами, свистели и выкрикивали непристойности вслед каждой женщине, не важно, молодая она была или старая. Но когда приблизились носилки, они умолкли – все еще страшновато было привлекать к себе внимание какого-то влиятельного и благородного гражданина. Ромул задержался на мгновение, разглядывая снаряжение громил. Оружие всегда восхищало его. И он, невзирая на угрозу сурового наказания, при первой же возможности бежал немного поупражняться с Юбой.

Проход заметно сужался из-за того, что перед лавками, тянувшимися по обеим сторонам улицы, были выложены на обозрение товары. Гончары, сидя за неторопливо вращающимися кругами, лепили посуду. Кузнецы били по наковальням, изготавливая металлическую утварь. На толстой соломенной подстилке лежали амфоры с вином. Мясник рубил топором тушу, а его жена помешивала черпаком в большом чане, где варились колбаски.

От запаха вареной свинины у Ромула сразу слюнки потекли. Рабам Гемелла мясо перепадало крайне редко.

– Не хочешь потратить ас? – крикнула женщина, узнав Ромула. Его частенько посылали сюда купить мяса.

Ромул опустил глаза. Ему почти не приходилось держать в руках медную монету, а уж о том, чтобы иметь свою денежку, он мог лишь мечтать.

Женщина воровато оглянулась на мужа – тот смотрел в другую сторону – и, улыбнувшись, сунула мальчику полколбаски.

От неожиданной доброты торговки на глаза Ромула навернулись слезы.

– Смотри, в следующий раз принеси заказ побольше! – громко произнесла она.

Жуя колбаску и чувствуя себя совершенно счастливым, Ромул пробежал мимо менялы, который сидел в нише, скрестив ноги. Перед ним лежала кучка монет, а за спиной возвышался могучий телохранитель-гот. И везде, где только мож-

но, сидели нищие и калеки, чьи жалобные голоса порой заглушали зазывные крики торговцев.

Ромул понятия не имел, сколько времени ему придется ждать ответа Красса. Если он вернется позже, чем это будет по нраву Гемеллу, его избыют, поэтому чем скорее он обернется, тем лучше. Он ускорил шаг.

Вскоре он оказался возле храма Великой Матери Кибелы. Святилищ различных богов в городе насчитывалось великое множество. Римляне всегда старались прибавить к своему пантеону и чужих богов, даже тех, которым поклонялись покоренные народы. Благодаря этому те легче сносили римский гнет.

У Ромула от страхахватило дух. Гемелл не раз грозился продать его последователям Кибелы. Чужеземную богиню, жрецы которой носили странные одежды и дули в оглушительно звучащие трубы, почитали очень многие. Но Ромула ничуть не влекло к Великой Матери.

– Чтобы доказать свое благочестие, ее жрецы оскотпляют себя, – с гадкой ухмылкой говорил Гемелл.

Эти угрозы лишь усиливали ненависть Ромула к торговцу. Уже много лет он мечтал о том, как убьет его. То, как толстяк являлся к его матери, накрепко врезалось в его память. И он не собирался прощать Гемеллу того, что он делал с нею почти каждую ночь.

– Дети, закройте глаза, – шептала Вельвинна всякий раз, как только раздавался звук открываемой двери.

Испуганные близнецы спешили повиноваться. Но когда ложе начинало громко скрипеть, было очень трудно не посмотреть в ту сторону. И за все эти годы они ни разу не слышали, чтобы их мать издала хоть единый звук, когда Гемелл громко сопел и дергался, взгромоздившись на нее.

Ромул уставился на открывшееся его взору огромное здание на Капитолийском холме. Оно было посвящено Юпитеру, главному из римских богов, к заступничеству которого взывали перед войной. Храм, самая большая постройка, оставшаяся от основателей Рима этрусков, бесстрастно взидал с высоты. Шесть массивных колонн перед фасадом поддерживали треугольный расписной терракотовый фронтон, а между ними находились двери в селле, святилища триады: Юноны, Минервы и Юпитера. Здесь консулы приносили в жертву быков при вступлении в должность, здесь ежегодно проходило первое заседание Сената. И триумфальные шествия всегда завершались на Капитолийском холме, значение этого места для римлян невозможно было выразить словами.

«Юпитер, великий и всемогущий! Дай мне хотя бы один шанс убить Гемелла, прежде чем я умру». Эту молитву Ромул ежедневно повторял про себя.

В конце концов он добрался-таки до внушительной каменной стены, окружавшей владение Красса. Как и во всех домах богачей, она являла внешнему миру голую, ничем не выделяющуюся поверхность. Лишь створки огромной дву-

створчатой двери украшали резные львиные головы. Ромул подошел ко входу и взялся за искусно выкованный тяжелый железный молоток, изображавший голову Юпитера. Три раза стукнув – его поразил глубокий сильный звук, – он на всякий случай отступил на пару шагов.

Дверь резко распахнулась. На пороге появился привратник, такой же огромный, как Юба, но его смуглое лицо украшала затейливая татуировка.

– Кто тут? – Его суровый взгляд словно пригвоздил Ромула к земле.

Он протянул руку с письмом:

– Я принес послание Крассу от моего хозяина.

Раб окинул взглядом улицу и резко дернул головой:

– Заходи.

Ромул переступил порог и оказался в доме богатейшего из граждан Рима. Великан-привратник захлопнул дверь и задвинул засовы, затем дернул за веревку, свисавшую с потолка, и удалился в свой альков; все это время он не сводил взгляда с пришельца. Раб, одетый в грубую тунику, с руками, испещренными множеством шрамов, и волосами, собранными в косичку, принадлежал к какому-то готскому племени.

Ромул стоял неподвижно, не решаясь даже переступить с ноги на ногу.

Через несколько мгновений из вымощенного гладкой плиткой коридора донеслось шлепанье сандалий. Оттуда показался тощий человек с опрятно остриженной головой, оде-

тый в чистую белую тогу. Ромулу показалось, что он раздражен. Да и понятно – было не принято беспокоить высших представителей правящего класса Рима в это время дня.

– Ну! – повелительно произнес скрипучий голос.

– Письмо для Красса, господин, – отозвался Ромул, протягивая свиток.

Домоправитель с отвращением взглянул на изрядно запачканный пергамен.

– Вид такой, будто ты выудил его из сточной канавы, – фыркнул он.

– Малость запачкался по дороге, господин. – Ромул устался в пол, чтобы не было видно хмурого выражения его лица.

– Кто твой хозяин?

– Гемелл, торговец. С Авентина.

– Ты сказал, Гемелл?

– Да, господин.

Теперь домоправитель задумался, оставлять мальчишку здесь или выставить за дверь. Красс имел дело с бесчисленным количеством людей, и купцы, чья деятельность приводила в движение колеса всей хозяйственной жизни, занимали среди них не последнее место. Чуть ли не каждый из купцов был должником Красса. А в отношении тех, кто еще не задолжал ему, Красс шел на любые меры, чтобы так или иначе привязать к себе и подчинить всех, с кем те имели дело, и в конце концов добивался своего. Не исключено, что и эта

записка может принести какую-то пользу.

– Жди здесь.

Раб удалился, держа свиток в отставленной в сторону руке.

– Женоподобный дурень! Считает себя важной шишкой, – сердито проворчал привратник, ерзая на скамейке. За спиной у него лежали меч, копьё и тонкая кошма. Судя по всему, он жил и спал в этом крохотном закутке, точно так же как Юба.

Почувствовав себя немного спокойнее, Ромул осмотрелся по сторонам. Полы коридоров, разбегавшихся от входа в разные стороны, были вымощены плитками из отполированного зеленого мрамора. У стен возвышались статуи богов, изваянные с великим искусством. Все это служило демонстрацией немыслимо большого богатства. Гемелл жил очень обеспеченно, но рядом с этим его недостаток сразу мерк.

Каким образом Красс добывал деньги, было известно всем. В эпоху правления Суллы он разбогател, так как внимательно следил за казнями аристократов, включенных в проскрипционные списки⁷, и дешево скупал конфискован-

⁷ *Проскрипции* – в Древнем Риме списки лиц, объявленных вне закона. За выдачу или убийство включенного в списки назначалась награда (даже рабу), за укрывательство – казнь. Имущество проскрибинированного подвергалось конфискации, потомки лишались почетных прав и состояния. Первым применил проскрипции как орудие массового политического террора диктатор Сулла в 82–81 гг. до н. э.; его приближенные использовали их также для сведения личных счетов и как средство обогащения.

ное у них имущество. Другие методы отличались такой же неразборчивостью. Поскольку дома в Риме были в основном деревянными, здесь часто случались пожары, опустошавшие большие площади. Стоило вспыхнуть огню, как туда являлся Красс во главе своей частной пожарной команды и отказывался тушить пожар и спасти имущество до тех пор, пока хозяева горящих жилищ не пообещают продать ему место за бесценок. Он застраивал выгоревший участок, а затем продавал его, получая огромную прибыль. Всадники восхищались его безжалостным хищничеством, а простые граждане его презирали. Ходили слухи, что ночные пожары происходят не случайно, но доходы от них тем не менее регулярно поступали в казну Красса. Кроме накопления богатства, у него была еще лишь одна цель в жизни: стать вождем республики. Для этого Крассу требовалась широкая народная поддержка. В Риме ее наилучшим залогом служили военные успехи, а потому он решил внести свой вклад в расширение границ республики и однажды сделался проконсулом Сирии. На его беду, этой же должности домогался и куда более популярный Помпей.

Стены атриума были гладко оштукатурены и расписаны. Никогда не забывавший о своем презренном положении, мальчик рассматривал окружающее, не сходя с места, лишь вертел головой. На одной стене ярко освещенного помещения были изображены охотничьи сцены, а на других – сам Красс, ведущий войско в бой. Когда привратник заговорил,

Ромул аж подпрыгнул от неожиданности.

– Здесь господин побеждает Спартака.

История гладиатора-фракийца, выступившего с оружием в руках против республики, была известна всем и каждому. Восстание рабов оказалось самой страшной угрозой для Рима со времен Ганнибала – за сто пятьдесят лет до того.

Ромул открыл было рот, чтобы ответить, но тут же закрыл его, заметив низкорослого человека с каштановыми волосами и не улыбаемым круглым лицом. Это был аристократ лет тридцати с небольшим, облаченный в тогу из прекрасной ткани. Его безразличный взгляд лишь мельком скользнул по рабам.

Ромул выждал, пока он не скрылся за дверью, ведущей в коридор. Все рабы с детства знали, что внимание к себе привлекать не следует.

– Того самого Спартака Грека? – Ромул еще совсем маленьким услышал историю о Спартаке и с тех пор поклонялся, как богу, человеку, который пошел поперек всех законов и правил, чтобы избавиться от своих цепей. Этот пример пробуждал в нем надежду, неиссякаемо питал его собственную мечту об обретении свободы. Об этой мечте не знал никто, кроме Юбы.

Великан-привратник вздохнул:

– Какой был вождь...

У Ромула захватило дух.

– Ты знал Спартака?

– Тише! Смерти моей хочешь?

Ромул осторожно почти вплотную приблизился к рабу, на татуированное лицо которого вдруг набежало выражение глубокой печали. Он долго молчал, а потом заговорил шепотом:

– Я был в Капуе в тот самый день, когда Спартак зарубил ланисту. Одного гладиатора изранили, и он не мог больше биться. Тогда Фламиний стал бить его смертным боем, он был скор на расправу.

Ромул даже не дышал, чтобы не упустить ни звука.

– Спартак смотрел, смотрел и вдруг молча подошел к Фламинию. И одним ударом снес мерзавцу голову. А потом как крикнет: «Кто со мной?!» Первым подошел Крикс. – Голос богатыря был исполнен гордости. – А потом и мы все.

– Но ведь восстание продолжалось долго, правда?

– Больше двух лет. Мы вышибали дух из всех римских армий, которые посылали против нас.

– Мне рассказывали, что вы пошли на север...

– Мы хотели уйти к галлам. – Губы привратника растянулись в задумчивой улыбке. – Спартак хотел покинуть Италию. А потом Крикс сбил его с панталыку разговорами о свержении республики, и дела пошли все хуже и хуже.

– И Красс заставил вас вернуться на юг. – Опять же все знали, что мятежников оттеснили на пустынный выступ на самом юге Итальянского полуострова и попытались запереть там, выстроив защитный вал.

– И все же нас не разбили! – отозвался привратник. – Мы вырвались оттуда и дошли до Брундизия. – Именно там Красс разгромил армию рабов.

– Я думал, что всех пленных... – Ромул не договорил. Судьба захваченных участников восстания, до сих пор обсуждавшаяся в городе, надолго угасила надежды многочисленных рабов Рима.

– ...Распяли. – Великан печально кивнул, на его глаза вернулись слезы. – Бедняги... По сторонам Аппиевой дороги. От самой Капуи до Рима. Шесть тысяч человек. Красс решил, что таким образом сможет вернуть себе славу, присвоенную Помпеем Великим.

Лишь много позже стало известно, что Помпей расправился лишь с парой тысяч рабов, отделившихся от главного войска. Но, будучи непревзойденным мастером интриги, он вовремя отправил в Сенат донесение, в котором сообщил, что геройски покончил с восстанием. Его хитрость удалась, и он был вознагражден триумфом. Узнав об этом, Красс, которого от злости чуть удар не хватил, распорядился распять всех пленников по обочинам главной дороги республики – в качестве чудовищного доказательства своей решающей роли в спасении Рима. Рассказывали, что тогда в небе несколько недель было темно от стервятников и воронья.

Ромул наконец-то разглядел на щеке раба широкий шрам, тянувшийся до самой шеи.

Словно в ответ, привратник поморщился и поскреб паль-

цами багровую полосу.

– Заработал как раз накануне последней битвы. Кое-кто из нас тогда дал тягу – и сам Спартак нас на это благословил, ясно? Хотя лучше бы нам тогда остаться. Погибли бы как мужчины.

– И Красс об этом знает?

– А ты как думаешь? – повысил голос привратник.

– Но как же ты оказался здесь?

Мужчина печально пожал плечами:

– С год я был в бегах, а потом по пьяни зарезал одного горожанина. Меня снова схватили и продали в гладиаторскую школу в Риме. Красс увидел, как я сражаюсь, и купил меня.

– По крайней мере, жив.

– А чем такая жизнь лучше смерти? – Плечищи привратника вдруг поникли.

Тут разговор прервало появление домоправителя. Он брюзгливо скривился:

– Что, Пертинакс опять рассказывает басни? Не верь ни единому слову! – Он протянул Ромулу свернутый пергамен. – Сам увидишь, что скажет твой хозяин, когда получит это!

– Благодарю тебя, господин.

– Выпусти мальчишку.

Пертинакс поспешно выполнил приказ, Ромул выскочил на улицу, и дверь сразу же захлопнулась, чуть не стукнув его по пяткам.

Обуреваемый разными мыслями, он шел обратно, крепко зажав в кулаке ответ на хозяйское письмо. Кто бы мог подумать, что он окажется в доме самого богатого из аристократов Рима? И встретится там с самым настоящим сподвижником Спартака! Пусть управитель смеялся, но так, как говорил Пертинакс, выдумки не рассказывают. Ромул не мог дожидаться возвращения домой, чтобы рассказать о случившемся Фабиоле и Юбе. Но прежде нужно было проникнуть в дом Гемелла так, чтобы громилы не задержали его. Мальчик усмехнулся – эта задача была ему вполне по зубам.

Немного не дойдя до последнего перекрестка возле дома, Ромул услышал громкое и совершенно немзыкальное пение. Народу на улице оказалось гораздо больше, чем обычно; это могло означать все что угодно, в том числе и какую-то серьезную неприятность. Но ему непременно нужно было как можно скорее оказаться дома. Поэтому он свернул в переулок, чтобы обогнуть место, откуда неслись громкие выкрики.

– Кто просится на восток? – гремел мужской голос.

– Помпей! – послышался отклик.

Ромул приостановился, чтобы послушать. Похоже, это Клодий снова взялся за свои обычные штучки. Предводитель коллегий уже некоторое время изводил оскорбительными нападками Помпея.

– А кто достоин отправиться туда?

– Красс! – ответил на вопрос подстрекателя целый хор го-

лосов.

Ромул поспешил дальше, невольно вспомнив жалобы Гемелла насчет того, что снисходительность к обнаглевшей черни – один из признаков упадка республики.

Ну а одурачить пару громил, карауливших возле дома, оказалось проще простого. Ромулу пришлось лишь дожидаться первой же повозки, проезжавшей по улице. Прячась за нею, он миновал наблюдателей, через мгновение оказался возле самых дверей и принялся изо всех сил барабанить кулаками. Увидев его, караульщики с громкой бранью кинулись к нему, вытаскивая на бегу мечи из ножен. Но гонца ждали в доме: дверь тут же отворилась, и на пороге появился Юба с блестящим на солнце обнаженным клинком.

Мало кто решился бы в здравом уме напасть на богатыря-нубийца.

Вот и эти двое остановились, и Ромул, а следом за ним и его друг скрылись за дверью. Впрочем, задерживаться Ромул не стал: важнее всего сейчас было доставить хозяину ответ Красса. Благодарно улыбнувшись привратнику, он кинулся искать Гемелла.

Услышав голоса, он направился через таблинум, по многолетней привычке ступая по мозаичному полу на цыпочках. В саду разговаривали; из-за статуи, находившейся возле самой двери, Ромул отчетливо слышал каждое слово. Близнецы давно усвоили, что, подслушивая разговоры Гемелла, можно узнать много интересного. Именно так им удалось

немало разведать о его темных торговых проделках. И хотя далеко не все услышанное было Ромулу понятно, он использовал любую возможность, чтобы побольше выяснить о мире, лежавшем за высокими стенами.

Торговец вел разговор со своим письмоводителем. Из всех рабов Гемелл доверял только Сервилию, тощему лысоватому египтянину с выпученными глазами. Сервилия, небезуспешно прилагавшего все силы для того, чтобы сбересть и преумножить хозяйские деньги, остальные рабы презирали – никто не мог понять его неколебимой преданности хозяину.

– Продолжай. – Голос Гемелла прозвучал на удивление добродушно.

Сервилий откашлялся:

– Мой двоюродный брат из Александрии в последнем письме сообщил, что у него есть возможность для выгодной сделки. Очень выгодной. – Он немного помолчал. – Но, видишь ли, хозяин, она не лишена риска.

– В наше время все рискованно, – проворчал купец. – Давай дальше.

– Менес сговорился с финикийским бестиарием по имени Гиеро, – начал рассказывать Сервилий. – Тот предлагает устроить экспедицию далеко на юг, к самым истокам Нила. Там можно изловить множество зверей для игр на арене.

Ромул явственно чувствовал заинтересованность Гемелла и пригнулся пониже, чтобы не пропустить ни слова. Ра-

бота бестиариев, звероловов, была крайне опасна и казалась мальчику очень привлекательной.

– Львы, леопарды, слоны, – бойко перечислял письмоводитель, – антилопы и немыслимые звери с длинными ногами и шеями. Бестиарии клянутся, что могут изловить даже огромное броненосное чудовище со смертоносным рогом на носу.

– И что, Менес предлагает вложить туда деньги?

Сервилий деликатно кашлянул:

– Господин, он сам намерен финансировать экспедицию на две трети.

– Каждый зверь пойдет на вес золота! – воскликнул Гемелл после недолгого молчания. Поставка диких животных для гладиаторских боев быстро превратилась в один из самых доходных видов торговли, какие знал Рим.

– Я подумал, господин, что это может представлять для тебя интерес.

– Сколько еще денег нужно Гиеро?

– Одна треть, – сказал Сервилий, набрав перед этим полную грудь воздуха, – должна составить сто двадцать тысяч сестерциев.

Ромул даже рот открыл. Такой кучи денег он и представить себе не мог.

– Клянусь грудями Фортуны! – сердито воскликнул Гемелл. – Где же я сейчас раздобуду такой кредит? Я и так уже по уши в долгах.

– А если у Красса, господин?

Напуганный прозвучавшим именем и ошарашенный хозяйскими проблемами, Ромул вздрогнул. Он и понятия не имел, что у купца трудности с деньгами. И тут же он услышал чьи-то шаги в коридоре, возможно, это был кухонный раб с холодным питьем для хозяина. Нельзя было допустить, чтобы его поймали за подслушиванием, а потому он выпрямился и вышел в сад, стараясь ступать как можно громче.

Когда Гемелл увидел, кто пришел, его лицо помрачнело еще сильнее. Сервилий поспешно уткнулся в свой гроссбук, громадный том, куда в подробностях записывались все финансовые операции купца.

– Почему так долго? – рявкнул Гемелл, взглянув на солнечные часы. – Два часа!

Не решившись ответить, Ромул протянул хозяину пергамен.

Гемелл молча взгляделся в написанное. Тишину нарушало лишь поскрипывание стилоса письмоводителя.

Ромул ждал, понимая, что его все равно избыют, что бы там ни написал Красс.

Гемелл закрыл глаза, скомкал письмо и швырнул его на пол. Красс соглашался дать ему новый кредит, но требовал за это совсем уж грабительские проценты. А Гемеллу совсем не улыбалось влезать в новое ярмо. Разъяренный, он избил Ромула даже сильнее, чем обычно, но мальчик вынес наказание без единого звука. Неожиданный выход в город и раз-

говор с Пертинаксом стоили того.

Фабиола смотрела из-за кустов, кусая губы, чтобы не заплакать. Если она выдаст себя, Ромулу достанется еще сильнее. Ее ненависть к Гемеллу росла день ото дня. Он не только еженощно насиловал ее мать, но и почти каждый день избивал до синяков ее брата. Лишь страх за судьбу родных удерживал Фабиолу от попытки убить хозяина.

Лишь через два дня, когда синяки уже начали сходить, у Ромула выдалась возможность поговорить с Юбой. А до того всякий раз, когда мальчик приходил к нему, кто-нибудь оказывался рядом.

Гемелл пытался договориться со всеми знакомыми банкирами и ростовщиками, чтобы раздобыть денег для многообещающего предприятия. Ромул подозревал, что как раз для того, которое предложил Сервилий. Но, по-видимому, молва о его долгах уже разошлась по Риму, поскольку визитеры приходили и уходили, сочувственно качая головами. От этого нрав купца сделался еще хуже. Домашние рабы прокрадывались по дому на цыпочках, стараясь не попадаться ему на глаза. В конце концов Гемелл не выдержал такой жизни и отправился в Лупанарий, свой излюбленный публичный дом. Письмоводитель сказал, что его не будет самое меньшее целый день.

Узнав, что хозяин покинул дом, Ромул сразу кинулся к Юбе с деревянным мечом в руках. Нубиец внимательно выслушал его рассказ, уважительно кивая всякий раз при упо-

минании Спартака. А когда он услышал, что Пертинакс сражался вместе с мятежным фракийцем, то удивленно вскинул брови.

– Был бы я постарше, обязательно ушел бы к Спартаку! – горячо воскликнул Ромул. (Он родился через год с лишним после того, как восстание рабов было подавлено.)

Юба стукнул себя в грудь, выразив тем самым согласие.

– Покажи мне еще какие-нибудь удары! Я должен уметь биться как гладиатор.

Нубиец улыбнулся и вышел в коридор. Зная, что Ромул следит за каждым его движением, Юба стал к мальчику впол-оборота, чтобы не дать противнику возможность для удара, поднял меч на уровень пояса, прикрывая грудь, и знаком предложил мальчику сделать то же самое. Они стояли друг против друга, повторяя одни и те же движения, пока Юба не счел, что все хорошо.

– Закрыться. Выпад. Отступить, – бормотал мальчик. – Закрыться. Выпад. Отступить.

Затем Юба взял из своего заутка щит. Ромул просунул руку в петли из отполированной за много лет кожи и почувствовал на руке непривычную тяжесть. Нубиец показал ему, как прикрывать грудь и лицо, держа оружие наготове, для того чтобы при первой же возможности нанести удар.

После нескольких повторений они приступили к упражнениям в движении. Юба старался не слишком сильно бить своим железным мечом по деревянному оружию Ромула.

Удары мечей сухим эхом разносились по залу, и скоро на звук пришла Фабиола.

– А вдруг вас поймает хозяин? – Ее лицо выражало самую искреннюю озабоченность. – Ромул, прекрати. Я все скажу матери!

– Уходи! Я учусь драться, как Спартак!

Сестра смотрела на него со смешанным чувством гордости и страха.

– Прошу, прекратите! Это слишком опасно!

Внезапно Ромул представил, как ударяет Гемелла настоящим мечом по загривку, и с удвоенной энергией атаковал Юбу. Тот отступил, его эбеново-черное лицо расплылось в широкой улыбке.

Так уж вышло, но этот урок у нубийца стал для Ромула последним.

Когда они закончили, мальчик вернулся в каморку, где жил с матерью и сестрой, охваченный восхищением. Его голову переполняли мечты о том, как он убивает Гемелла и освобождает рабов; они вдохновляли и пугали его одновременно.

Покончив с дневными делами, Вельвинна еще раз выслушала рассказ сына о встрече с Пертинаксом.

– Будь осторожен, Ромул, – сказала она, стараясь, чтобы голос не выдал ее гордости за сына. – Никто не должен видеть тебя с мечом, особенно Сервилий. Гемелл такого не потерпит.

– Не бойся, мама. – Как только Вельвинна прикрыла плечи сына одеялом, его веки сами собой закрылись от усталости. – Никто не знает.

Он сразу заснул и во сне видел себя воином армии Спартака.

На следующее утро Ромул проснулся от грубого прикосновения холодного железа к своим запястьям. Ничего не понимая спросонок, он с изумлением обнаружил, что скован тонкой цепью. Мальчик рывком сел, окинул взглядом комнату, и его первоначальный испуг сразу же сменился ужасом. Мать и Фабиола неподвижно лежали в кроватях, молча глядя на Гемелла.

Купец стоял в двери, а рядом с ним возвышались два крепких кухонных раба, Анкий и Соссий. Ни один, ни второй не смотрели Ромулу в глаза. Большинство обитателей дома знали его с младенческого возраста.

– Мечом машешь под моим кровом, мерзкий выблядок?! – злобно выкрикнул Гемелл. – Хочешь меня во сне зарезать?! Слишком долго я вам потакал! Таким, как ты, место в школе гладиаторов. Сегодня же! – Его губы скривились в злорадной ухмылке. – Там-то тебя научат драться.

Ромул понял, что его жизни домашнего раба наступил конец.

– Нет! Господин, умоляю! – Вельвинна выскочила из постели и кинулась к ногам Гемелла.

Фабиола села и испуганно смотрела на происходящее. А происходило именно то, чего она так боялась.

– Заткнись, сука! – проревел Гемелл и дернул Вельвинну за волосы. Она вскрикнула от боли, а купец ударил ее по лицу тыльной стороной ладони. Женщина отлетела на свою кровать и замерла, всхлипывая.

– Взять его. – Гемелл ткнул пальцем в сторону мальчика. Цепь, которой во сне сковали руки Ромула, была длиной в несколько футов. Анкий сильным рывком выдернул мальчика из постели, и тот упал на пол.

Из глаз Фабиолы хлынули слезы.

– Сынок! – отчаянно крикнула Вельвинна.

– Хватит, шлюха. Больше ты его не увидишь! – рыкнул Гемелл. – А потом я вернусь за его сестрой.

– Не бойся, мама. – Слова были совсем пустыми, но Ромул просто не знал, что еще сказать.

Вельвинна завопила еще отчаяннее. Все хорошо знали, что значило попасть в школу гладиаторов.

– Пошли. Я не могу больше слушать этот вой. – Гемелл повернулся и зашагал прочь из комнаты. Рабы с Ромулом двинулись за ним.

– Это не я донесла на тебя! – неистово выкрикнула Фабиола. – Ромул!

– Позаботься о маме!

Когда Ромул открыл рот, чтобы крикнуть что-то еще, Соссий по знаку Гемелла повернулся и захлопнул дверь.

И все же приглушенные рыдания доносились до Ромула, которого, в одной набедренной повязке, тащили по коридору. Ромул знал, что Фабиола сказала правду. Слишком уж они были близки. Кто-то увидел, как он упражнялся с Юбой, и донес, чтобы заслужить расположение хозяина. Сервилий?

У рабов в жизни не было выбора, хозяева могли продавать и покупать их как заблагорассудится. Но Ромул никогда не представлял себе, что можно жить вне власти Гемелла, — он просто не знал другой жизни. И сейчас им одновременно владели страх и восторг. Хотя возможность стать бойцом восхищала его, он сознавал, что никогда больше не увидит родных. Ромул оглянулся в последний раз. Рыдания Вельвинны разрывали ему сердце, он нещадно корил себя за то, что они с Юбой были недостаточно осторожны. А мужчина, державший в руке цепь, был вдвое крупнее его.

В кухне частенько рассказывали истории о знаменитых гладиаторах, которые дрались на арене с варварами и дикими зверями. Ромул всегда восторженно слушал эти рассказы, но ему никогда не выпадало случая попасть в гладиаторскую школу и увидеть, что там на самом деле. В какой-то миг его сердце забилось чаще: мальчика захлестнули мысли о том, как он станет народным героем.

Словно почувствовав это, Гемелл отвесил ему подзатыльник.

— Такой щенок, как ты, сдохнет там через месяц.

Сердце Ромула екнуло. Конечно! Разве у него, тринадца-

тилетнего мальчишки, был хоть один шанс выстоять против профессиональных гладиаторов?

– Так что тебе придется очень постараться, чтобы доказать, что заслуживаешь жизни.

Они поравнялись с альковом возле входной двери. Ромул с тревогой заметил, что нубийца нет на его обычном месте.

– Думаешь, я потерплю в своем доме того, кто учит рабов драться! – хохотнул Гемелл. – Негодяя уже ведут на Марсово поле.

Мальчик, не понимая, уставился на хозяина.

– Его распнут на кресте.

Ромул рванулся к Гемеллу, его глаза полыхали яростью.

Анкий резко дернул за цепь, предупредив нападение. Ромул споткнулся и рухнул на пол, в последний момент успев сообразить, что Юбу он никак не сможет спасти.

Гемелл пнул его в живот.

– Родился рабом! – Еще один пинок. – Рабом и подохнешь. Поднимайся.

Дверь распахнулась, и купец вывалился наружу. Остальные за ним. На них никто не обращал внимания. Рабов частенько выводили в город в цепях.

Ромул не запомнил тот переход по улицам. У него кружилась голова, а душа была полна тоски и чувства вины перед Юбой, который был виновен лишь в том, что показал ему, как держать меч. А теперь умрет из-за него. Из-за него продадут Фабиолу. А что станет с его матерью? И как долго

он протянет в жестоком мире арены?

За одну ночь оказались сломаны четыре жизни. Ромул сморгнул слезы.

«Нельзя показывать этому негодяю свою слабость. Нужно быть сильным, как Фабиола. — Он глубоко вздохнул и заставил себя собраться с мыслями. — Юпитер, помоги мне! И моим родным».

К тому времени, когда Гемелл подошел к железным воротам, Ромулу удалось более-менее взять себя в руки. Хотя глаза его были красны от слез, он расправил плечи и твердо решил, что будет мужественным, несмотря ни на что.

Возле ворот он увидел каменную плиту, на которой было выбито два слова. Хотя мальчик не умел читать, эти слова были ему известны. Лудус магнус, Большая школа, крупнейшая из четырех гладиаторских школ Рима, откуда Милон набирал людей в свои банды.

У ворот с непокрытой головой стоял страж, одетый в видавшую виды кольчугу длиной до середины бедра. За спиной у него Ромул увидел прислоненное к стене копье. На поясе у мужчины в боевой готовности находился короткий остроконечный меч, а к левой руке был прикреплен крепкий прямоугольный щит со странной эмблемой.

— Сообщи, зачем пришел.

— Хочу продать это отродье Мемору.

Страж оглядел Ромула с головы до пят.

— Тебе не кажется, что он слишком молод?

– Не твое дело! – рявкнул Гемелл. – Ну-ка,пусти нас!

Страж с недовольным видом приоткрыл ближнюю створку ровно настолько, чтобы можно было протиснуться. Как только Гемелл и три раба вошли, ворота за ними с грохотом захлопнулись.

От этого звука, отрезавшего его от прошлого, сердце Ромула учащенно забилося. Многие из обитателей школы были преступниками, наверно, и часовой тоже. Для большинства попасть в лудус означало то же самое, что и смертный приговор; только лучшим из лучших удавалось выжить здесь больше года-двух. Мальчик понимал, что его мечты о славе просто смехотворны, но все равно испытывал возбуждение.

Гемелл направился по короткому коридору прямо на тренировочную арену. Внутри большого двухэтажного здания помещался целый мир, в том числе и просторная площадка. Сейчас она была полна гладиаторов, которые отрабатывали движения и сражались друг с другом.

Ромул восхищенно уставился на них. Ближе всех находилась классическая пара – ретиарий против секутора.

– Вот и ты станешь рыбаком. – Гемелл ткнул пальцем в сторону мужчины в набедренной повязке, вооруженного только трезубцем. Ретиарий размахивал сетью из толстой веревки, пытаясь улучшить момент, чтобы бросить ее. – Самые никчемные бойцы. Корм для хищников! – Он говорил так, словно плевал Ромулу в лицо.

Секутор вел себя очень осторожно, заслонялся высоко

поднятым овальным щитом и держал в правой руке наготове короткий деревянный меч. Ромул успел заметить и шлем, закрывавший лицо, и поножи на левой руке, и кожаные ремни на правой. Воин казался защищенным как-то односторонне. Но у его соперника доспехов вообще почти не было, лишь наплечник на правой руке.

Вдруг охотник начал метаться из стороны в сторону. Вот он резко подался вправо, затем влево. Но рыбак все же уловил подходящий миг и метнул сеть. Секутор запутался в ячейках и упал. В мгновение ока ретиарий оказался над ним и прикоснулся деревянным трезубцем к горлу лежавшего. Победенный гладиатор вскинул руку с поднятым указательным пальцем – знак того, что он просит пощады. Ретиарий, смеясь, помог ему подняться на ноги, и они продолжили упражнение.

Ромул почувствовал, что в нем возрождается надежда. А купец, как он заметил, поморщился, увидев, что поединок закончился не так, как он предполагал.

Гемелл шел к дальней стороне тренировочной арены, где стоял толстый деревянный столб, возле которого упражнялись еще несколько гладиаторов.

– Палус, – чуть слышно прошептал Анкий. – Если выберешь бои с мечом, будешь заниматься здесь.

Ромул обвел взглядом обоих кухонных рабов. Ни один, ни другой не решались смотреть ему в лицо, но он не испытывал к ним злости. Попытались бы Анкий и Соссий не выполнить

приказ хозяина – сразу же отправились бы вслед за Юбой умирать на крестах на Марсовом поле.

Неподалеку от палуса стоял невысокий пожилой мужчина в дорогой тунике. Длинные, тронутые сединой волосы совершенно не вязались с морщинистой смуглой кожей. Рядом с ним стоял еще один человек, покрупнее, с кнутом в руке. Увидев Гемелла, ланиста перестал выкрикивать приказы.

– Гемелл! Никак не ожидал тебя здесь увидеть. – Он окинул Ромула оценивающим взглядом.

Купец вытолкнул мальчика вперед:

– Сколько ты дашь за него?

– Мне нужны мужчины, а не дети.

Надсмотрщик ухмыльнулся беззубым ртом.

– Ты только посмотри, какой крупный, – возразил Гемелл. – А ведь ему всего тринадцать!

Холодный взгляд снова прошелся по Ромулу.

– Можешь драться с оружием?

Ромул не отвел взгляда. Чтобы получить шанс выжить, он не должен выказывать страх. Он кивнул.

– Как раз за это я и привел пащенка к тебе, – вмешался купец.

Мемор потер поросший щетиной подбородок:

– Тысяча сестерциев.

Гемелл рассмеялся:

– За него на рынке рабов и то больше дадут. Он стоит втрое больше. Ты на его мускулы посмотри!

– Ладно, Гемелл, у меня нынче утром хорошее настроение. Пятнадцать сотен.
– Двадцать пять.
– Зря тратишь время.
– Две тысячи. – В глазах купца все еще угадывалась надежда.

– Восемнадцать сотен. И ни сестерцием больше.
Гемеллу оставалось лишь согласиться. Все равно это было больше, чем ему удалось бы выручить за Ромула на рынке.
– Хорошо.

Мемор щелкнул пальцами.

Неведомо откуда возник тощий человечек в грязной тунике. В обеих руках с перепачканными чернилами пальцами он держал по мешку с деньгами.

Ланиста отсчитывал монеты тщательно, по-видимому гордясь тем, что имеет такую возможность. Покончив с этим делом, он протянул кошель Гемеллу.

– Бей его почаше, – сказал купец. – По-другому он не понимает.

– Господин, что будет с моей сестрой? – молящим голосом спросил Ромул.

Купец осклабился:

– Эту сучку я продам в публичный дом. Дыра у нее нетронутая, и за нее хорошо заплатят. А что касается этой шлюхи, вашей матери... посмотрим, что за нее предложит надсмотрщик на шахтах.

Ромул взглянул на своего бывшего хозяина, уже не скрывая ненависти.

«Когда-нибудь я убью тебя. Медленно и мучительно».

К изумлению мальчика, Гемелл отвел взгляд и без единого слова повернулся и пошел к выходу. Но Ромулу не дали времени насладиться этой маленькой победой. Твердые пальцы крепко взяли его за подбородок.

– Теперь ты мой. – Пересеченное несколькими старыми шрамами лицо Мемора оказалось пугающе близко к мальчику. Запах дешевого вина чуть не сшибал с ног. – В Большой школе мужчины учатся умирать. До самого конца жизни все эти бойцы будут твоей новой семьей. С ними ты будешь упражняться. Жрать. Спать. И срать. Понял?

– Да.

– Будешь вовремя делать то, что я скажу, обойдемся без битья, которым тебя пугал этот жирный поганец. – Мемор угрожающе выпятил челюсть. – Не будешь делать – и, клянусь Геркулесом, ты об этом пожалеешь. Я умею мучить так, как другим и в голову не придет.

Ромул заставил себя не отвести взгляд.

– Перед всеми, кто тут есть, принеси клятву гладиатора!

Эти слова Мемор оглушительно проревел, и все бойцы на арене сразу же остановились. Каждый из них прошел в свое время через этот ритуал.

– Ты клянешься выдержать кнут? Клеймящее железо? Ты клянешься принять смерть от меча?

Ромул сглотнул подступивший к горлу комок. Но его голос прозвучал твердо.

– Клянусь.

Суровые лица смотревших на него людей сделались мягче. По крайней мере, смелости новичку, похоже, было не занимать.

– Поставь парню клеймо и сбей цепи, – приказал Мемор грамотею. – Дай ему одеяло и отыщи место, где спать. А потом живо приведешь его ко мне!

– Пошли, малый. – В голосе не слышалось угрозы. – Железо целует не так уж больно.

Ромул украдкой обвел взглядом земляную тренировочную арену и мощные каменные стены школы. Хочется или нет, но теперь это его дом. А выживет он или умрет, знают одни лишь боги. Высоко подняв голову, он последовал за тощим письмоводителем.

Глава VI

Большая школа

Бычий форум, Рим, 56 г. до н. э.

– Бренн! Бренн! Бренн! – оглушительно кричали на трибунах.

Галл стоял над поверженным соперником, слушая знакомый шум. Уже пять с лишним лет светловолосый воин был одним из самых могучих гладиаторов, каких только видел Рим. Публика любила его.

Песчаный круг внутри сборных деревянных трибун заливало ласковое послеполуденное солнце. Утром рабы привели песок в идеальный порядок, и он обрел густо-золотой цвет. Но за час жестоких боев арену изрыли ногами. Вокругtrupов бойцов растекались кровавые пятна. Стонали и кричали раненые.

Близился конец весны, и горожане казались счастливыми. Всеобщее внимание было приковано к происходившему на арене сражению между двумя группами гладиаторов. Впрочем, все его участники были уже убиты или покалечены – за исключением могучих воинов, возглавлявших каждую группу.

Такие бои ланисты, владельцы римских школ гладиаторов, устраивали регулярно, поскольку это зрелище неизменно привлекало массу зрителей. Если побоищем желали полюбоваться богатые и знатные зрители, им предлагался богатейший выбор видов боя и его оформления, хоть простые поединки один на один, хоть массовые сражения в специально сшитых на этот случай одеяниях. Все определялось толщиной кошелька эдителя – лица, финансировавшего игры, – и тем, какие требования к их зрелищности были выдвинуты.

Противоборства между Нарциссом и Бренном публика и даже сами ланисты ждали давно. Уже спустя несколько месяцев после прибытия в Рим огромный галл одолел всех известных гладиаторов. А потом зрелище того, как Бренн разделяется со слабыми противниками, утратило свою новизну. Бои должны были тянуться определенное время и производить на толпу впечатление искусством и стойкостью соперников. И Мемор резко ограничил количество выходов Бренна, несмотря даже на то что публика вновь и вновь требовала его появления.

Нынче спонсор пожелал настоящего качества и особо потребовал участия галла. Ланисте пришлось затратить немало сил и времени на поиски достойного для него противника. Наконец он отыскал на Сицилии грека Нарцисса, непревзойденного мирмиллона, пользовавшегося такой же славой, как и Бренн.

Бой обещал быть поразительным. Галл против грека.

Мощь против искусства. Дикость против цивилизации.

На трибунах не было ни единого свободного места.

А сейчас Нарцисс лежал на спине, открыв незащищенную грудь, и с болезненным хрипом втягивал воздух сквозь помятое забрало. Рыба, украшавшая гребень его бронзового шлема, раскололась надвое, половины же вмялись в металл шлема. Выбитый из руки меч лежал в десяти футах, вне пределов досягаемости.

Поединок продлился недолго. Бренн неожиданно толкнул мирмиллона плечом, заставив его пошатнуться. В то же мгновение галл наотмашь ударил щитом, сломав Нарциссу несколько ребер и заставив его рухнуть на колени. Потом ударом меча Бренн разрубил греку правое плечо до манике, наручи из толстых кожаных ремней, защищавших правую руку. Нарцисс выронил оружие и рухнул на песок с громким криком боли.

Бренн, уверенный в своей победе, остановился. Ему совершенно не хотелось убивать еще одного соперника. Он воздел обе руки над головой, и амфитеатр наполнился восторженными криками зрителей. Римляне любили Бренна и готовы были простить ему даже слишком быструю победу.

Но Нарцисс не был сломлен. Совершенно неожиданно он извлек из-под манике кинжал и, поднявшись, устремился на галла. Бренн легко уклонился, а потом резко извернулся и обрушил удар железного ребра своего щита на тонкое забрало шлема противника, изувечив ему лицо. Мирмиллон вновь

рухнул и на сей раз действительно лишился чувств.

Бренн посмотрел на аристократов, одетых в белые тоги. Они укрывались от солнца под велариумом, полотняным навесом, воздвигнутым по приказу эдителя этих игр. Юлий Цезарь был одет в роскошную тогу с пурпурной каймой, его окружали последователи и почитатели. Он чуть заметно кивнул, и амфитеатр застонал, предвкушая следующее развлечение.

Галл вздохнул, решив про себя, что, по крайней мере, подарит Нарциссу быструю и безболезненную смерть, и подтолкнул мирмиллона ногой.

Нарцисс открыл глаза и с трудом поднял левую руку. Медленно выпрямил указательный палец.

Просьба о пощаде.

Зрители разразились неодобрительным, совершенно звериным ревом.

Цезарь поднялся и, окинув арену взглядом, повелительно вскинул руки. Мало-помалу зрители замечали его, и крики со свистом смолкали. На Бычьем форуме воцарилась непривычная тишина. Деревянные трибуны, сколоченные специально по этому случаю, были переполнены беднейшими плебеями, торговцами и патрициями, которых Юлий Цезарь называл своими друзьями.

Все ждали, повинуюсь жесту величайшего из римских военных гениев последней эпохи. Преступив закон, запрещающий полководцам со своими войсками входить в город, Це-

зарь только что вернулся из своей победоносной кампании против гельветов и белгов. Однако, хотя победы и обеспечили Цезарю симпатии народа, за несколько месяцев отсутствия он вынужден был расплатиться своей популярностью. Несмотря на непрерывные труды его друзей и союзников, Цезарю самому приходилось прилагать немало усилий, чтобы восстановить свое влияние в городе. Этот визит в Рим был предпринят им для того, чтобы возобновить отношения с политиками, показаться народу и вернуть себе его любовь.

По старинному обычаю гладиаторские игры устраивали только по случаю смерти какого-нибудь богатого и знаменитого римлянина. Но эта забава пользовалась такой популярностью, что в последние тридцать лет политики и соискатели важных должностей старались устраивать их как можно чаще, по поводу и без всякого повода. Чем многочисленнее и величественнее были состязания, тем настоятельнее становилась потребность в устройстве постоянной арены. Помпей, отчаянно стремившийся вернуть себе любовь публики, недавно начал строить на Марсовом поле большую постоянную арену; эта новость чрезвычайно вдохновила Мемора и других ланист.

– Народ Рима! Сегодня был побежден гладиатор, одержавший перед тем более тридцати побед! – Цезарь сделал выдержанную в лучших театральных традициях паузу, и народ разразился криками одобрения. Было ясно, что и выбор бойца, и власть над огромной толпой зрителей доставляли Це-

зарю большое удовольствие. – Кто же тот боец, кем был побежден Нарцисс?

– Бренн! Бренн! – Рабы ударили в барабаны, поддерживая ритмом выкрики толпы, скандировавшей имя. – Бренн! Бренн!

Исход мог быть только один.

Мирмиллон слабо пошевелил правой рукой.

– Постарайся, чтобы это было быстро, брат.

Даже вблизи Бренн едва слышал его слова сквозь непрерывный крик и гипнотизирующий стук барабанов.

– Обещаю.

Гладиаторов связывали между собой чуть ли не родственные связи, не менее крепкие, чем существовали между воинами из племени Бренна.

Цезарь вновь воздел руки.

– Должен ли я даровать пощаду неудачнику? – Он устремил взгляд на простертую на песке фигуру человека, который все еще держал вверх руку с поднятым указательным пальцем.

Общий гул прорезали возмущенные крики. Люди, находившиеся на ближайшей к храму Фортуны трибуне, вскинули руки, выразительно указывая вниз большими пальцами. И вот уже все присутствовавшие повторили этот жест.

Цезарь повернулся к своим спутникам:

– Плебс требует награды. – Тонкие губы искривились в усмешке. – Вы желаете, чтобы Нарцисс умер?

На трибунах взвыли от восторга.

Цезарь вновь медленно обвел взглядом арену, чтобы дать напряжению возрасти еще сильнее. Потом он выставил перед собой правую руку, держа отставленный большой палец параллельно земле. И оставался в этой позе столько времени, сколько требовалось сердцу, чтобы совершить несколько неторопливых ударов.

Толпа замерла, затаив дыхание.

В конце концов Цезарь повернул большой палец к земле.

Разразилась буря криков, превосходившая все, что было раньше. Настало время побежденному умереть.

– Встань.

Нарцисс с трудом поднялся на колени. Из раны на правом плече вновь хлынула кровь.

– Сними шлем, – сказал Бренн и добавил, понизив голос: – Удар получится чище. Отправишься прямо в Элизиум.

Стаскивая искореженный шлем, мирмиллон застонал от боли. На месте носа у него оказалось кровавое месиво, скула глубоко провалилась. Эти раны причиняли бойцу невыразимые страдания, зрители же при виде их разразились восторженными криками.

– Тебя не исцелил бы и сам Эскулап, – произнес Бренн.

Нарцисс кивнул и устремил взгляд на Цезаря.

– Идущие на смерть приветствуют тебя, – проговорил он разбитым ртом. Затем грек стукнул себя в грудь сжатым кулаком и вытянул вперед трясущуюся левую руку.

Эдитор кивнул в знак того, что услышал гладиатора.

На Форуме воцарилась тишина.

Бренн решительно шагнул вперед. Свой большой меч он держал обеими руками. Мышцы на его груди и руках вздулись, когда он, стоя вполоборота к жертве, резко взмахнул мечом и качнулся всем телом. Одним ударом он отделил голову Нарцисса от плеч. Вращаясь, она взлетела в воздух и с глухим стуком упала на песок. Из обрубка шеи хлынула кровь, мертвое тело, все еще подергиваясь, рухнуло наземь. Песок сразу вобрал в себя алую жидкость, лишь темное пятно расплывалось вокруг трупa мирмиллона.

Обезумевшая публика ревела.

Цезарь поднял руку:

– Пусть победитель приблизится.

Бренн медленно направился к толпе аристократов. Он старался не слушать восторженные крики толпы. Но устоять перед восхищением и лестью было непросто. Галл был воином и любил сражаться. Сверху полетели монеты, фрукты, даже бурдюк с вином. Он наклонился, поднял мех и сделал большой глоток вина.

Цезарь милостиво улыбался ему сверху.

– Еще одна великая победа, могучий Бренн.

Галл склонил голову, слипшаяся от пота косичка упала ему на обнаженную грудь.

«Это путешествие ты имел в виду, Ультан? Подобно зверю, потешать этих ничтожеств?»

– Ты заслужил награду! – Цезарь поднял тяжелый кожаный кошель и подбросил его в воздух.

– Благодарю тебя, великий Цезарь. – Бренн поклонился ниже, умудрившись при этом поймать на лету мешочек. Окровавленная рука прикинула вес кошелья. Там было полно денег, от этого ему стало еще хуже.

За его спиной на арене появилась фигура, с головы до ног облаченная в черную кожу и с закрытым маской лицом. Человек этот был призван изображать Харона – лодочника, перевозящего души умерших через реку Стикс. Держа в опущенной руке большой молот, он направился к голове Нарцисса. Зрители вновь разразились возбужденными криками. Молот, на котором даже издали можно было рассмотреть следы крови и присохшие волосы, поднялся. Затем перевозчик резко опустил его, расколов череп Нарцисса, как яичную скорлупу. Это служило доказательством того, что мирмиллон на самом деле умер. Греку настала пора отправиться к своему богу Гадесу.

Бренн отвернулся. Он не желал отказываться от веры, что смельчак попадет в Элизиум, рай для воинов. Римский ритуал с участием Харона он считал омерзительным и дал себе слово, что с ним такого не произойдет. А такой выход, как позволить убить себя и тем прекратить пытку жизнью, никак не соответствовал его натуре. В самой глубине души Бренна продолжала тлеть крохотная искорка надежды. Это означало, что он должен и дальше убивать людей, не сделавших

ему ничего плохого, но практичный воин решил, что будет рассматривать игры как защиту собственной жизни.

«Убей, или тебя убьют», – с горечью думал он.

Те времена, когда он охотился с Браком, возлежал с женой, играл со своим крохотным сынишкой, давно уже превратились в отдаленные воспоминания. И подчас казались чем-то нереальным.

Он пытался вызвать в памяти облик Ультана, звучание его голоса. Друид ни словом не обмолвился о том, что его путешествие окажется таким. Нелегко было за пять лет не утратить веру в богов. В Беленуса, которого он с малолетства просил указать верный путь.

О той участи, которая его ждет, Ультан говорил как о чем-то невообразимом. Значит, это не то, что происходит сейчас. Бренн напряг волю, заставив себя не слышать оглушительного шума. Галл еще не знал как, но не сомневался, что обязательно сбежит из плена.

«Я последний из аллоброгов, – напомнил он себе. – Я встречу смерть свободным человеком. С мечом в руке».

– Прилагай больше усилий! – Наставник знал, как раззадорить Ромула. – Представь, что это Гемелл!

Парня поддерживала та ярость, что светилась у него в глазах, когда он только был брошен в школу. Среди рабов, попадавших в школу, Котта повидал множество негодяев, которых нужно было переламявать железной дисциплиной. Но

у Ромула в душе горело обжигающее пламя, питавшееся виной перед Юбой и родными.

Ромул стиснул рукоять и со всей силы врезал по палусу. Деревянные меч и щит были тяжелее настоящих. Удар учебного оружия по столбу отдался в его руке болью.

– Уже на что-то похоже. Так и продолжай. – На лице Котты мелькнула улыбка. – Ночью отдохнешь. – Он отошел к двум другим гладиаторам.

– Закрыться. Выпад. Отступить, – повторял про себя Ромул точно так же, как на занятиях с Юбой всего несколько месяцев тому назад. О нубийце он вспоминал все реже и реже. Тяжелая жизнь в школе выбила из головы Ромула почти все мысли, кроме одной: выжить. Лишь драгоценные воспоминания о матери и Фабиоле он по-прежнему мог вызвать у себя в любой момент. Да еще чувство вины за то, что последний счастливый день обернулся именно так. Не попроси он Юбу поучить его обращаться с мечом, жизнь могла бы пойти совсем по-другому.

Образ Гемелла незаживающим ожогом отпечатался в его душе.

– Жди. Смотри. Обернись. Отмахнись. – Ромул изящно развернулся и рубанул по палусу, представив себе лицо купца, исказившееся в болезненной гримасе после удара меча.

– Хорошо!

Его наставник, в прошлом воин-наемник, родом из Ливии, попал в плен к римлянам пятнадцать лет назад. Военная

выучка помогла ему прожить намного дольше, чем удавалось большинству. В конце концов ливиец заслужил свободу, но остался в Большой школе. Услышав рассказ о последнем бое Котты, Ромул проникся к нему глубочайшим благоговением. Он одолел тогда шестерых, если не больше, противников, продемонстрировав чудеса отваги и выносливости. Диктатор Марий был настолько восхищен увиденным, что тут же провозгласил отважного секутора свободным.

Котта, человек среднего роста, несмотря на то что ему было сорок с лишним лет, сохранил стройность и ловкость. Левая рука у него плохо двигалась с того самого дня, когда он завоевал рудис, деревянный меч, означавший для гладиатора свободу. Его боялись и уважали почти все гладиаторы школы. Даже Мемор время от времени останавливался полюбоваться, как седовласый наставник занимается со своими учениками.

– Ты мне понравился, еще когда тебя клеймили, – сказал Котта. – Большинство визжат под железом, как поросята.

Ромул покосился на красную неровную отметку на своем правом плече. Буквы «LM» удостоверяли, что он является собственностью Большой школы (Ludus Magnus). Боль от прикосновения раскаленного докрасна металла была невыносимой, но ему каким-то образом удалось заставить себя не издать ни звука, невзирая даже на ужасный запах горелой плоти. Как и принесенная перед тем клятва повиновения, эта процедура служила серьезным испытанием на смелость.

– Что-то мне подсказывает, что тебя стоит взять, – одобрительно сказал старый гладиатор. – Что ты можешь оказать-ся лучше обычного отребья.

Ромулу очень повезло, что его выбрал Котта, что его обучали на тяжеловооруженного секутора. Так у него было гораздо больше шансов выжить, чем у жалкого ретиария, кем, вероятнее всего, и должен был стать тринадцатилетний мальчик. Тех, кто попадал в школу, распределяли по разным классам в зависимости от роста, силы и умения обращаться с оружием. В Ромуле мало кто стал бы искать скрытые достоинства. Чтобы подготовить гладиатора, способного выйти на арену и сражаться, требуется несколько месяцев. Он пробормотал короткую молитву Юпитеру, пообещав ему совершить подношение позже, когда вернется в свою каморку.

– Мемор хочет, чтобы через месяц ты был готов. Будет хорошая возможность поупражняться таким вот образом. – Котта ткнул пальцем в сторону группы ретиариев, занимавшихся в дальнем углу двора. – Он, скорее всего, выпустит тебя против рыбака. Причем не новичка. – Наставник подмигнул. – Так было бы слишком просто. Толпу куда больше увлечет схватка новичка-секутора с хитрым старым ретиари-ем.

Ромул с удвоенной энергией набросился на палус, каж-дым ударом выбивая из него щепки. Он замечал, что само-учка-ливиец проводит с ним больше времени, чем с любым другим новичком. Почувствовав в Ромуле тягу к знаниям,

Котта стал регулярно давать ему уроки военной тактики. У Ромула становилось гораздо легче на душе, когда он узнавал подробности славных битв, например при Каннах, где Ганнибал уничтожил восемь римских легионов, или при Фермопилах, где триста спартанцев остановили миллионную армию персов. Рассказывал Котта и о событиях недавних времен, о фантастических победах, которые одержал Цезарь над галльскими племенами. Ромул теперь понимал основы военного дела и знал, каким образом великим полководцам удавалось побеждать многократно превосходившего их врага. Хотя его тело было прочно заключено в стенах школы, мысль, поощряемая уроками Котты, странствовала далеко за ее пределами. Теперь он куда сильнее, чем прежде, стремился к свободе.

– Я буду готов, господин Котта, – пробормотал он. – Клянись тебе.

Старый гладиатор усмехнулся и зашагал дальше, отдавая на ходу приказания другим своим ученикам.

За пять месяцев напряженных тренировок тело Ромула обрело силу, стало мускулистым. Черные волосы отросли, теперь их удерживал тонкий ремешок, оставляя открытым загорелое лицо. Мальчик превратился в красивого юного мужчину. Ростом он уже почти догнал большинство других гладиаторов и был очень быстр, хотя боевого опыта еще не имел.

Когда Котта наконец позволил ему остановиться, Ромулу

казалось, что руки у него вот-вот отвалятся. Он устало уронил щит и побрел к выходу с тренировочной площадки.

По трем сторонам квадратного строения размещались крохотные каморки, где спали бойцы, и жилища наставников, а в четвертой стороне располагались бани, кухни, мертвецкая и оружейная. На втором этаже помещались конторы, лечебница и роскошные апартаменты Мемора. В покоях ланисты мало кто бывал, кроме проституток и богатых посетителей.

Лишь дюжина шагов отделяла арену от крохотной комнатушки, которую Ромул делил с тремя другими гладиаторами. Там помещались лишь кровати и алтарь для поклонения богам. Секст, низкорослый, крепкий неразговорчивый испанец, оказался очень дружелюбным. Лентул, гот с двухлетним боевым опытом, был еще довольно молод. Третьим был Гай, широкоплечий ретиарий, не отличавшийся большим умом; его наивность служила основным предметом разговоров в комнате.

К счастью, соседи Ромула не испытывали влечения к молодым мужчинам, и он со дня своего появления в школе мог спать спокойно. Но по взглядам, которые кидал на него кое-кто из гладиаторов, Ромул понимал, что при подходящем случае они попытаются его изнасиловать. Уже несколько раз ему чудом удавалось избежать подобной участи. Он внимательно следил за тем, чтобы не оказаться в одиночестве в отхожем месте, и всегда носил на поясе острый кинжал. Ме-

мор не разрешал держать в комнатах мечи и другое серьезное оружие, но против ножей не возражал. Ланисту охраняли лучники, и ножи не представляли для него опасности.

По стенам полутемной кельи стекали струйки воды. Спать у стены означало проснуться на сырой постели. Ромул поселился здесь последним, и потому худшее место досталось ему. Он сносил свое положение без жалоб, понимая, что это тоже является частью ритуала причисления к «своим». Каждое утро он неизменно выволакивал тюфяк сушиться на солнце, не обращая внимания на смех окружающих. Каждый вечер он заносил тюфяк обратно.

Ромул поднял тяжелый тюк, лежавший возле двери, немного постоял. Затем глубоко вздохнул и вошел.

– Ну и неженка же ты, малый!

– Привык, поди, к хорошей жизни!

Ромул покраснел. В этом подшучивании была некоторая доля истины. Жизнь в лудусе была куда тяжелее, чем в доме Гемелла. Он кинул свою постель на грубый дощатый топчан.

– погоди, вот зима придет, – бросил с усмешкой Лентул. – Вот тогда почувствуешь, что это и впрямь поганый угол!

Ромул недолюбливал коренастого молодого гота, который постоянно искал повод задеть его. И сейчас, раздосадованный этим замечанием, он вдруг принял боевую стойку.

– Может, к тому времени я уже займу твое место.

Гай настороженно приоткрыл глаза.

– И как же ты считаешь его получить? – усмехнулся

Лентул. – Зарубишь меня мечом?

Ретиарий хихикнул.

Лентул вновь улегся на свой тюфяк и принялся ковырять щепкой в гнилых зубах.

Ромул стиснул рукоять кинжала.

– Я преподам тебе урок, – медленно произнес он.

Гот напрягся и опустил руку на пол. Звякнуло железо, и в руке у него оказался гладиус, который он прятал под кроватью.

Ромул почувствовал прилив возбуждения и страха.

«Лучше драться во дворе, а не в этой клетушке, где шагу не ступить».

И чтобы у него был не только ножик или деревянный меч. Выданный ему настоящий меч хранился под замком в оружейной вместе с прочим оружием. Всего тридцать шагов, а расстояние непреодолимо. Пожалуй, он ошибся. Стоило сдержаться и не отвечать.

Лентул начал приподниматься, взмахнул мечом...

– Успокойся, Лентул, – произнес знакомый голос. – Мы все устали и жрать хотим.

Ромул скосил на Секста благодарный взгляд.

Низкорослого испанца-скиссора в школе гладиаторов побивались очень многие. Он не знал равных в обращении с боевым топором, а его боевой специальностью было расправляться с ранеными и слабыми.

Лентул был не настолько уверен в себе, чтобы вступать в

конфликт с Секстом, и потому промолчал. Но столкновение с невзлюбившим его готом неизбежно ждало Ромула. И нельзя надеяться, что скиissor в следующий раз окажется рядом и поможет разрядить ситуацию. Рано или поздно ему придется драться с Лентулом. Эта мысль одновременно и восхищала, и ужасала Ромула. Он был на пять, а то и шесть лет моложе и ниже ростом, чем секутор, прошедший уже с полдюжины боев без единой раны, что характеризовало гладиатора очень хорошо.

Громко прозвенел гонг, призывавший на обед.

Секст улыбнулся и встал:

– Есть пора!

Лентул сделал выпад рукой, словно колол мечом; это движение не укрылось от Ромула.

Оба смотрели друг на друга, и ни один не желал отвести взгляд.

– Есть пора, – повторил скиissor.

Ромул взял миску и вышел перед Секстом, оставив его между собой и Лентулом. В следующий раз надо быть осторожнее. В желудке громко заурчало, и он выкинул случившееся из головы.

– Потри-ка еще!

Унктор еще раз сбрызнул ароматическим маслом широкую спину галла и принялся умело разминать мышцы.

Бренн голышом лежал на большом деревянном столе и

наслаждался массажем. Мемор заботился о своих лучших гладиаторах и позволял им такое, о чем другие могли только мечтать. После того как унктор закончит работу, галл намеревался долго лежать в бассейне, а потом поесть вкусной еды, приготовленной Асторией, его женщиной.

– Ты сегодня слишком быстро убил мирмиллона. Я готовил эти проклятые игры несколько месяцев.

Открыв глаза, Бренн увидел Мемора, неслышно вошедшего в комнату.

– Публике это, похоже, понравилось, – небрежно возразил он.

– Публика непостоянна, – отрезал ланиста. – Сколько раз тебе повторять, что бой должен тянуться как можно дольше?

Привычка галла стремительно расправляться со своими противниками уже не первый год раздражала Мемора. Однако, невзирая даже на эту необычную черту бойца, публика любила Бренна, а ланиста из-за этого злился еще сильнее.

Унктор нащупал затвердение на плече Бренна. Галл громко хмыкнул. Он совершенно не хотел причинять людям излишние страдания, и Мемор знал это.

– Слушай, что тебе говорят!

Галл вновь закрыл глаза:

– Я слышу тебя.

Мемор даже покраснел от такого неуважения.

– Ты все еще мой раб! – Он хлопнул ладонью по клейму, выжженному на левой икре Бренна. – Не забывай об этом!

Бренн скосил на него глаза:

– В следующий раз я буду убивать медленно. Доволен?

Смущенный унктор остановился.

– Разве я сказал прекратить?

Тот поспешно взялся за массаж.

– Ты только не забудь, что сейчас сказал. – Мемор вовсе не желал сурово наказывать самого сильного и умелого из своих бойцов. Слишком уж большие доходы приносил ему галл. Но долгие годы командования толпами гладиаторов сделали нрав ланисты беспощадным, как клинок. – И с твоей девкой не случится ничего плохого, – добавил он, как будто невзначай.

Унктор ахнул от испуга, когда Бренн вскочил со стола, опрокинув бутыль с маслом. Черепки разлетелись по полу. Наступая на острые осколки, великан, стиснув кулаки, как был, голый, метнулся к Мемору. Пять лет назад он оказался лишен возможности защитить свою жену. Но повториться такое больше не могло.

Ланиста поспешно отступил на несколько шагов.

– Послушай, ты, римское дерьмо. – Бренн приблизился к хозяину почти вплотную. – Тронь хотя бы волос на голове Астории, и я заставлю тебя сожрать собственные яйца. А потом вырежу твое сердце.

Мемор не выказал признаков испуга.

– Не можешь же ты со своими друзьями охранять Асторию круглосуточно. – Он, словно в раздумье, пожал плечами. –

То и дело происходят несчастные случаи. Скажем, повозка на улице опрокинется. Или вор перережет горло в переулке.

Бренн скрипнул зубами от ярости. Он и сам отлично понимал, что не может постоянно держать прекрасную нубийку под присмотром.

– Хорошо, господин, – выговорил он, как будто давясь произносимыми словами. – В следующий раз я буду драться лучше. Медленнее.

Мемор улыбнулся как ни в чем не бывало:

– Где кошелек, который дал тебе Цезарь?

Бренн указал на одежды, сваленные на полу возле стола. Ланиста быстрым движением пересыпал в кожаную сумку больше половины монет.

– Там осталось еще много – для *раба*. – Мемор высыпал оставшиеся деньги на пол и вышел, довольный тем, что ему удалось унижить галла.

Бренн без единого слова улегся на стол и махнул унктору, чтобы тот продолжил массаж.

До того как он полюбил Асторию, его жизнь в школе была проста. Здесь почти не знали иных мер устрашения, кроме страха смерти и угрозы пыток. Бренн не боялся ни того ни другого, и ланиста это знал. На первых порах ему как-то назначили тридцать плетей, но галл только рассмеялся в лицо Мемору. После того как римляне истребили всех его соплеменников, ему было безразлично, что жить, что умереть. В душе его царила полная пустота. Брак, его жена и младе-

нец ушли навсегда. По вине Бренна погибли люди, которых он поклялся защищать. Пророчество Ультана оказалось пустым.

Он не видел смысла в жизни.

Поначалу Бренн искал смерти, но она раз за разом ускользала от него. Одолеть галла в бою не удавалось никому, зато десятки противников пали от его клинка. Он богател, получая награды от эдиторов; многие выдающиеся люди, в том числе и Юлий Цезарь, тратили огромные деньги на игры, которые стали к тому времени важной частью повседневной жизни Рима.

Но Бренна не привлекали ни деньги, ни возможность убивать людей. Он мог удрать из школы и удариться в бега; даже жизнь отверженного была бы лучше той, какую он вел. Удержали его от побега лишь поразительные слова, которые он услышал три года назад от дряхлого авгура, занимавшегося своим ремеслом подле ворот Большой школы. Мемор не возражал против визитов предсказателя в школу, поскольку знал, что они поднимают дух его людей. Что же касается Бренна, то он слишком часто видел, как гладиаторы платят за знамения, которые якобы предвещают им удачу, а на следующий день гибнут на арене, чтобы доверять предсказаниям старца. Попросту говоря, он считал его шарлатаном.

Но как-то раз один мирмиллон, ставший Бренну приятелем, заплатил за предсказание для него. Галл согласился пойти и выслушать двусмысленные слова, надеясь немного

развеять скуку. Когда он присел рядом с авгуром, тот привычно улыбнулся ему. Затем запустил руку в стоявшую рядом корзину, извлек курицу и ловким движением отрубил ей голову. А потом старец сделался необычно серьезным и долго молчал, разглядывая внутренности птицы.

Галл, также не нарушая молчания, ожидал, удивленный тем, что гадатель сразу же не предсказал ему победу над целым отрядом гладиаторов.

– Ты лишился всего на свете.

Мелодраматизм высказывания не подействовал на Бренна. Точно так же обстояли дела у всех бойцов школы. Большинство из них были прежде свободными людьми, но по тем или иным причинам попали в рабство.

Но прежде чем он успел высказать это вслух, авгур продолжил речь:

– И все же тебя ждет дальнейшее странствие.

Бренн, потрясенный до глубины души, затаил дыхание.

– Такого странствия не совершал никто из твоего народа. – Увиденное, похоже, изумляло старца ничуть не меньше, чем его слова – галла. Однако при последующих гаданиях он толковал знамения в том же духе.

Это возродило в Бренне надежду.

Он старался ни с кем не сближаться, но привлекал к себе людей добродушным нравом. В суровой обстановке школы готовность галла обучать других и показывать полезные боевые приемы была явлением необычным. И хотя его ис-

ключительное положение пробуждало в некоторых зависть, многие гладиаторы называли его другом. А год назад Бренн, всегда помнивший о том, как Коналл спас ему жизнь, даже выручил Секста, одного из скиссоров, когда на того в массовом побоище навалился целый отряд. Это еще выше подняло популярность Бренна в школе, хотя сам он не доверял никому.

Все изменилось с тех пор, как несколько месяцев назад на кухне появилась Астория. Бренн сразу обратил внимание на ее красоту и манеры. После смерти Лиат он знал много женщин, телесная тяга через некоторое время превозмогла скорбь. Сначала он покупал на полученные в награду деньги проституток, а потом на смену им пришли богатые матроны, являвшиеся в лудус в поисках постельных развлечений. Благодаря славе лучшего из лучших бойцов аристократки слетались к нему, как мотыльки на огонь. Среди богатых женщин считалось хорошим тоном получать наслаждение с мужчинами, смерть которых они могут вскоре увидеть на арене. Многих сотоварищей Бренна искренне радовало такое внимание, на него же самого ни одна женщина не произвела ни малейшего впечатления, пока он не увидел Асторию и не оказался пленен формами ее эбеново-черного тела, чуть прикрытого драной туникой.

Бренн почти сразу же потребовал нубийку для себя одного и тем самым обнаружил уязвимое место в своей эмоциональной броне. Репутация галла была столь высока, что

никто не осмеливался тронуть Асторию, даже самые наглые ограничивались похотливыми высказываниями. Однако ее присутствие породило могучую зависть у кучки ничем не выделяющихся бойцов. И сейчас, после угрозы Мемора, Бренн страшился за Асторию куда больше, чем за свою собственную жизнь. Он поморщился. Может быть, полежав достаточно долго в воде, он сможет выкинуть из головы слова ланисты...

– Хватит.

Унктор сразу же отступил.

Бренн собрал с пола деньги, положил их в кошель, кинул монету костоправу и, не одеваясь, направился в фригидарий, помещение, где находился большой бассейн. Вода там была настолько холодная, что у него захватило дух. Закрыв глаза, галл окунулся с головой – перед тем как войти в горячее помещение, следовало освежиться.

Посидев в бассейне, он перешел в тепидарий, где раб умастил его кожу особым маслом и очистил железным скребком. Оттуда Бренн направился в калдарий. Там уже парились несколько ведущих гладиаторов школы. Постепенно разговор смолк; мужчины отдыхали, наслаждаясь расслабляющим мышцы жаром, который поддерживался нагретым воздухом, поступавшим по проделанным в стенах и полу узких ходах от расположенного неподалеку гипокауста, большой подземной печи, где всегда горел огонь.

Через некоторое время Бренн, уже в гораздо лучшем на-

строении, вышел из бани. Спустились сумерки. Дверь его кельи на противоположной стороне двора была приоткрыта, и из нее пробивался колеблющийся свет от свечи, которую зажгла Астория. Он улыбнулся, представив себе ее обнаженное тело.

Тишину прорезал женский вопль.

И сразу же оборвался.

Бренн со всех ног бросился через арену, выронив на бегу непросохшие одежды. Рывком распахнув дверь, он увидел в своей комнате четырех самых неприятных ему гладиаторов. Его опасения оправдались. После восстания Спартака оружие в комнатах разрешали держать только гладиаторам-чемпионам. И в отсутствие Бренна негодьям было нетрудно и совершить насилие над Асторией, и поживиться его оружием.

Сейчас двое угрожающе замахнулись мечами на галла, а двое других, сидя на кровати, грубо лапали Асторию жадными руками. Тунику на нубийке разодрали, она тщетно пыталась прикрыть наготу руками. Она жалобно всхлипывала, Бренн заметил на ее щеке след от удара.

Жилы на шее Бренна вздулись от гнева.

– Три весельчака и Лентул... – прорычал он. Все остальное его оружие хранилось у дальней стены комнатушки.

– Не подходи! – Голос Тита дрожал, хотя у галла не было оружия.

Трое мирмиллонов всегда держались вместе. Братья Тит и

Курт входили в одну из коллегий Клодия. В лудус их продали после того, как бандиты, которых они возглавляли, изнасиловали богатую матрону. Еще оставались такие преступления, которые городские магистраты не могли спустить с рук. Флавий, приземистый неприглядный коротышка, упражнялся вместе с ними. Вскоре после того, как они оказались в школе, их выпустили в групповом бою, и они быстро поняли, насколько выгодно драться втроем. С того дня эти мирмиллоны почти не разлучались. Они и занимались, и спали вместе. Поговаривали, что спали они не просто так.

– Зачем ты связался с этим отребьем? – Бренн шагнул к Лентулу, четвертому насильнику.

Гот с очевидным трудом сглотнул и отступил на шаг, все так же держа меч острием к Бренну.

Огромный галл холодно усмехнулся:

– Проваливайте отсюда, и я обойдусь с вами по-хорошему. Даже не убью никого.

Лентул неуверенно оглянулся на Тита, который был у них главарем.

– Да он же просто куча дерьма! – выкрикнул мирмиллон. – А ее ты получишь следующим.

Лентул покосился на обнаженное тело нубийки, и взгляд у него сделался масляным от похоти. Курт кивнул в знак согласия и схватил Асторию за промежность. Потом облизал пальцы и громко захихикал.

– Ох и сладко, Лентул.

– Подержите его там, парни! – Флавий тоже рассмеялся; набедренная повязка несколько не скрывала его эрекцию. – Я быстренько заделаю этой суке.

Лентул как зачарованный уставился Астории между ног.

Нужно было действовать очень быстро. Бренн ринулся вперед и заехал кулачищем Лентулу по голове выше уха. Гот лишился чувств, меч с грохотом упал на пол. Однако Бренн не успел поднять его. На него бросился Тит. Галл резко метнулся в сторону, но клинок прошелся по его груди, оставив длинный неглубокий порез.

Тут же последовал второй удар, но Бренн схватил острое лезвие левой рукой. Пересиливая боль, он стиснул гладиус с такой силой, что Тит не смог вырвать его. Правой же рукой галл схватил мирмиллона за горло и принялся душить.

Тит выпучил глаза от ужаса, выронил меч и, напрягая все силы, попытался разжать мертвую хватку Бренна. Тщетно. В считанные мгновения лицо мирмиллона посинело, язык вывалился из разинутого в напрасной попытке заорать рта. Бренн стиснул пальцы еще сильнее, и гортань хрустнула под его пальцами.

Увидев, что его брат сейчас умрет, Курт вскочил.

– Держи девку! – рявкнул он Флавию и метнулся через комнату с оружием наготове.

Злобно скривившись, мирмиллон вцепился в почти лишившуюся чувств Асторию.

Бренн кинул безжизненное тело на пол и здоровой рукой

взялся за рукоять меча. Из раны на груди текла кровь, но обнаженным галлом уже овладело боевое бешенство. Он поднял гладиус и шагнул навстречу врагу.

– Вчетвером меня одолеть не можете? Слизняки!

– Ублюдок! – Потрясенный смертью брата, Курт безрассудно кинулся на Бренна, который пригнулся и легко ушел от удара.

Сделав выпад, галл воткнул меч в незащищенную грудь мирмиллона. И улыбнулся, увидев, как Курт в своем порыве еще глубже насадил себя на меч.

Глаза мирмиллона широко раскрылись от внезапной боли, и он умер.

Упершись громадной ладонью в грудь Курта, Бренн сильно толкнул его. С противным чавканьем острый как бритва металл вышел наружу, открыв доступ воздуху в распоротую грудную клетку. Тело Курта рухнуло на песчаный пол, щедро орошая его кровью.

– Твои дружки изгадили мою комнату, – чуть ли не ласково произнес Бренн, шагнув к Флавию.

– Попробуй только подойти, и я перережу ей глотку. – Флавий испуганно шарил глазами по комнате, но твердо держал кинжал, острие которого было приставлено к горлу Астории прямо под подбородком.

Бренн понимал, что мирмиллон говорит правду.

– Отпусти ее.

– Чтобы ты и меня убил? – Флавий уколол Асторию остри-

ем ножа. На бархатистой черной коже выступила большая алая капля. – Встать!

Мирмиллон медленно двинулся в сторону Бренна, крепко прижимая к себе девушку.

– Выходи! – крикнул Флавий. – Первым.

Галл попятился, стараясь не поскользнуться на залитом кровью песке.

Полутемный двор освещали мерцающие огоньки масляных ламп гладиаторов, сбежавшихся на крики Астории и звуки боя.

Ромул стоял в глубокой тени возле двери кельи галла. В отличие от остальных, он точно знал, кто напал на нубийку. Лентул уже некоторое время упражнялся вместе с тремя мирмиллонами и частенько заговаривал о том, как хорошо было бы изнасиловать Асторию. Правда, он делал вид, что это лишь пустые разговоры. А теперь, похоже, попытался воплотить болтовню в жизнь.

За время пребывания в школе Ромул много раз встречался с Бренном, но ни разу не разговаривал с ним. Богатырь-галл и Астория казались ему вполне дружелюбными людьми и, уж конечно, не вызывали у него той ненависти, которая обуревала его при мыслях о Лентуле. Стиснув кулаки, он молился про себя, чтобы их не убили.

Когда появился Бренн, абсолютно голый, залитый кровью из свежих ран, мальчик почувствовал облегчение. Следом за галлом вышел Флавий, крепко державший Асторию за горло.

– Помогите мне разделаться с галлом! – Мирмиллон всматривался во тьму, рассчитывая, что кто-нибудь из гладиаторов придет ему на помощь. – А потом все позабудем с его шлюхой!

– Первому, кто подойдет, перережу глотку, – негромко произнес Бренн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.